

В этой подборке – статьи и переводы *Т.А. Черноверской*:
«**ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СЕН-ЖЮСТА**», автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук
«**ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА**»
«**ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДИКТАТУРЫ КАК ПЕРИОДА ПЕРЕХОДА К НОВОМУ ОБЩЕСТВУ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СЕН-ЖЮСТА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**»
«**ПРОБЛЕМА "РЕСПУБЛИКАНСКОЙ МОНАРХИИ" В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ФРАНЦИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**»
«**БУНТ, НЕ ИМЕЮЩИЙ ПЕРСПЕКТИВЫ**: Луи Антуан Сен-Жюст в годы работы над поэмой "ОРГАНТ" (1783?-1789)»

в текст включены переводы с франц. **ДИАЛОГА Г-НА Д... С АВТОРОМ ПОЭМЫ "ОРГАНТ" И ПАМФЛЕТА «РАЗУМ В МОРГЕ» Л.-А.Сен-Жюста**

«**К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СЕН-ЖЮСТА**: о месте сочинения "О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления" в процессе формирования общественного идеала Сен-Жюста»

«**САМОЕ РАННЕЕ СОЧИНЕНИЕ СЕН-ЖЮСТА**: "АРЛЕКИН ДИОГЕН", КОМЕДИЯ В ОДНОМ АКТЕ» и **ПЕРЕВОД ПЬЕСЫ**

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СЕН-ЖЮСТА, НАЙДЕННОЙ 9 ТЕРМИДОРА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ О ЛУИ АНТУАНЕ СЕН-ЖЮСТЕ

ЗАМЕТКИ ОТНОСИТЕЛЬНО СЕН-ЖЮСТА, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ БУМАГ ГРАЖДАНИНА* (Пьер Жермен Гато) 9 термидора III года**

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Рене Левассёра

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РЕВОЛЮЦИИ И ИМПЕРИИ Шарля Нодье

ИЗ ТЕРМИДОРИАНСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ Жоржа Дювала

Материалы были подготовлены для веб-публикации и размещены, по согласованию с автором, на сайте «**Великая французская революция**» Юрием Карякиным (СПб) в 1999-2003 гг. Данный файл в библиотеке [Vive Liberta](#) является копией, в которую мы внесли некоторые тематические ссылки.

Также в нашей библиотеке:

[**М.-А.Шармело. Сен-Жюст, или Шевалье Органт. Перевод с французского Марты**](#)

[**Маргарита. Десятое термидора**](#)

[**«Помню городок провинциальный...» - Марта о своей поездке в Блеранкур, на родину Сен-Жюста**](#)

[**«Чужая память» - Татьяна Петрова заочно в Блеранкуре**](#)

[**Т.Черноверская. Первый опыт осмысления происходящего: «Дух Революции и Конституции во Франции» Л.-А.Сен-Жюста**](#)

[**«Сен-Жюст и сила обстоятельств» - впечатления о фильме**](#)

[**Eleonore. О портретах Сен-Жюста и его образе в исторической литературе**](#)

[**Портрет из Блеранкура: в ожидании разгадки**](#)

[**Марта. Размышления о портретах Сен-Жюста**](#)

[**Марта. Образ Сен-Жюста в художественной литературе**](#)

[**Обсуждение темы \(Eleonore, Машетта, Ната Мишлетистка\)**](#)

[**Татьяна Петрова. Автобус-призрак**](#)

[**Элизи-ум. Т.Петрова, С.Труфанова**](#)

[**Ольга Кондратьева. Стихотворения и проза**](#)

[**Дж.Б.Мортон о нем и Анриетте Леба \(перевод Елены Шонь и Татьяны Черноверской\)**](#)

[**Тереза или Анриетта?.. По страницам книги А.Левандовского «Кавалер Сен-Жюст».**](#)

[**Комментарии Eleonore**](#)

[**Анриетта! У Ромена Роллана - своя версия**](#)

[**Сен-Жюст в драме Ф.Раскольникова «Робеспьер»**](#)

[**Марта. 10 термидора XVII года Республики: Первый гражданин**](#)

[**Теплая осень, ледящий термидор: две встречи**](#)

[**Дебаты о Конституции 1793 года**](#)

[**В.Бредель. Комиссар Рейнской армии**](#)

[**Ал.Исбах. Знамена Вальми**](#)

[**А.Чаковский. Сен-Жюст**](#)

[**Т.Черноверская. Жизнь и деятельность Л.-А. Сен-Жюста \(на Vivos Voco\)**](#)

[**Т.Черноверская. О значении речи «О продовольствии» в эволюции мировоззрения Сен-Жюста**](#)

[**М.Булуазо. Комитет Общественного спасения**](#)

[в драме Г.Бюхнера «Смерть Дантона»](#)
[в драме А.Н.Толстого «Смерть Дантона»](#)
[в драматической поэме П.Антокольского «Робеспьер и Горгона»](#)
[в пьесе Л.Фейхтвангера «Вдова Капет»](#)
[в романе А.Гладилина «Евангелие от Робеспьера»](#)
[в драматических отрывках Б.Пастернака](#)
[Сен-Жюст и Робеспьер на Марсовом поле](#)
[Очень короткая апокрифическая история: Корде и Сен-Жюст](#)
[Глава X из книги А.Дживелегова «Армия Великой французской революции и ее вожди»](#)
[\(Комиссары в армии\)](#)
[Что случается в одну ночь](#)
[Марта. Герои былых времен](#)
[«Герой таблоидов и глянцевого журнала»?.. Карнавальная фантазия Наты Мишлетистки](#)
[Сен-Жюст в фильме, в котором нет Сен-Жюста: отзыв Марты](#)
[М.Филимонова. Сен-Жюст как архетип революционера в европейской культуре](#)
[Н.Чупрун. Сен-Жюст и вантозские декреты](#)
В сб. «Из истории якобинской диктатуры (1793-1794 гг.)». Одесса, 1962.
Текст подготовлен в формате pdf: [1](#), [2](#), [3](#)
[Т.Черноверская. Античность в политическом дискурсе якобинцев и проблема понимания](#)
[Дебют в Конвенте \(первая речь о суде над королем\). Антуан и Максимилиан. По страницам](#)
[романа Л.Фейхтвангера «Мудрость чудака»](#)
[Т.Черноверская. Разговор на разных языках: Сен-Жюст и борьба Горы и Жиронды](#)
[В.Шумилов. Сен-Жюст. Живой меч, или Этюд о счастье \(роман\) беседа с автором](#)

Из произведений и речей Сен-Жюста:

[Фрагмент «Республиканских установлений» \(о воспитании\)](#)
[Сен-Жюст о 14 июля 1789 года](#)
[Сен-Жюст как очевидец на празднике Федерации 14 июля 1790 года](#)
[Сен-Жюст в процессе над Людовиком XVI](#)
[Речь 27 декабря 1792 г.](#)
[В прениях о Конституции 1793 года: речь в Конвенте 24 апреля, 24 мая, проект Конституции](#)
[Из переписки Сен-Жюста и Леба](#)
[Речь, начатая Сен-Жюстом на заседании 9 термидора, переданная в бюро Конвента по его распоряжению](#)

Татьяна Александровна Черноверская

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЧЕРНОВЕРСКАЯ ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА
ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СЕН-ЖЮСТА

Специальность 07.00.03 - Всеобщая история (новая и новейшая история)

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

ТОМСК 1999

Диссертация выполнена на кафедре всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета

Научный руководитель - доктор исторических наук Гордон Александр Владимирович

Официальные оппоненты:

- доктор исторических наук Чудинов Александр Викторович
- кандидат исторических наук Пименова Людмила Александровна

Ведущая организация

- Омский государственный университет, кафедра Всеобщей истории

Актуальность темы. Имя Луи Антуана Сен-Жюста нераздельно связано с якобинским периодом истории Великой французской революции, с периодом, на "индивидуальную физиономию" которого особенно глубокий отпечаток наложила неповторимая личность этого человека. Эпоха якобинской диктатуры со времен Н.М.Лукина и до самого последнего времени традиционно находилась в центре внимания отечественной историографии, и тем не менее не может считаться по настоящему изученной - отчасти из-за достаточно жесткой заданности сюжетов и общего направления исследований, отчасти из-за свойственного не только марксистской историографии "финалистского" подхода к изучению истории - в данном случае с точки зрения дальнейшего капиталистического развития Франции и/или социалистической перспективы. Перемена политической конъюнктуры в нашей стране привела к смене приоритетов, но изменение исследовательской парадигмы пока только начинается и по отношению к истории якобинской диктатуры оно проявляется в большей мере в перемене этических оценок, чем в переосмыслении природы происходившего. При этом на передний план все более выступает проблема ответственности "идеологов", "доктрины" за то, какой характер приняло развитие событий во Франции, за размах террора и гражданской войны.

Мы вновь сталкиваемся с проблемой соотношения "доктрины", "идеологии" - и "силы вещей", что ведет нас к результатам, о которых мы и не помышляли" (Сен-Жюст), - с проблемой, которая ставилась и по разному решалась всеми, кто на протяжении двух веков обращался к истории Французской революции.

Сен-Жюст был одним из лидеров робеспьеристов, очень небольшой политической группировки, которая, по выражению С.Л.Сытина, была своего рода "гениальной равнодействующей" разнородных, зачастую противоборствующих сил, составлявших якобинский блок, и во многом определяла общее направление политики революционного правительства.

Ближайший единомышленник и друг Максимилиана Робеспьера, Луи Антуан Сен-Жюст был почти на десять лет моложе и принадлежал к младшему поколению Революции, которое по настоящему заявило о себе лишь в годы Директории, Консульства и Империи. Историки часто сравнивают Сен-Жюста с Наполеоном: они были почти ровесники, и пожалуй лишь эти два человека обладали практически в равной мере качествами, необходимыми для политического и военного лидера. Нередко встречается утверждение, что Сен-Жюст был единственным, кто мог бы стать реальным соперником Наполеону, единственным, кому "под силу было заставить меч трепетать перед законом" (Мишле), что "ни в чем звезда Наполеона не проявила в такой мере своей благосклонности к нему, как в том, что удалила с его пути Сен-Жюста" (Корнгольд).

Формирование мировоззрения Сен-Жюста происходило в непрерывно и динамично меняющихся условиях кризиса Старого порядка и первых лет Революции в результате личного опыта взаимодействия с окружающей действительностью. За очень короткое время в нем произошло несколько достаточно крутых поворотов со сменой политических приоритетов, с переменой в выборе "учителей", в предпочтении тех или иных философско-политических систем или их элементов, в характере языка. Определялось это не столько изменением внешних условий, сколько непосредственной практикой общественной жизни, политической деятельностью самого Сен-Жюста начиная с первого года революции и до того времени, когда он силою этой революции был вознесен к самым вершинам власти и затем брошен под нож гильотины.

Методологической основой диссертации служит принцип историзма. Понять мотивы и характер деятельности Сен-Жюста возможно лишь изучая формирование и эволюцию его мировоззрения, прежде всего в додиктаторский период. Именно так мы сможем подойти к пониманию проблемы соотношения идей и обстоятельств - в особенности если само мировоззрение рассматривать не только и не столько как совокупность, систему взглядов и убеждений, сколько как способ духовно-практического освоения действительности, как единство когнитивной, эмоционально-волевой и деятельностной сторон. Анализ мировоззрения предполагает прежде всего анализ процесса его развития и функционирования. Поскольку на формирование мировоззрения оказывает влияние и окружающая человека действительность, и непосредственный личный опыт взаимодействия с нею, это побуждает обратиться к изучению биографии Сен-Жюста. Жанр исторической биографии переживает в настоящее время как бы новое рождение в связи с развитием микроистории, предполагающей существенное уменьшение масштаба наблюдения, переход к микроскопическому анализу и интенсивному прочтению документов, направления, в основе которого лежит не единая методологическая база, а историографическая практика, использующая разнообразные методы исторического исследования и смежных гуманитарных дисциплин.

Цели и задачи исследования. На основе анализа всего корпуса сочинений Луи Антуана Сен-Жюста в контексте его жизненного пути проследить процесс формирования и эволюции его мировоззрения в дореволюционный период и в начальные годы Великой французской революции вплоть до установления якобинской диктатуры. Для этого необходимо решить следующие задачи: на основе изучения известных биографических данных проследить динамику изменений во взаимоотношениях Сен-Жюста с окружающим миром и в его понимании собственного места в нем; анализируя структуру и содержание текстов в контексте биографии, уточнить время их создания; определить воздействие на его мировосприятие творчества отдельных писателей и философов, характер этого воздействия и способы использования их идей; проследить изменения в восприятии Сен-Жюстом основных социально-политических категорий эпохи Просвещения (свобода, равенство, собственность, естественное состояние, суверенитет, республика, монархия, и др.), изменения, происходившие в использовании им языка этих понятий; на основе сопоставления смысла, который Сен-Жюст как представитель Горы вкладывал в эти категории и понятия, с тем смыслом, какой придавали им лидеры Жиронды, выявить теоретические основы противостояния этих политических группировок.

Среди **источников**, позволяющих изучать эволюцию мировоззрения Сен-Жюста, можно условно выделить следующие группы.

Во-первых, это литературные произведения, созданные им еще до начала революции, в пору ранней юности - героико-комическая поэма "Органт", одноактная комедия в стихах "Арлекин Диоген", а также два небольших сочинения - "Диалог г-на Д... с автором поэмы Органт" и "Разум в морге", вошедшие в научный оборот совсем недавно. К ранним литературным произведениям Сен-Жюста примыкает История замка Куси, так же написанная скорее всего в последнюю пору обучения в коллеже.

Еще одну группу составляют теоретические сочинения - трактат "Дух Революции и Конституции во Франции", опубликованный автором в июне 1791 г.; "Республиканские установления", создававшиеся в последние месяцы якобинской диктатуры и впервые опубликованные в 1800 г.; и, наконец, незаконченный трактат "О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине или Правила независимости управления", введенный в научный оборот в 1951 г.

В следующую группу можно выделить материалы публичной деятельности Сен-Жюста. От доконвентского периода их сохранилось немного, и наиболее значимыми для изучения эволюции его мировоззрения являются материалы, связанные с судебным процессом Блеранкурской коммуны против съера Грене. Основную массу источников этой группы составляют речи и доклады Сен-Жюста - депутата Национального конвента. В них общественный идеал автора, его представления об окружающем мире, об обществе и государстве, приходят во взаимодействие, а возможно и в противоречие с политическими требованиями текущего момента. Более того, если в речах ноября 1792 - мая 1793 г. Сен-Жюст выступая от своего имени, высказывает лишь собственное мнение, то впоследствии, в докладах от имени Комитета общественного спасения он вынужден считаться с коллективным мнением своих коллег, хотя в принципиальных вопросах он никогда не поступил бы своими убеждениями. В этом отношении большие программные речи Сен-Жюста "О продовольствии" 29 ноября 1792 г., или "О Конституции" 24 апреля 1793 г. близки теоретическим сочинениям, а доклады более позднего времени - источникам еще одной группы, которую составляют постановления, приказы, служебная переписка.

Документы этой группы можно также разделить на две подгруппы: деловые документы Комитета общественного спасения, подписанные Сен-Жюстом преимущественно совместно с кем-нибудь из коллег, и отражающие главным образом сферу его деятельности в Комитете; и деловые документы правительственных командировок - миссий в Рейнскую и в Северную армию, также как правило подписанные им совместно с кем-нибудь из коллег, но поскольку во время этих миссий роль Сен-Жюста как члена правительственного Комитета, а также в силу его личных качеств, была ведущей, применительно к этим документам можно говорить о попытке частичного осуществления общественного идеала в экстремальных условиях реальной политики. Большая часть документов этой группы относится уже к периоду якобинской диктатуры.

Еще одну, очень небольшую группу источников составляет личная переписка Сен-Жюста, причем большая часть дошедших до нас писем относится к доконвентскому периоду его жизни и деятельности.

Поскольку диссертационное исследование основано в значительной степени на интерпретации текстов Сен-Жюста, их внутренний анализ дается в соответствующих главах.

Разумеется, изучение взглядов Сен-Жюста невозможно вне контекста общественной мысли века Просвещения, в отрыве от творчества оказавших на него влияние Вольтера, Монтескье, Руссо, Мабли и других.

Хронологические рамки исследования определяются характером исторического материала. Это период, охватывающий большую часть короткой жизни Луи Антуана Сен-Жюста, за исключением последнего года - его деятельность в период якобинской диктатуры традиционно привлекает наибольшее внимание историков и в целом неплохо изучена.

Поэма "Органт" и современные ей литературные произведения позволяют проследить начальные стадии формирования мировоззрения Сен-Жюста в дореволюционный период, примерно с 1783 по 1789 гг.; "Дух Революции и Конституции во Франции" и материалы публичной деятельности в дистрикте Шони, затем трактат "О Природе, Гражданском состоянии..." - увидеть те перемены, которые происходили в его мировосприятии в первые три года революции (1789- 1792 гг.). Но какими бы ни были эти перемены, они имели значение прежде всего для него самого, не оказывая заметного влияния на окружающий его мир, и эволюцию его мировоззрения в этот период можно изучать, анализируя главным образом эти его сочинения в контексте персональных обстоятельств. Избрание в Национальный конвент в сентябре 1792 г. вывело его на общенациональную сцену, сфера его воздействия на окружающих, на самый ход развития революции резко расширилась уже после первого выступления в Конвенте, но это воздействие пока еще в минимальной степени оказывало обратное влияние на него самого, и вплоть до избрания в состав Конституционной комиссии Конвента 30 мая 1793 г. он все еще выступает в большей степени как наблюдатель, стремящийся осмыслить происходящее, чем как делатель. И именно это позволяет подойти к пониманию теоретического содержания противоречий между Горой и Жирондой также через анализ и интерпретацию текстов.

Иное дело последний год - изучение особенностей мировоззрения Сен-Жюста, тех перемен, которые происходили в нем в связи с непосредственным ответственным участием в управлении страной, того влияния, которое особенности мировосприятия Сен-Жюста оказывали на политику якобинской диктатуры, требует качественно иных методов анализа и включения в значительно более широкий контекст истории революции. Этот период можно рассматривать как сюжет для отдельного самостоятельного исследования, и потому в настоящей работе якобинский период жизни и деятельности Сен-Жюста не рассматривается.

Степень изученности проблемы. Немногочисленные в отечественной историографии работы о Сен-Жюсте(1) посвящены в первую очередь его деятельности в период Конвента. Беглый обзор биографии у Я.М.Захера, плодотворный анализ влияния идей Просвещения на политические взгляды Сен-Жюста, по существу оторванный от условий их формирования - у К.Серебрянской, краткая характеристика "Духа Революции" с точки зрения развития его социально-экономических взглядов у Н.И.Чупруна - вот, практически, и всё, что можно найти в работах советских историков о предконвентском периоде его жизни и деятельности. Думается, объяснить этот факт можно двумя причинами: во-первых, крайней ограниченностью как достоверных данных о его жизни, так и сочинений самого Сен-Жюста, относящихся к периоду, предшествовавшему созыву Конвента, которые имелись в распоряжении отечественных историков в советский период, а во-вторых, и это пожалуй главное, традиционным в нашей историографии советского периода интересом к проблемам высшего этапа Великой французской революции - к проблемам якобинской диктатуры, в свете которого вся предшествующая жизнь Сен-Жюста рассматривалась как "лишь пролог, лишь подготовка к последним двум [годам], сверкающим и грозным" (К.Э.Кирова).

Примерно то же самое можно сказать о содержании зарубежных (французских, английских, американских) биографических работ о Сен-Жюсте, публиковавшихся вплоть до 70-х годов нынешнего столетия(2), и носивших, по выражению А.Собуля, "скорее литературный, чем исторический характер", а также о большей части статей, публиковавшихся в это время. Среди них исключение составляют книга американца Е.Н. Кэтиса "Сен-Жюст коллега Робеспьера", остающаяся и по сей день одной из лучших биографий Сен-Жюста, а также ранняя работа самого А. Собуля, вышедшая под псевдонимом П.Дерокль "Сен-Жюст, его политические и социальные идеи", о которой сам автор впоследствии писал достаточно критично, отмечая "игнорирование эволюции мысли Сен-Жюста, разрушение исторических перспектив ее развития, придание его мысли большей цельности, чем она в действительности имела на протяжении его кратковременной карьеры"(3). Между тем, ещё в середине 30-х годов Ж. Лефевр в рецензии на книгу Кэтиса отметил, что лишь исследования раннего, доконвентского периода жизни и деятельности Сен-Жюста, а так же его миссий в Рейнскую и в Северную армии, проведенные на материалах местных архивов, смогут значительно пополнить наши знания. Так случилось, однако, что в 1944 - 1946 годах новыми, чрезвычайно ценными материалами пополнились фонды Национальной библиотеки в Париже, и именно публикация А.Собулем в 1948 - 1954 годах неизвестных ранее рукописей Сен-Жюста(4) обратил внимания на более ранние сочинения Сен-Жюста послужила, наряду с отмечавшимся в 1967 году двухсотлетием со дня его рождения, своего рода толчком, катализатором для новых исследований. В связи с юбилеем Сен-Жюста появились и статьи М.Домманже и М.Абансура, в которых прослеживается глубокая связь эгалитарного общественного идеала Сен-Жюста с окружавшей его в юности сельской средой

Пикардии(5). В частности, М.Абансур в двух больших статьях впервые детально проанализировал два сочинения Сен-Жюста - "О Природе, Гражданском состоянии..." и "Республиканские установления" в их взаимосвязи с философской и литературной традицией Века Просвещения, и именно его анализ впоследствии лег в основу целого ряда новых работ о Сен-Жюсте или обобщающих, посвященных анализу социально-политических идей эпохи Революции и содержащих отдельные главы о нем(6). Однако, и М.Абансур не обратил внимания на более ранние сочинения Сен-Жюста.

Завет Ж.Лефевра был выполнен несколько позже: в 1976 году была опубликована диссертация Ж.П.Гроса, посвященная миссиям Сен-Жюста(7); на исследованиях же, посвященных предконвентскому периоду следует остановиться отдельно. Еще в 50-е годы исследованием местных, в первую очередь коммунальных архивов занялась М.А.Шармело, имеющая также доступ и к ряду семейных архивов. Её работы(8), проникнутые глубочайшим преклонением перед Сен-Жюстом, содержащие ценнейший материал собственно-биографического характера, к сожалению, практически не касаются проблем мировоззрения. Почти то же самое можно сказать и о работах Б.Вино, впервые во всех подробностях осветившего перипетии политической борьбы в дистрикте Шони в первые три года революции и участие Сен-Жюста в этой борьбе(9). Однако, несмотря на то, что он поставил перед собою цель раскрыть влияние среды и образования на формирование мысли Сен-Жюста, несколько упрощенный, прямолинейный, вульгарно-социологический подход не позволил Б.Вино не только проанализировать, но и увидеть сложность и мучительность этого процесса. С.Торжюссен, напротив, посвятила свои труды исключительно эволюции мысли Сен-Жюста, в первую очередь в его литературных произведениях(10), но не занимаясь специально биографическими исследованиями, она не смогла связать процесс формирования и развития мировоззрения Сен-Жюста с его практической деятельностью.

Итак, ни один из названных авторов не нарисовал целостной картины формирования и эволюции мировоззрения Сен-Жюста. Только изучение всех известных его сочинений как целого, не только собственно содержания, но и особенностей композиции, языка, стиля - и в контексте тех обстоятельств, при которых они были написаны, может позволить подойти к пониманию того, "каким образом юный романтик, либертен и бездельник превратился в честолюбивого политика, каким образом от безграничного преклонения перед Конституцией 1791 г. он перешел к непреклонному республиканизму" (Собуль), каким образом принципиальный противник смертной казни стал одним из руководителей политики революционного террора, защитник принципа народного суверенитета - одним из лидеров и основателей диктаторского революционного правительства. А это, в свою очередь, могло бы помочь лучше разобраться в проблемах якобинской диктатуры, понять такое явление как робеспьеризм.

Таким образом, научная новизна исследования состоит прежде всего в том, что предметом его впервые становится мировоззрение Сен-Жюста в процессе его формирования и эволюции в додиктаторский период его жизни и деятельности, в том, что для анализа этого процесса впервые используется весь комплекс известных текстов Сен-Жюста - не только философских, политических, эпистолярных, но и литературных, в контексте жизненного пути их автора и истории революции (в особенности это относится к анализу поэмы "Органт" и трактата "Дух Революции и Конституции во Франции"). Так же впервые предпринимается попытка через анализ мировоззрения Сен-Жюста осмыслить противостояние Горы и Жиронды как конфликт принадлежащих Веку Просвещения и в то же время разных систем взглядов, культурных традиций и даже языка.

Принимая во внимание, что при изучении формирования и эволюции мировоззрения Сен-Жюста накануне и в первые годы Революции приходится иметь дело с несколькими крупными произведениями, поддающимися более или менее точной датировке, с отсутствием личного архива и явной недостаточностью документов лично/стно/го характера, с крайней скудостью, несмотря на самоотверженные изыскания М.А.Шармело и Б.Вино, биографических данных, любая попытка реконструкции неизбежно будет носить фрагментарный, гипотетический характер.

Именно этим и определяется **структура диссертации**, которая состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованных источников и литературы. При этом композиционное единство текста обеспечивается прежде всего симметричной структурой глав, каждая из которых начинается с характеристики персонального и исторического контекста, вне которого последующий анализ текстов был бы малопродуктивным.

В первой главе - "Бунт, не имеющий перспективы" - рассматривается дореволюционный период жизни и деятельности Луи Антуана Сен-Жюста, период работы над героико-комической поэмой "Органт". Поэма была опубликована автором анонимно в мае 1789 г., но сочинять ее он начал значительно раньше: сопоставление текста поэмы с текстом комедии "Арлекин Диоген", написанной не позднее 1783 г., позволяет сделать вывод о том, что комедия была создана позднее, чем песнь III и ранее чем песнь VIII поэмы. В ней можно выделить по меньшей мере две различные по тональности части. Первые шесть песен, написанные в жанре рыцарской поэмы, так же как История замка Куси, созданы вполне благополучным молодым человеком, для которого существование дворянского сословия и сословных привилегий является естественным и необходимым - вероятно, это связано с тем, что его отцу удалось приобрести дворянское достоинство, причем традиционным путем, за военную службу, что в середине XVIII века стало редкостью. В истории Куси он, следуя за официальной, в первую очередь церковной историографией описывает замок и его сеньоров, объясняя, и даже оправдывая, жестокость последних духом времени, одобряя все их деяния во славу церкви и короля, в том числе и беспощадное подавление народных восстаний. В первых песнях поэмы мы встречаем Карла Великого и его придворное окружение, видим военные подвиги и любовные приключения - и ни малейшего намека на недовольство, на критику современного общества, присущую последующим песням. В 1786 г. Луи Антуану пришлось одновременно пережить глубокую личную драму и испытать на себе несовершенство, несправедливость общественного устройства - по-видимому именно с этим связано изменение общего настроения в следующих четырнадцати песнях поэмы. При сохранении верности жанру героико-комической поэмы, здесь преобладают достаточно резкие нападки на современное общество, на религию и церковь, на короля, королеву и самоё королевскую власть - но порою кажется, что в этих нападках больше стремления эпатировать читателя, чем действительного отношения к этим предметам. Впрочем, в других местах он по настоящему серьезен, но и в критике существующего порядка, и в попытках "построить красивую химеру", и даже тогда, когда подвергает сомнению такую неизменную ценность Просвещения, как Разум, Сен-Жюст в основном повторяет общие места своих учителей, пускай и пропустив их через личный жизненный опыт. Особенно велико в поэме влияние "Орлеанской Девственницы" Вольтера, которой молодой автор откровенно подражает.

В том виде, в каком она была опубликована, поэма воспринимается как своего рода бунт против существующего порядка, бунт юноши, неожиданно испытавшего на себе несправедливость этого порядка. Но энергия этого бунта - энергия преимущественно разрушительная, и резкость сатиры здесь, и злость в нападках на власти предерживающиеся объясняется, думаю, не в последнюю очередь именно отсутствием у него перспективы. Однако, сам факт публикации поэмы к открытию Генеральных штатов, придание ей политической заостренности, создание первых политических памфлетов ("Диалог..." и "Разум в морге") свидетельствует, что несмотря на свой пессимизм, Сен-Жюст, быть может сам еще не сознавая того, уже в это время внутренне готовил себя к активному участию в политической борьбе. Но вступив на этот путь он настолько полно отказывается от прежних образцов, что даже имени Вольтера ни разу не упоминает в более поздних политических сочинениях

Вторая глава - "Осмысление происходящего" - посвящена анализу трактата "Дух Революции и Конституции во Франции" в контексте первых двух лет революции и деятельности Сен-Жюста в эти годы. Начало революции, первые ее победы, работа Учредительного собрания, реформа административного управления настраивали его, как впрочем и большинство современников, в духе умеренности и оптимизма. Этим духом проникнут и первый философско-политический трактат Сен-Жюста "Дух Революции и Конституции во Франции", написанный им в конце 1790 - начале 1791 гг. Либертизм как форма оппозиционного поведения сменяется серьезностью молодого политика, ощущающего в себе призвание быть Законодателем. В этом сочинении особенно ощущается влияние идей "Духа Законов" Монтескье, с которым Сен-Жюст не только соглашается, но и полемизирует. В частности, уже здесь, признавая правомерность и необходимость для Франции конституционной монархии, он говорит о верховенстве суверенного народа и законодательной власти над исполнительной властью в лице короля - в представлении о суверенитете народа и в рассуждениях об общей воле заметно влияние идей Руссо. Рассуждения ведутся в основном на языке "Духа Законов", что особенно подчеркивает чеканная афористичность стиля "Духа Революции", однако подвижность, нестабильность в употреблении некоторых системообразующих терминов ("суверен", например), также свидетельствует, что увлекаясь политической теорией Монтескье, используя ее для анализа современного положения Франции, Сен-Жюст уже в это время пытается по-своему ее интерпретировать, привлекая иные социально-политические учения, и в способе его рассуждений о конкретных проблемах революции можно заметить воспроизведение диалектики рассуждений Руссо. Нечто подобное можно сказать и о подходе Сен-Жюста к проблемам социально-экономическим, которые в "Духе Революции" занимают второстепенное место. В частности, категорически отвергая идею имущественного

равенства как источник "мятежа и лени", он в то же время отказывается признать собственность естественным правом.

Политическая умеренность "Духа Революции" столь резко отличает это сочинение и от антимоноархических выпадов "Органта" ("Трон - это всего лишь чурбан, на который каждый может воссесть"), и от его речей, произнесенных позднее с трибуны Конвента, когда он говорил, что "нельзя царствовать и не быть виновным", что даже враждебный Сен-Жюсту Э. Флёрри назвал эту книгу "шедевром разума по сравнению с тем, что было им написано до и после нее", утверждая, что она полностью выпадает из логики развития его мысли.

Представляется, что причина не только в общем упоении первыми успехами Революции. Революция открыла перед Сен-Жюстом, как и перед многими его современниками, новые возможности легальной деятельности, а ее успехи создали иллюзию возможности добровольного отказа привилегированных от своих привилегий и построения царства разума и справедливости, о котором мечтали просветители, вполне законным путем.

В третьей главе - "Поиск собственного пути" - рассматривается сочинение "О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления", над которым Сен-Жюст работал в течение следующего года. Поворот в его мировоззрении связан с совпавшими по времени Вареннским кризисом, вызвавшим распространение во всей Франции республиканских идей, и личной политической неудачей на выборах в Законодательное собрание. Не ранее сентября 1791 г., в пору вынужденного политического досуга, он начинает писать новый философско-политический трактат, работа над которым была прервана в связи с падением монархии и выборами в Конвент: датировка, предложенная М.Абансуром подкрепляется сопоставлением текста трактата и Адреса Блеранкурской коммуны (октябрь 1791 г.). Это незаконченное произведение проливает новый свет на процесс развития мировоззрения Сен-Жюста. Можно заметить, как изменился у него подход к выбору "учителей" и отношение к их учениям: теперь он уже совершенно определенно стремится найти свой путь, выработать собственную систему представлений, синтезируя элементы близких ему в некоторых отношениях учений Монтескье и Руссо, Мабли и школы физиократов (возможно - и других), одновременно полемизируя с ними же в других вопросах. Сопоставление текста с материалами деятельности Сен-Жюста в этот период позволяет сделать вывод о непосредственной связи этого внешне абстрактного трактата с реальными социальными условиями некоторых районов Пикардии. Социальная проблематика занимает в этом трактате, в отличие от "Духа Революции" ведущее место. Полемизируя с Руссо, Монтескье, Гоббсом, Сен-Жюст строит свою теорию естественного состояния, которое он рассматривает не как совокупность изолированных друг от друга индивидов, а как состояние общественное, как отношение между людьми, подобно физиократам или Мабли. Причины перехода от естественного состояния к гражданскому, то есть, к "отношению потребностей" людей, Сен-Жюст усматривает в развитии торговли, земледелия и ремесла. Это приводит к тому, что "люди и вещи начинают смешиваться в общественном мнении, и люди становятся неравными, как неравны вещи". Это представление о связи между появлением неравенства и собственностью сближает Сен-Жюста с Руссо. Перенесение в отношения между людьми основанных на силе отношений между государствами привело людей в состояние дикости, войны всех против всех, которое, по мнению Сен-Жюста, сохраняется и в современном ему цивилизованном обществе. В целом можно заметить, что ценности политической экономии уступают место ценностям и нормам "моральной экономии", что уже в этом трактате, т.е., еще до созыва Конвента, а не после установления якобинской диктатуры, как считалось до его публикации и уточнения датировки, сформировались в общих чертах основы эгалитарного общественного идеала Сен-Жюста. Политическая часть трактата осталась не написанной, и судить о ней можно главным образом по авторскому плану-оглавлению и очень небольшой части текста. Тем не менее то, что он обращается в первую очередь к проблемам общей воли и народного суверенитета позволяет утверждать, что и в этой сфере происходит смена подхода и языка.

Четвертая глава - "Разговор на разных языках" - охватывает первые девять месяцев работы Конвента. Именно в это время завершается процесс перехода от языка Монтескье и физиократов, языка теории разделения властей и языка политической экономии, - к языку Руссо и Мабли, языку учения о народном суверенитете и языку "моральной экономии". Рассмотрение с этой точки зрения программных речей Сен-Жюста осенью 1792 - весной 1793 г. позволяет с несколько неожиданной точки зрения взглянуть на борьбу Горы и Жиронды. В июне 1793 г. Сен-Жюсту был поручен обвинительный доклад против жирондистов, изгнанных из Конвента в результате народного восстания 31 мая - 2 июня, однако на протяжении всех предшествовавших месяцев работы Конвента он находился как бы вне непосредственных столкновений между двумя партиями. Более того, систематически оспаривая мнения и планы жирондистов в общеполитических вопросах, он неоднократно встречал сочувственные и даже восторженные отзывы со стороны некоторых лидеров Жиронды, и если в ноябре 1792 г. их можно было бы объяснить тем, что водораздел между партиями еще не сложился окончательно, то в мае 1793 г., когда конфликт достиг наибольшей остроты, это становится совершенно необъяснимым. Дело, по-

видимому в том, что Гора и Жиронда, используя один и тот же лексикон, говорят на разных языках, вкладывают неодинаковый смысл в такие ключевые понятия как "свобода", "равенство", "собственность", "республика", "монархия", и потому зачастую просто не понимают и/или не желают понять друг друга, когда выдвигают обвинения в адрес своих противников, и когда искренне и категорически отвергают их. Проявляется это, в частности, при обсуждении продовольственных проблем осенью 1792 г., когда речь Сен-Жюста была воспринята одним из лидеров Жиронды Бриссо как защита свободы торговли, тогда как говорил он скорее о неэффективности частичных вмешательств государства в экономику ставя право на существование выше экономической свободы, настаивая на необходимости "вывести народ из состояния неуверенности и нищеты, которая его портит". Проявляется это и при обсуждении Конституции Франции, в том, что Сен-Жюст построил собственный проект на последовательном противопоставлении проекту Кондорсэ, аргументируя это с точки зрения теории народного суверенитета Руссо. Программные речи Сен-Жюста ноября 1792 - мая 1793 гг., рассмотренные в контексте его более ранних теоретических сочинений, позволяют увидеть мировоззренческие основы противостояния Горы и Жиронды.

В Заключении подводятся итоги исследования. За свою очень короткую жизнь Сен-Жюст как бы прошел весь путь развития оппозиционной "Старому порядку" общественной мысли Века Просвещения, от либертинажа, характерного для начала века, и проявившегося у него в дореволюционный период в работе над поэмой "Органт", через протoliberalизм "Духа Революции", создание которого связано с началом практической политической деятельности в первые годы революции, через размышления трактата "О Природе, Гражданском состоянии...", где он, синтезируя зачастую противоположные социально-политические теории, пытается сформулировать собственную систему взглядов на общество и государство, к активному участию в политических дебатах Конвента в первые месяцы его работы и непосредственному участию в управлении страной в качестве одного из лидеров Комитета общественного спасения в период якобинской диктатуры. Мы можем увидеть, что не только в доконвентский, но даже и в додиктаторский период политической деятельности Сен-Жюста его представления о том, каким должно быть справедливо устроенное общество и государство, были скорее не вполне определенной мечтой об очень отдаленном будущем, и не содержали сколько-нибудь разработанной программы преобразований общества современного.

По-видимому, нечто подобное можно сказать и о многих других деятелях революции, по крайней мере о тех, кого мы относим к робеспьеристам. Вплоть до прихода якобинцев к власти в результате восстания 31 мая - 2 июня 1793 г. - а это оказалось для них достаточно неожиданным - сама возможность преобразовать общество виделась им лишь в неопределенно далекой перспективе. Однако, у Сен-Жюста этот переход дополняется и осложняется достаточно резкой сменой модели поведения и образа жизни: в предреволюционный период способом выражения протеста для него было поведение, эпатирующее "добропорядочное общество". С началом революции появляются римская фраза и римская поза. Возможно, определенное влияние на принятие новой модели поведения оказала "моральная реформа" Руссо, о которой рассказано в "Исповеди" и в "Прогулках одинокого мечтателя". Перед нами действительно целенаправленное изменение, моделирование образа жизни и собственной судьбы. Позже с трибуны Конвента он дважды провозглашает ту модель поведения, которой в первую очередь намерен был руководствоваться сам, и которую рекомендовал другим. Это образ комиссара при армии, нарисованный им в докладе "О Революционном порядке управления", и образ революционера в докладе "Об общей полиции".

Представляется, что в старинном споре о влиянии "идей" и/или, говоря словами Сен-Жюста, "силы вещей" на характер якобинской диктатуры можно приблизиться к истине, лишь обратившись к тому, как конкретно эта политика формировалась, а именно, какие обстоятельства вызывали (или провоцировали) те или иные действия или служили им оправданием, и какие именно особенности идеологии или мировосприятия в целом определяли характер реакции на эти обстоятельства. Но это сюжет для отдельного большого исследования.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее материалы и выводы могут быть использованы при чтении лекций общего курса Новой истории Запада (истории Раннего нового времени), проведении спецкурсов и спецсеминаров по истории раннебуржуазных революций, истории общественной мысли и т.п., а также при написании обобщающих работ по истории Великой французской революции.

Апробация работы, ее отдельных частей и выводов проводилась на конференциях "Социокультурные утопии Просвещения" (Москва, 1988), "К 200-летию Французской революции XVIII века" (Омск, 1989), "Монархия и ее роль в истории" (Омск, 1994), "Якобинство в исторических итогах Великой французской революции" (Москва, 1995), а также на ежегодных научных конференциях профессорско-преподавательского состава Новосибирского государственного педагогического университета. Текст диссертации обсуждался на заседании кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета и на заседании Центра по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН.

Содержание работы нашло отражение в следующих публикациях:

1. Черноверская Т.А. К вопросу об эволюции мировоззрения Сен-Жюста: Трактат "О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине или Правила независимости управления" // 200 лет Великой французской революции. Французский ежегодник. 1987. М., 1989. С.16-29.
2. Черноверская Т.А. Проблема революционной диктатуры как периода перехода к новому обществу в мировоззрении Сен-Жюста // Проблемы истории Запада (Античность, Средние века, Новое время). Омск, 1991. С.134-142.
3. Черноверская Т.А. Личность и судьба // Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995. С.392-411.
4. Гордон А.В., Черноверская Т.А. Примечания // Там же. С.412-460.
5. Черноверская Т.А. Проблема "республиканской монархии" в политической мысли Франции в первые годы Великой французской революции // Монархия и ее роль в истории. Тезисы межвузовской научной конференции. Омск, 1995. С.19-21.
6. Черноверская Т.А. [Тезисы] Якобинство в исторических итогах Великой французской революции // Новая и новейшая история. 1996, № 5. С.89-90.

1. Захер Я.М. Сен-Жюст. Жизнь, деятельность, идеология. Пг., 1922 ([полный текст в нашей библиотеке http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_sj.pdf](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_sj.pdf)); Серебрянская К. Е.З.) Взгляды Сен-Жюста и их связи с философией XVIII века.// Труды МИФЛИ. Т.6. М., 1940. С.188-224; Чупрун Н.И. Сен-Жюст, его революционная деятельность и идеология. Автореф дисс... канд. ист. наук. Харьков, 1956; Он же. Сен-Жюст и вантозские декреты // Из истории Якобинской диктатуры. С.406-472 ([полный текст в нашей библиотеке http://vive-liberta.narod.ru/journal/sj_chup1.pdf](http://vive-liberta.narod.ru/journal/sj_chup1.pdf) http://vive-liberta.narod.ru/journal/sj_chup2.pdf http://vive-liberta.narod.ru/journal/sj_chup3.pdf); Левандовский А.П. Кавалер Сен-Жюст. Повесть о великом французском революционере. М., 1983.
2. Fleury Ed. Saint-Just et la terreur. T. 1-2. P.,1852. Hamel E. Histoire de Saint-Just. P., 1859.; Leneru M. Saint-Just. P., 1922; Vidal G. Saint-Just. P., 1923; Aegerter Em. La vie de Saint-Just P., 1929; Bruun G. Saint-Just, apostle of the terror. Boston - N.Y., 1932; Curtis E.N. Saint-Just, colleague of Robespierre. N.Y., 1935.; Centore-Bineau D.B. Saint-Just. P., 1936.; Korngold R. Saint-Just. P., 1937; Derocles P. Saint-Just, ses idees politiques et sociales. P., 1937.; Morton J.B. Saint-Just. L., 1939; etc.
3. Saint-Just L.A. Discours et rapports. Introd. et note d'A.Soboul. P., 1977. P.43, 44.
4. Soboul A. Les institutions republicaines de Saint-Just d'apres les manuscrits de la Bibliotheque Nationale // AHRF, 1948, N° 111. P.193-262; Idem. Un manuscrit inedit de Saint-Just. De la Nature, de l'Etat civil, de la Cite ou les Regles de l'indpendence du Gouvernement // AHRF, 1951, N° 124. P.321-359; Idem. Notes inedit de Saint-Just // AHRF, 1949, N° 116. P.289-293; Idem. Sur la mission de Saint-Just a l'armee de Rhin (brumaire an II) // AHRF, 1954, N° 136. P.193-231, N° 137. P.298-337 (рус. пер.: Собоуль А. Из истории Великой буржуазной революции... С.155-172, 287-371.).
5. Dommanget M. Position contraire de Saint-Just sur le plan economique // Dommanget M. Saint-Just. P., 1971. P.175-191; Abensour M. La philosophie politique de Saint-Just. Problematiques et cadres sociaux // AHRF, 1966. N° 183. P.1-32; N° 186. P.341-358; Idem. La theorie des Institution et relation du legislature et du people selon Saint-Just // Actes du Colloque Saint-Just. P., 1968. P.239-290.
6. Blanchard M.E. Saint-Just & Cie. La Revolution et les mots. P., 1980; Kermina F. Saint-Just. La Revolution aux maines d'un jeun homme. P., 1982; Ladret A. Saint-Just ou Les vicissitudes de la vertu. Lyon, 1989; Benoit F.P. L'ideologie politique moderne. Le temps de Hegel. P., 1980; Hampson N. Will and circumstance. Montesquieu, Rousseau and the French Revolution. L., 1983; Singer B.C.J. Society, theory and the French Revolution: Studies in the revolutionary imaginary. L., 1986; etc.
7. Gross J.P. Saint-Just: sa politique et ses mission. P., 1976; Idem. Saint-Just en mission: la naissance d'un mith // Actes. P.31-69; Idem. L'emprunt forcee du 10 brumaire et la politiques sociale de Saint-Just // Actes. P.71-149.
8. Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. P., 1957 ([текст в рус.переводe, 1-я часть, в нашей библиотеке http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj_marta_5.htm](http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj_marta_5.htm)); Idem. Autour de Saint-Just: les habitants de Blerancourt de l'an IV // AHRF, 1959, N° 155. P.61-75; Idem. Autour de Saint-Just // AHRF, 1966, N° 183. P.61-83.
9. Vinot B. Les origines familiales de Saint-Just et son environnement sociale // AHRF, 1982, N° 248. P.161-180; Idem. Saint-Just. P., 1985.
10. Torjussen S. Saint-Just et ses biographes: mecanique d'un mith // AHRF, 1979, N° 236. P.232-249; Idem. "Arlequin Doigene" comedie en un acte de Saint-Just // AHRF, 1979, N° 237. P.475-485; Idem. Fonction de la creation litteraire dans l'evolution de la pensee de Saint-Just (d'Organt a de la Nature) // Pensee, 1980, N 215. P.151-160.

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДИКТАТУРЫ КАК ПЕРИОДА ПЕРЕХОДА К НОВОМУ ОБЩЕСТВУ

В МИРОВОЗЗРЕНИИ СЕН-ЖЮСТА

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В сб.: «Проблемы истории Запада (Античность, Средние века, Новое время)» (Омск, 1991)
Материалы статьи были представлены в виде докладов на конференциях
«Социокультурные утопии Просвещения» (Москва, 1988) и
«К 200-летию Французской революции XVIII века» (Омск, 1989)

Проблема революционной диктатуры, соотношения демократии и диктатуры в революционную эпоху в последнее время с новой остротой встала в общественном сознании. Сама по себе проблема не нова, но в разное время и разными людьми она решалась неодинаково.

Для политической мысли эпохи Просвещения характерно представление, что достаточно установить разумные законы, соответствующие природе человека, как сразу установится царство разума и справедливости. Это же представление мы встречаем в различных учениях утопического социализма, а также в планах и деятельности революционеров XIX века, считавших, что первоочередной задачей после захвата власти является созыв Учредительного собрания и выработка конституции. Очень немногие, опираясь на опыт предшествовавших революций, высказывали мысль о необходимости проведения важнейших первоначальных преобразований правительством, наделенным чрезвычайными полномочиями, опирающимся не на конституционный закон, а на те силы, которые позволили ему прийти к власти, т.е., фактически о необходимости более или менее длительного периода перехода к конституционному правлению, периода революционной диктатуры.

Для абсолютного большинства само понятие "диктатура" ассоциировалось в первую очередь с ликвидацией демократических завоеваний, с гибелью республики: диктатура Суллы и Цезаря, подготовившие установление Римской империи, диктатура Кромвеля, подготовившая восстановление монархии в Англии, наконец, диктатура Наполеона. Эта реальная опасность военной, военно-политической диктатуры, которая так часто подстерегает революцию, определяла во многом и отношение к революционной диктатуре, слишком часто сводимой лишь к насилию, к террору, то есть к той стороне ее, которая слишком часто оказывается обременена самыми тяжкими последствиями.

В условиях подобного общественного мнения требовалась немалая смелость от Павла Пестеля, чтобы утверждать, что "Франция блаженствовала под властью Комитета общественного спасения"(1), требовалось немалое мужество от Гракха Бабефа, чтобы признать, что "диктаторское правление" Робеспьера и Сен-Жюста "было дьявольски хорошо задумано"(2). Тот и другой, отстаивая необходимость переходного периода, опирались прежде всего от опыта якобинской диктатуры.

Показательно при этом, что и Гракх Бабеф, и Павел Пестель в своих проектах предполагали использовать период временного революционного правления (фактически, периода революционной диктатуры) не только для создания нового государственного устройства, но и для проведения важнейших социально-экономических преобразований в коммунистическом или эгалитарном духе. И здесь характерна эволюция отношения Бабефа к революционной диктатуре — от полного ее неприятия как покушения на свободу, до признания необходимости для установления равенства пойти на некоторое ограничение свободы(3).

В период Французской революции, когда само слово "диктатура" звучало более чем одиозно, когда обвинение политических противников в стремлении к диктатуре было одним из наиболее распространенных и в то же время одним из самых страшных, один лишь Жан Поль Марат имел смелость требовать установления временной диктатуры для подавления контрреволюции — сначала диктатуры военного трибуна, затем триумвирата, затем трибуната.

Уже непосредственно в период якобинской диктатуры Максимилиан Робеспьер объяснял необходимость ее в докладе 5 нивоза II года (25 декабря 1793 г.): "Цель конституционного правительства — сохранить республику; цель революционного правительства — создать ее. Революция это война свободы против ее врагов; конституция это режим победоносной и мирной свободы"(4).

Однако, и Марат, и Робеспьер видели в революционной диктатуре, насколько это следует из их публичных выступлений, главным образом средство борьбы с врагами революции, рассматривали ее как временное ограничение свободы ради конечного торжества свободы. И в гораздо меньшей степени связывали ее с установлением равенства, даже в том умеренно-эгалитарном духе, который соответствовал общественному идеалу того и другого.

Анализ некоторых данных позволяет предположить, что Луи Антуан Сен-Жюст вплотную подошел к пониманию необходимости революционной диктатуры не только для установления царства свободы, но и для проведения социально-экономических преобразований эгалитарного характера, причем подошел к этому как в своей практической деятельности, так и в осмыслении происходящего.

Правда, в своих публичных выступлениях Сен-Жюст само слово "диктатура" употребляет лишь тогда, когда считает необходимым защитить от обвинений в диктатуре правительство(5). Однако, в мемуарах Бертрана Барера и Лазара Карно мы находим описание бурной сцены, происшедшей во время соединенного заседания Комитетов общественного спасения и общей безопасности, во время которого Сен-Жюст предложил для укрепления революционного правительства, для повышения эффективности его деятельности наделить диктаторскими полномочиями Робеспьера(6). Конечно, эти свидетельства двух активных термидорианцев, заинтересованных в том, чтобы обвинить своих политических противников в открытом стремлении к диктатуре для оправдания собственных действий во время переворота, требуют очень осторожного отношения. Но и Филиппо Буонарроти, близкий к Робеспьеру, но, правда, находившийся летом 1794 г. с миссией вдали от Парижа, писал об этом предложении, как о факте общеизвестном(7).

Французский историк Альбер Оливье высказал предположение, что Сен-Жюст на самом деле предложил на этом заседании альтернативу — установление единоличной диктатуры либо цензуры по римскому образцу для контроля за деятельностью должностных лиц(8). Действительно, один из фрагментов о Республиканских установлениях Сен-Жюста, специально посвященный организации цензуры, начинается с утверждения, что "всякой революции необходим диктатор, чтобы спасти ее посредством силы, или цензоры, чтобы спасти ее посредством добродетели"(9).

Представляется, что связь между мыслью о необходимости временной диктатуры и Республиканскими установлениями, не исчерпываясь этим, была куда более глубокой.

Через год после термидорианского переворота, отвечая от имени четырех бывших членов правительственных Комитетов на обвинения, выдвинутые против них Лораном Лекуантром, Бертран Барер несколько иначе, чем впоследствии в Мемуарах, рассказал о вышеупомянутом соединенном заседании Комитетов: по его словам, Сен-Жюст предложил передать управление Францией "патриотической депутации до тех пор, пока не будут введены республиканские установления"(10).

Теория Республиканских установлений занимает центральное место в структуре мировоззрения Сен-Жюста в последний год его жизни, и не может быть до конца понята вне этого контекста, однако здесь хотелось бы остановиться лишь на одной из составляющих этой системы, сделав предварительно небольшое отступление.

Сен-Жюст рассматривает Республиканские установления как "гарантию правительства свободного народа от разложения нравов и гарантию народа от разложения правительства"(11), задачу их видел в том, "чтобы установить согласие в семьях, дружбу между гражданами, чтобы поставить общественный интерес на место всех прочих интересов, чтобы подавить преступные страсти и возратить сердца страстям естественным и невинным, чтобы создать родину"(12). "Они поддерживают любовь к отечеству и самый революционный дух, когда революция уже прошла"(13). В Республиканских установлениях Сен-Жюст видел единство формы и содержания в организации общественной и частной жизни в Республике, призванных не просто служить дополнением к конституционным законам, но быть условием их действительности.

Сама эта постановка проблемы еще не входит в противоречие с утвердившимся в век Просвещения представлением, что движущей силой исторического прогресса является разумная деятельность сравнительно небольшой группы людей, и что, следовательно, средство исцеления современного общества есть издание хороших законов, исправление нравов, просвещение разума. Элементы материалистического понимания общественных явлений, и в частности, представления об определяющем влиянии экономических отношений на политику, едва прорывались в XVIII веке сквозь эти представления, являясь скорее исключением. Наиболее ярким из таких исключений является учение Руссо о происхождении неравенства.

С началом Великой французской революции вера во всемогущество мудрого законодателя практически безраздельно господствовала как среди лидеров революционного движения, так и среди рядовых его участников. Да и как было не увлечься этой идеей, когда, казалось, всего можно добиться, стоит лишь приложить усилия. Активные деятели Революции как правило и представить себе не могли, чтобы их действия зависели от чего-либо иного, кроме их воли. Правда, уже в период Революции такие крупные ее деятели, как Жан Антуан Кондорсэ или Антуан Барнав делали попытки объяснить ее с точки зрения объективных исторических закономерностей - в особенности это касается Барнава, который в своем "Введении во Французскую революцию" впервые последовательно рассматривает ее как результат экономического развития Франции, как борьбу движимой, т.е., по существу, буржуазной собственности (собственности на вещи, сделанные руками человека), и собственности недвижимой, земельной, т.е., феодальной. Но и Кондорсэ, и Барнав писали свои труды в период вынужденного досуга, когда в ходе политической борьбы они были фактически отстранены от активной политической деятельности и получили возможность осмыслить пройденный страной путь.

Тем более интересно проследить появление мыслей о влиянии экономических отношений на политику, более того, об определенном примате экономики над политикой, у человека, находящегося в самом центре политической жизни революционной Франции, попытаться определить место этих мыслей в системе взглядов Сен-Жюста, который выделяется не только среди робеспьеристов, но и в целом среди виднейших деятелей Революции повышенным интересом к проблемам экономическим, к влиянию экономики на политику. Причем, проявился этот интерес лишь с вступлением его на широкую политическую арену.

Правда, уже в сочинении, над которым он работал в год, предшествовавший падению монархии и созыву Национального Конвента, "О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления", в том сочинении, где мы уже встречаем более или менее оформленный эгалитарный общественный идеал, мы встречаем и восходящее к Руссо представление о связи между собственностью и появлением неравенства, между развитием земледелия, торговли и завоеваниями — и появлением государства, но это были лишь абстрактные теоретические рассуждения(14).

При переходе к постановке и попытке разрешения конкретных проблем общественной жизни Республики в речи "О продовольствии", произнесенной им в Конvente 29 ноября 1792 г. — это была его вторая речь — Сен-Жюст на какое-то время оставляет в стороне эгалитарный общественный идеал, который и был-то до этого скорее неопределенной мечтой об очень отдаленном будущем. Но в этой речи мы встречаем указания на необходимость "вывести народ из состояния неуверенности и нищеты, которые его портят", ибо "без гордости нет патриотических добродетелей, — нет гордости в нужде"(15). Тогда же он говорит, что "монархия во Франции пала благодаря порокам своего экономического режима"(16), указывает на экономические причины войны, которую вели против революционной Франции страны Коалиции.

Все это дало основания французским историкам Альберу Собулю и Морису Домманже утверждать даже, что Сен-Жюст "предвосхитил некоторые идеи Маркса"(17). Не преувеличивая значения этих рассуждений для развития общественной мысли, следует отметить, что в мировоззрении Сен-Жюста они отнюдь не были случайными.

В этой же речи Сен-Жюст указывает на необходимость не только скорейшего принятия хорошей конституции, которая примирила бы все интересы, но установления хорошей системы управления(18), что по сути предвосхищает в его мысли идею установлений.

Особенно отчетливо теснейшая связь между экономикой и политикой проявляется у Сен-Жюста с весны 1794 г., в его знаменитых вантозских докладах и в "Республиканских установлениях", где нашел наиболее полное выражение его эгалитарный общественный идеал. В докладе 8 вантоза, обосновывая необходимость удовлетворить нужды неимущих патриотов за счет имущества врагов Революции, подчеркнув, что "сила вещей ведет нас к результатам, о которых мы, быть может, и не помышляли"(19), он говорит, развивая мысли, высказанные еще в речи "О продовольствии": "Считаете ли вы, что государство может существовать, если гражданские отношения противоречат форме правления"(20), "революция, происшедшая в управлении, не проникла в гражданское состояние"(21). 23 вантоза он вновь призывает "совершить революцию в гражданском состоянии"(22). Еще недавно это могло показаться нам чистой абстракцией, для современников же Сен-Жюста понятия "гражданское общество", "гражданское состояние" были наполнены вполне реальным смыслом, означая отношения, основанные на собственности; сам Сен-Жюст неоднократно определял гражданское состояние как "отношение потребностей" людей.

Подобные идеи естественным образом соединяются у Сен-Жюста с этической составляющей его общественного идеала. Особенно отчетливо связь между экономикой и нравами проявилась в "Республиканских установлениях", посмертно изданных заметках, большая часть которых относится именно к весне 1794 г. "Эти дав предмета (экономика и нравы — Т.Ч.) имеют столь много общего, что почти невозможно рассматривать их по отдельности. Немногие правительства могут устоять перед пороками своей экономической системы"(23). Последнее утверждение, думается, свидетельствует о том, что для Сен-Жюста экономика была уже чем-то большим, нежели частью этики, как у просветителей.

Рассматривая "нравы", т.е., то, что в терминологии XVIII века означало традиции, обычаи в их положительном проявлении, как цель и в то же время условие существования Республики, Сен-Жюст замечает, что "если бы у нас были (добрые) нравы, все пошло бы хорошо; чтобы улучшить их нужны установления"(24), а в другом месте утверждает: "чтобы реформировать нравы, нужно начать с удовлетворения потребностей и интересов"(25).

Таким образом, в мировоззрении Сен-Жюста переплетаются характерная для века Просвещения вера во всемогущество мудрого законодателя, особенно отчетливо проявившаяся в самой мрачной и в самой оптимистической его речи - "О продовольствии" и "О Конституции" — и понимание глубочайших связей между экономикой и политикой — но вопрос об их соотношении требует еще более детального изучения.

Но какая же связь между всем этим и диктатурой?

Когда к началу осени 1793 г. стало ясно, что внешняя опасность и размах внутренней контрреволюции сделали невозможным немедленное введение в действие новой Конституции, в создании которой Сен-Жюст принимал самое деятельное участие, Комитет общественного спасения именно ему — вероятно, не случайно — поручил представить Конвенту доклад о введении во Франции временного революционного порядка управления вплоть до заключения мира.

Подчеркнув, что отказаться от управления государством на основании конституционных законов вынуждает то, что "заговоры постоянно вносят смуту в государство", что "отечество тысячу раз становилось жертвою снисходительных законов"(26), Сен-Жюст значительную часть своего доклада посвятил необходимости если и не реорганизации всей системы управления, то по крайней мере установления строжайшего контроля над деятельностью администрации, указав, какую огромную опасность представляет то, что "законы революционны, но их исполнители плохие революционеры"(27). При этом он впервые упомянул о цензуре в том же смысле, в каком о ней пойдет речь в "Республиканских установлениях"(28). Таким образом, уже в октябре 1793 г. Сен-Жюст видит задачу революционного правительства, наделенного чрезвычайными полномочиями, не только в подавлении контрреволюции и защите отечества от внешнего врага, но и в организации системы управления. Эту задачу революционного правительства он с еще большей остротой подчеркнул в одном из своих последних докладов — "Об общей полиции" 26 жерминаля (15 апреля 1794 г.) — указав, что "революционный порядок управления не означает ни войны, ни состояния завоевания, но переход от зла к добру, от развращенности к честности, от дурных максим к хорошим"(29). А мы уже видели, сколь тесно связаны в мировоззрении Сен-Жюста политика, нравы — и экономика. Следует добавить лишь, что отдав известную дань стремлению привести народ к счастью даже против его воли, Сен-Жюст пришел к замечательному выводу: "Дело не столько в том, чтобы сделать народ счастливым, сколько в том, чтобы помешать ему быть несчастным; не угнетать - вот и все. Каждый сам сумеет найти свое счастье"(30).

Думается, в этом контексте можно без преувеличения сказать, что Сен-Жюст рассматривал диктаторский по своему характеру революционный порядок управления как период перехода к управлению на основе Конституции и как переход к новому обществу, построенному в соответствии с принципами "Республиканских установлений", как временное ограничение свободы ради конечного торжества свободы и равенства. Однако, подойдя вплотную к пониманию связей между общественным бытием и общественным сознанием, к пониманию созидательных функций революционной диктатуры, он не успел теоретически это осмыслить.

1. Воспоминания С.П.Трубецкого. Цит. по: Ланда С.С. "Дух революционных преобразований..." М., 1975. С.306.

2. Бабёф Г. Сочинения. Т.4. М., 1982. С.170-171.

3. См.: Черткова Г.С. Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы "круглого стола" 19-20 сентября 1988 г.). М., 1989. С.85-91.

4. Робеспьер М. Избранные произведения. Т.3. М., 1965. С.91.

5. Например, в докладе 26 жерминаля (15 апреля 1794 г.) — Saint-Just L.A. Discours et rapports Introd. et notes d'A.Soboul. P., 1977. P.190.
6. Вариге В. Мѳmoires. Т.2. P., 1842. P.214-216; Carnot L. Мѳmoires sur Carnot par son fils. Т.1. P., 1896. P.548.
7. Buonarroti Ph. Observation sur Maximilien Robespierre. Chalon-sur-Saone, 1912. P.11.
8. Ollivier A. Saint-Just ou la force des choses. P., 1966. P.564-567.
9. Saint-Jut L.A. Oeuvres complites. Т.2. P., 1908. Seizieme fragment.
10. Cit.: Mathiez A. Girondins et Montagnards. P., 1930. P.163.
11. Oeuvres compl. Т.2. Premiere fragment.
12. Ibid.
13. Discours et rapports. P.195.
14. Soboul A. Un manuscrit inedit de Saint-Just. De la Nature, de l'Etat civil, de la Cite ou les Regles de l'indpendence du Gouvernement // AHRF. 1951. P.332, 334. См.: Черновѳрская Т.А. К вопросу об эволюции мировоззрения Сен-Жюста // 200 лет Великой французской революции. Французский ежегодник. 1987. М., 1989. С.16-29.
15. Discous et rapports. P.75.
16. Ibid. P.74.
17. Dommanget M. Saint-Just. P., 1971. P.180; Discours et raports. P.74, note.
18. Discours et rapports. P. 74, 80, etc.
19. Ibidem. P.145.
20. Ibid.
21. Ibid. P.147.
22. Ibid. P.155.
23. Oeuvres compl. Т.2. P.511.
24. Ibid. P.501.
25. Ibid. P.513.
26. Discours et rapports. P.118.
27. Ibid. P.117.
28. Ibid. P.121.
29. Ibid. P.182.
30. Oeuvres compl. Т.2. Troisieme fragment, 4

ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА

Приведено по: Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995. С.392-411

*Есть нечто ужасное в священном чувстве любви к отечеству,
оно столь исключительно, что заставляют пожертвовать всем,
без сострадания, без страха, пренебрегая мнением людей во имя общественного блага.*

Сен-Жюст.

*Человек, почувствовавший себя способным сотворить себе
новый характер благодаря чуждым его натуре обстоятельствам,
не может избежать впадения в заблуждение.*

Шарль Нодье.

|

25 августа 1767 г. кюре церкви Сент-Аре в Десизе, провинция Ниверне, Эдмон Робино крестил сына своей племянницы Мари Анн Робино. Крестным отцом был Антуан Робино, священник из Верней (близ Десиза) под присмотром которого новорожденный, получивший имя Луи Антуан, воспитывался до четырех лет. Робино, священники и хирурги, аптекари и юристы – были известны в Десизе с XVI в. Отец Мари Анн Леонар был королевским нотариусом в Десизе, и хотя его отец был булочником, сам он удостоился звания эшевена. Муж Мари Анн Робино Луи Жан де Сен-Жюст де Ришбур, не принадлежал по рождению, несмотря на аристократическое звучание имени, к дворянском сословию, а происходил из сельской семьи, возвысившейся над своими соседями: его дед Шарль Адам де Сен-Жюст, оставаясь земледельцем, получил должность управляющего сеньории в Аттиши (Пикардия); отец, Шарль де Сен-Жюст, управлял имением графа Брюне д'Эври по соседству в Намселе и арендовал у него же ферму. Луи Жан был пятым сыном в семье, и не рассчитывая на сколько-нибудь значительную долю отцовского наследства, избрал военную карьеру. За более чем тридцать лет безупречной службы он добился лишь звания капитана кавалерии и смог обзавестись семьей лишь в пятьдесят лет.

Вскоре после смерти отца и рождения сына мессир Луи Жан де Сен-Жюст вышел в отставку и перебрался вместе с женой на родину в Пикардию, унаследовав должность управляющего у графа Брюне. В Намселе у них родились две дочери. В 1776 г., когда сбережения всей жизни и полученные наследства позволили Луи Жану приобрести дом в Блеранкуре и зажить там на доходы с принадлежавшей ему земли и пенсию.

Именно в Пикардии, в Блеранкуре прошли детство и юность Луи Антуана Сен-Жюста. Именно здесь Сен-Жюст увидел, что "там, где есть очень крупные собственники, мы видим одних лишь бедняков: в областях крупной культуры ничего не потребляют" (с.294; Сочинения Сен-Жюста цитируются по изданию: Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995.). В Пикардии, с ее бескрайними равнинами и плодородной почвой, ранее, чем в других областях Франции, сложилось крупное зерновое фермерское хозяйство капиталистического типа: ферма Петрон, которую арендовал дед Луи Антуана, с ее 95 га земли, не только не была чем-то исключительным, но и значительно уступала расположенным по соседству фермам Каррьер (150 га), Лож (около 200 га) или Луар (более 288 га). Последняя находилась в руках Роже Лемуана, кузена Луи Жана де Сен-Жюст по матери и впоследствии опекуна его детей. Исключения составляли низменные речные долины в бассейне Уазы, и, в частности, в районе Блеранкура, где более трети земель составляли болота, лесистые склоны и прочие неудобья. Крупные фермы здесь были сравнительно редки и не превышали 70-80 га, и от трети до половины обрабатываемой земли занимали мелкие крестьянские хозяйства. Блеранкур был одной из самых бедных коммун кантона, социальные контрасты здесь были сглажены, крестьянская нужда несколько смягчена сохранявшими свое значение общинными распорядками.

Семья Луи Жана де Сен-Жюста заняла достаточно высокое положение в этом полусельском обществе, но сам он прожил в Блеранкуре лишь около года, скончавшись в сентябре 1777 г. В том же году Луи Антуана определили в коллеж Сен-Николя в Суассоне. В отличие от коллежа Людовика Великого, где учился Робеспьер, этот коллеж не принадлежал к числу привилегированных и издавна находился в руках монахов ордена ораторианцев, а не иезуитов. Как и в любом коллеже Франции того времени, в Сен-Никола основное внимание уделялось изучению риторики, древних языков и античной истории. Однако преподавание здесь велось не на латыни, а на французском языке, довольно основательно изучались математика, география, отечественная история изящные искусства(1). Риторика в Сен-Никола преподавал будущий бабувист Сильви, логику — будущий член Конвента Дону; учителем Сен-Жюста называют также одного из лидеров республиканской оппозиции Наполеону Эва Демайю. Коллеж имел неплохую по тем временам библиотеку, где были собраны отнюдь не только разрешенные цензурой книги. Основанная на заучивании различных текстов системой обучения в коллеже по-видимому не слишком тяготила Сен-Жюста, обладавшего блестящей памятью, — среди бумаг его коллеги по Комитету общественного спасения Бертрана Барера сохранилась запись, сделанная рукой Сен-Жюста: "Если вас поразило изречение, мысль, или что-то еще в книге, прочтите раза два: вы это запомните"(2). Воспоминания современников, записанные через полвека после гибели Сен-Жюста, рисуют его сорванцом, с трудом подчиняющимся суровой дисциплине учебного заведения, но в то же время учеником одаренным и трудолюбивым(3).

Судя по всему, Сен-Жюста в коллеже отличали, во-первых, вкус к тому роду литературы, который называли либертинажем, к литературе, сочетающей фривольность с известной долей свободомыслия; и во-вторых, интерес к истории своего края, древней Нейстрии, сердца раннефранкского государства. Таковы первые дошедшие до нас сочинения Сен-Жюста — история замка Куси и его сеньоров и поэма "Органт", первые песни которой также написаны в середине 80-х годов.

В то время когда для передовых мыслителей история служила завуалированной формой критики существующего порядка, способом доказать несправедность его возникновения, Сен-Жюст в своей "Истории замка Куси" целиком и полностью следует за официальной, в первую очередь церковной историографией. Он описывает историю Куси, если и не оправдывая, то во всяком случае, объясняя жестокость его сеньоров духом времени, одобряя все их деяния во славу церкви и короля, в том числе и беспощадное подавление народных восстаний. Ничто в этом сочинении не предвещает будущего "цареубийцу". Можно было бы предположить, что мы имеем дело с обычным школьным сочинением, написанным в соответствии с требованиями отцов-ораторианцев. Но и в первых шести песнях поэмы "Органт, написанных в жанре рыцарской поэмы, мы видим Карла Великого и его окружение, видим военные подвиги и любовные приключения — и ни малейшего намека на недовольство, на критику современного общества, присущую последующим песням.

Создается впечатление, что Сен-Жюст в пору ранней юности очень серьезно относился к новому для его семьи социальному статусу, к приобретенному отцом на военной службе дворянскому достоинству. Этот традиционный путь аноблирования, связанный с происхождением и функциями дворянского сословия как сословия военного, стал в XVIII в. крайне редким, и юный Луи Антуан имел основания гордиться своим дворянством, хотя и новоприобретенным, но полученным по праву, а не купленным за деньги. Но, оторвавшись от своего круга он так и не примкнул к новому, и в результате оказался практически в изоляции, в чем ему вскоре пришлось убедиться.

Первое юношеское чувство оказалось неожиданно сильным и глубоким. Терезе Желе было пятнадцать лет, Антуану (она предпочитала это имя) — почти на год меньше. Вероятно, в конце 1785 или в начале 1786 г. он сделал предложение — и получил отказ от ее отца, нотариуса Антуана Желе. Его избранницу в июле 1787 г. спешно выдали замуж за сына другого блеранкурского нотариуса.(4)

Оставаться дома стало невозможно, да и пора было выбирать какое-то дело: ему исполнилось девятнадцать, коллеж окончен. Однако ни юридическая карьера дела, ни духовная карьера крестного, сулившие благополучие и спокойную жизнь, его не привлекали. Только военная служба достойна дворянина, только в Париже и только в королевской гвардии, как заявил он позднее на допросе. Но для этого требовались немалые средства, а мать не желала тратить деньги впустую...

Собрав подвернувшиеся под руку серебряные вещи, Луи Антуан бежит в Париж. Но три недели спустя по просьбе матери его арестовывают и препровождают на полгода в исправительный пансион Мари де Сен-Колон.

Вынужденный досуг заставил Антуана о многом задуматься. Прежде всего, почему ему отказали? Почему верхушка третьего сословия Блеранкура отторгала его? И почему он арестован, заключен без суда и следствия? Преступления он не совершил: являясь законным наследником своего отца, он по достижении совершеннолетия становился владельцем всего движимого имущества.(5) Полгода, проведенные в пансионе мадам де Сен-Колон, стали переломными. В одно и то же время Сен-Жюсту суждено было пережить личную драму и ощутить себя жертвой социальной несправедливости. И вот появляются в "Органте" сатирические строки, направленные против церкви, против королевского двора, против короля и самой королевской власти.

По-видимому, тогда же он остановил свой выбор на юриспруденции, полагая, что она будет не слишком мешать литературным занятиям: по выходе на свободу он поступил в качестве второго клерка к Суассонскому прокурору Дюбуа-Дешарму. В октябре 1787 года его имя впервые фигурирует в экзаменационных листах юридического факультета Реймского университета.

Вероятно, именно в это время он начинает особенно внимательно наблюдать за жизнью окружающих его людей. А увидеть в тот год можно было многое. 13 июля 1788 года над рядом районов Пикардии, в том числе и над Блеранкуром, пронеслась буря с градом, уничтожившая до двух третей урожая. Зима выдалась на редкость суровая. Смертность возросла почти вдвое. Не случайно уже в песне XVI "Органта" появляются такие строки:

Рукою немощной, иссушенной нуждой,
Напрасно пахарь разрывает землю;
Вернется вечером, и страшное отчаяние
Сойдет в его печальное жилище:
Он встретит безутешную жену.
Нашу хижину, скажет она, ограбили.
Кто ж сделал это? спросит в ужасе супруг;
Кто ж сделал это? кто же допустил? — Король!
(Oeuvres compl. T.1. P.170.)

Память об этом тяжелом годе, когда Сен-Жюст, по словам его друга Пьера Гато, отправлялся "пешком, в непогоду", чтобы отдать "делу защиты обездоленных и угнетенных свои заботы, свое красноречие, свое состояние и самую жизнь"(Oeuvres complètes. Ed Ch.Vellay. T.1 P.XI (Introduction)), сохранились не только в "Органте", но и в более поздних сочинениях Сен-Жюста. Но в эту страшную зиму он увидел не только бедствия. "Бедствия и взаимная помощь соединила сердца", (с.183) — писал он два года спустя.

Поэма "Органт" была опубликована в мае 1789 г. Не отличаясь литературными достоинствами, она содержала резкую критику существующего порядка, неприкрытые намеки на события последних лет, а также любовные сцены вольно изображенные. Того и другого было достаточно, чтобы возбудить преследования против книги и ее автора (хотя поэма и была издана анонимно). 10 июня 1789 года парижская полиция приступила к разысканию и изъятию поэмы — правда, безрезультатно(6).

Падение Бастилии избавило Сен-Жюста от угрозы ареста. Но в то же время он испытал серьезное потрясение, когда увидел, как "народ насаживал на пики головы особ самых ненавистных, вырывал их сердца и поедал их" (с.185). Картины народного гнева напомнили Сен-Жюсту историю Древнего Рима, "убийство некоторых тиранов совершалось как своего рода религиозный акт" (с.185).

Пребывание в Париже бурным летом 1789 года, посещение заседаний Национального собрания и Якобинского клуба, знакомство с рядом политических деятелей, в частности, с Камиллом Демуленом, открыли для Сен-Жюста новую сферу деятельности, новые возможности заявить о себе. В Блеранкур Луи Антуан Сен-Жюст возвратился осенью 1789 года пламенным защитником идей революции. В городе на свой лад произошла одна из "муниципальных революций", которые прокатились по всей стране во второй половине 1789 г. В начале февраля 1790 г. из муниципалитета были удалены представители старой сеньориальной администрации (в том числе Антуан Желе), мэром Блеранкура был избран Луи Оноре, старый зажиточный крестьянин, а секретарем муниципалитета стал Пьер Тюийе, друг и единомышленник Сен-Жюста. Сам Сен-Жюст из-за возрастного ценза (25 лет) не мог быть избран членом блеранкурского муниципалитета, но сблизился с его руководством и приобрел определенную репутацию среди местной общественности. В апреле 1790 года граждане Блеранкура делегировали Сен-Жюста на департаментское собрание в Шони, где должен был определиться главный город департамента Эна, а в середине мая он стал инициатором патриотической манифестации, сообщение о которой в виде адреса Блеранкурской коммуны было по постановлению Национального собрания отпечатано для распространения по всей Франции. Получив для распространения три десятка экземпляров листовки-памфлета, подписанной несколькими депутатами Национального собрания и направленной против принятого Собранием декрета о гражданском устройстве духовенства, Сен-Жюст добился созыва муниципалитета для публичного осуждения этой листовки. Муниципалитет постановил сжечь его, и Сен-Жюст, держа руку над пламенем, "произнес клятву умереть за отечество и Национальное собрание и скорее погибнуть в огне, как это сочинение, чем забыть свою клятву".(7) Событие произвело впечатление на земляков.

В качестве заместителя командира Национальной гвардии Блеранкура Сен-Жюст принимает участие в создании ее отрядов в тех коммунах, где их еще не было, выступает в своем кантоне инициатором движения федерации, и в результате избирается почетным командиром отряда Национальной гвардии кантона, делегированного на Национальный праздник Федерации, который состоялся в Париже 14 июля 1790 г.

А примерно через месяц после возвращения он пишет свое первое письмо Робеспьеру, полное восхищения и одновременно преследующее вполне практическую цель. Сен-Жюст просил поддержать петицию о сохранении в Блеранкуре ежемесячных открытых рынков скота, которые для жителей местечка, деливших свое время между сельским хозяйством и ткацким ремеслом, имели жизненное значение.

Среди требований, выдвигавшихся французским крестьянством в первые годы Революции было возвращение общинам земель, отторгнутых сеньорами в результате триажа.(8) Декретом Учредительного собрания от 15-28 марта 1790 г. право триажа отменялось на будущее время, и общины должны были вернуть себе земли, присвоенные сеньорами за последние тридцать лет. Еще раньше сельские коммуны получили право обжаловать через суд узурпацию общинных земель. Воспользовавшись этим, Блеранкурская коммуна обратилась в начале июля 1790 г. к администрации дистрикта Шони для разрешения земельных споров со сьером Грене. От имени Грене выступал его управляющий, нотариус Антуан Желе, представителем и защитником интересов своих сограждан был избран Сен-Жюст. Переговоры начались в октябре, и на первых порах создалось впечатление, что можно легко достигнуть договоренности, "благодаря доброте сердца сьера Грене" (Oeuvres compl. T.1. P.225-229; Vellay Ch. Saint-Just en 1790. P.386-389.), как сообщал своим доверителям Сен-Жюст 17 октября 1790 г. Год спустя тон Сен-Жюста в нем совершенно переменялся, но пока первые успехи Революции настраивали его, как и большинство его современников, в духе умеренности и оптимизма.

Этим духом проникнут и написанный Сен-Жюстом осенью — зимой 1790 г. и опубликованный в Париже в июне 1791 г. политический трактат "Дух Революции и Конституции во Франции". Рассказывают, что работая над ним, Сен-Жюст в погожие дни прохаживался большими шагами вдоль грабовой аллеи, где на равном расстоянии один от другого были расставлены три стола с письменными принадлежностями, и сформулировав какую-то идею, присаживался к ближайшему из них, чтобы ее записать, а вечером собирал все листы и приводил в порядок(9). Возможно, это лишь легенда, которая, однако, неплохо передает стилистические особенности "Духа Революции", да и большинства других сочинений Сен-Жюста — чеканную афористичность формулировок, далеко не всегда логически связанных между собою.

Автор "Духа Революции" несомненно находился под большим впечатлением от "Духа законов" Ш.Л.Монтескье, об этом свидетельствуют и название, и эпиграф, и композиция, и, самое главное — основные идеи книги. В этом своем трактате Сен-Жюст опирается на политическую теорию Монтескье, обосновывая поддержку Конституции, над которой в это время работало Учредительное собрание. Он не только признает правомерность и необходимость конституционной монархии во Франции, он принимает и цензную систему избирательного права, категорически отвергая самую идею имущественного равенства.

Эта политическая умеренность столь резко отличается "Дух Революции и Конституции во Франции" и от антимонархических выпадов "Органта" ("Трон — это всего лишь чурбан, на который каждый может воссесть" — *Oeuvres compl.* Т.1. Р.131), и от его речей, произнесенных позднее с трибуны Конвента, что консервативный Э.Флери назвал книгу "шедевром разума по сравнению с тем, что было им написано до и после нее", утверждая, что она полностью выпадает из логики развития его мысли(10).

Революция открыла перед Сен-Жюстом новые возможности легальной деятельности, а ее первые успехи создали впечатление, что дворянство добровольно откажется от своих привилегий, и построения царства разума и справедливости, о котором мечтали просветители, можно будет конституционным путем. Отсюда умеренность "Духа Революции", выразившаяся в частности в обращении к политической теории Монтескье. Однако Монтескье не единственный авторитет для автора: Сен-Жюст пытается соединить теорию разделения властей и учением Руссо об общей воле и народном суверенитете.

Казалось, Сен-Жюст мог надеяться, что успех книги, тираж которой был раскуплен в считанные дни, откроет перед ним путь к политической карьере, несмотря на юный возраст. Особые надежды он возлагал на выборы в Законодательное собрание, хотя ему более года не хватало до необходимых для избрания 25 лет. Популярность Сен-Жюста в кантоне и в дистрикте внушала надежду, и первичным собранием избирателей Блеранкура Сен-Жюст действительно был избран выборщиком. Однако собрание выборщиков департамента в начале сентября 1791 г. аннулировало мандат Сен-Жюста.

Эта неудача была воспринята Сен-Жюстом как катастрофа, и личная драма совпала с наступлением политической реакции после попытки бегства короля и расстрела республиканской манифестации на Марсовом поле в Париже. Двойная коллизия способствовала дальнейшей эволюции мировоззрения Сен-Жюста, на которую оказала влияние и подготовка к судебному процессу Блеранкурской коммуны против сьера Грене. В "Мемуаре", составленном Сен-Жюстом, тон по отношению к Грене становится резким и угрожающим. Важно отметить, что детальное изучение тех изменений, которые происходили в отношениях между общиной и сеньорами на протяжении более чем двух столетий, позволили Сен-Жюсту не только увидеть связь между сокращением общинных земель и уменьшением стад, ухудшением общего положения крестьянства, но и понять значимость общинного землевладения и общинных распоряжений (*Oeuvres compl.* Т.1. Р.232-249). Деятельное сочувствие соседям-земледелцам вылилось в стремление понять причины общественного неравенства и найти способы его устранения. Примерно в этот период, между сентябрем 1791 и августом 1792 г., Сен-Жюст работает над новым философско-политическим трактатом, "О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления", который остался незавершенным. Написана была примерно половина если судить по оглавлению, и потому мы не можем представить, как изменилась в целом система его взглядов по сравнению с "Духом Революции". Однако небезынтересно проследить, как от сочинения к сочинению меняется не только выбор "учителей", но и отношение к их учениям. В антицерковной критике "Органта" Сен-Жюст следует за Вольтером ("Орлеанская девственница"), а в социальной и политической — отчасти за более радикальными мыслителями Просвещения, например, Руссо, но при этом в основном повторяет общие места. В "Духе Революции" он пытается проанализировать политическое положение Франции, опираясь на учение Монтескье и Руссо, порою по-своему их интерпретируя. Наконец, в сочинении "О Природе, Гражданском состоянии..." Сен-Жюст уже совершенно определенно стремится найти собственный путь, выработать собственную систему взглядов, основываясь на учениях Монтескье и Руссо, Мабли и школы физиократов.

Полемизируя с Руссо, Монтескье, Гоббсом, Сен-Жюст строит свою теорию естественного состояния, которое он рассматривает, подобно физиократам или Мабли, как состояние общественное, а не как совокупность изолированных друг от друга индивидов. Причины перехода к гражданскому состоянию, т.е. к "отношению потребностей" людей Сен-Жюст усматривает в развитии торговли, земледелия и ремесла; именно это и привело к возникновению неравенства между людьми. Наконец, эти же занятия, а также завоевания привели к внесению в отношения между людьми фактора силы, присущего отношениям между государствами, к переходу в политическое состояние, которое Сен-Жюст называет еще "состоянием дикости".

В этом трактате Сен-Жюст впервые для себя формулирует некоторые черты общественного идеала – установление максимума и минимума земельных владений, неотчуждаемость минимума, призванного обеспечить потребности человека, ограничение прав наследования. Но пока этот идеал представляет собою скорее не вполне определенную мечту об очень отдаленном будущем.

Восстание 10 августа 1792 г., свергнувшее монархию во Франции, открыло Сен-Жюсту "путь наверх". 5 сентября, достигнув наконец законного возраста, он был избран 349 голосами из 600 пятым депутатом департамента Эна в Национальный конвент.(11)

II

13 ноября 1792 г. Конвент приступил к обсуждению вопроса о судьбе "бывшего короля французов". Открыл прения депутат Вандеи жирондист Мориссон, заявивший, что "закон нем по отношению к королю. Мы не в праве судить его". Вслед за ним слово взял депутат, почти никому не известный. Возражая Мориссону, возражая Комитету законодательства, по мнению которого короля следовало судить как простого гражданина, он выступал фактически и против мнения большинства Конвента. Но ни в его речи, ни в манере держаться не было ни тени робости или неуверенности. Из сферы юридической он переводил дискуссию в сферу политическую и, делая практические выводы из теории общественного договора Руссо, доказывал, что обычные юридические нормы неприменимы в отношении человека, стоявшего над законом, а следовательно, вне закона; что поскольку "невозможно царствовать и быть невиновным" (с.13), короля "следует не столько судить, сколько покарать как врага" целой нации.

Несмотря на неизвестность, Сен-Жюст был заслушан с напряженным вниманием. Поражал чеканный стиль речи, хладнокровная убежденность оратора, так неожиданно контрастирующая с его обликом: нежные правильные черты лица, большие серо-голубые глаза, кудри до плеч, тонкая стройная фигура делали его совсем юным – и контраст этот еще усиливал впечатление от произносимых им слов. Назавтра слова его речи повторяли за стенами Конвента, а через несколько дней имя Луи Антуана Сен-Жюста, самого молодого из 749 депутатов Конвента, стало известно всей стране.

3 декабря, используя и развивая аргументацию Сен-Жюста, казни короля потребовал Робеспьер.(12) Требуя смерти, монтаньяры добились суда. Когда же жирондисты, не желавшие смерти короля, предложили вынести приговор Конвента на утверждение народа, Сен-Жюст, открывший прения 27 декабря, решительно высказался против этого плана, напоминая своим коллегам: "Не вы обвиняете, не вы судите Людовика – это народ в вашем лице обвиняет и судит его" (с. 31). Сен-Жюст был в числе тех 387 депутатов, которые 17 января 1793 г. голосовали за смертную казнь короля. "Поскольку Людовик XVI был врагом народа, его свободы и его счастья, я голосую за смерть", – мотивировал он свой вотум (*Discours et rapports*. P.71).

Вопрос о суде над королем не случайно занимал одно из центральных мест в борьбе между Горой и Жирондой в первые месяцы деятельности Национального конвента – еще в первой своей речи Сен-Жюст отметил, что "республику вы установите в том же духе, в каком будете судить короля" (с. 14). Однако, это не значит, что Сен-Жюст тогда уже прочно занял место среди монтаньяров – сам водораздел между партиями тогда еще не сложился окончательно. Первые речи Сен-Жюста в Конvente получили восторженную оценку не только в якобинской, но и в жирондистской прессе. Бриссо после выступления Сен-Жюста 13 ноября писал: "среди идей преувеличенных, свидетельствующих о молодости оратора, в речи есть блистательные места, талант, который может составить честь Франции".(13) А 30 ноября, после нового выступления Сен-Жюста, отмечал в своей газете "Патриот франсэ", что тот "делает честь своему таланту, защищая свободу торговли".(14)

Это была речь "О продовольствии" (29 ноября 1792 г.), которая занимает особое место в развитии мировоззрения Сен-Жюста, представляя собою поворотный пункт от трактатов с теоретизированием в несколько абстрактном духе века Просвещения к постановке острых проблем общественной жизни Республики. Резкое обострение продовольственного кризиса к концу зимы 1793 г., вызвавшее новые волнения в Париже, привело к несколько запоздалому и неожиданному отклику на речь Сен-Жюста, вышедшую к тому времени отдельным изданием: в середине февраля он сделался объектом резких нападков со стороны "бешеных". Его упрекали, в частности, за утверждение, что "положительный закон о продовольствии никогда не будет разумным" (с.16), – этим словам аплодировали жирондисты.(15) И ни те, ни другие как будто не обратили внимания, что Сен-Жюст выступает не столько против каких-либо ограничений свободы торговли, сколько "против неэффективности частичных вмешательств".(16) Он стремится найти долговременное решение проблемы продовольствия, решение, которое было бы приемлемо и для крестьян-хлебопроизводителей, и для потребителей; выступая в Конvente, он видел перед собою не только изможденные нуждой лица парижских санкюлотов, но и натруженные руки своих соседей-землепашцев, колышущиеся нивы Пикардии.

Речь "О продовольствии", удостоившаяся высокой оценки со стороны двух непримиримых политических противников, какими были Марат и Бриссо,(17) создала Сен-Жюсту "репутацию государственного деятеля".(18) На следующий день, 30 ноября, он был избран одним из секретарей бюро Конвента, 19 декабря – председателем Якобинского клуба, а в январе 1793 г. вошел в состав конституционной комиссии Клуба. В Конвент и в Клуб сходились все нити общественно-политической жизни Республики, и Сен-Жюст получил таким образом возможность еще более расширить круг своих представлений о положении в различных департаментах и в целом по стране.

Вероятно, результатом его участие в конституционной комиссии Якобинского клуба стало представление на суд Конвента собственного проекта конституции. В предпосланной ему большой речи (24 апреля 1793 г.) Сен-Жюст изложил принципы, положенные в основу проекта. Речь "О Конституции" представляется едва ли не самой оптимистической из всех, произнесенных им в Конвенте. В ней звучит уверенность в скорой и окончательной победе, для которой необходимо лишь дать французскому народу хорошую конституцию, соответствующую общей воле и естественной справедливости, чувствуется характерная для Просвещения вера во всемогущество мудрого законодателя. И в речи, и в проекте конституции нашли отражение многие идеи, вынашиваемые им еще со времен, предшествовавших созыву Конвента. В основу своего проекта, который он систематически противопоставляет жирондистскому, представленному от имени Конституционной комиссии Конвента Антуаном Кондорсе, Сен-Жюст кладет теорию народного суверенитета Руссо. Для осуществления верховной власти народа, по мнению Сен-Жюста, необходима выборность на демократической основе всех должностных лиц Республики, но прямые выборы предусмотрены лишь при формировании Законодательного корпуса, что и выделяет его несомненное верховенство. В противном случае все местные власти приобрели бы характер представительства, что привело бы, по мнению Сен-Жюста, к дроблению суверена. Подчиненное положение Исполнительного совета по отношению к Законодательному корпусу вытекает из того же правила: конституция должна обеспечить воплощенное в единстве власти единство нации и государства. Административное деление Франции призвано лишь "облегчить осуществление избирательного права и выражение воли народа" (с. 68). Поэтому в основе его должна лежать численность населения, а не территория административного округа. В противном случае "народ разобщен, власть концентрируется в правительстве, трудно соединить воедино разобщенный суверен" (с.68). Впоследствии обвинения в "федерализме", в стремлении к раздроблению суверена стало одной из основ обвинительного доклада Сен-Жюста против жирондистов.

Следует отметить, что, оспаривая мнения и планы жирондистов в общеполитических вопросах, Сен-Жюст вплоть до антижирондистского восстания 31 мая – 2 июня 1793 г. оставался как бы вне непосредственной борьбы партий (*Discours et rapports*. P. 16). Не этим ли объясняется, что еще в конце мая Клод Фоше писал в своем "Журналь дез Ами" о заседании Конвента 24 апреля 1793 г., что "Сен-Жюст изложил свои взгляды и показал талант. Если он не позволит убийцам подрезать себе крылья, он сможет подняться к высотам гения" ("убийцами" Фоше, как и другие жирондисты, называл монтаньяров).(19) Возможно, внешне беспристрастная позиция Сен-Жюста стала одной из причин того, что обвинительный доклад против жирондистов после их свержения Комитет общественного спасения поручил именно ему.

К Комитету общественного спасения Сен-Жюст был присоединен 30 мая, вместе с еще четырьмя депутатами, составившими комиссию по завершению выработки конституции. 5 июня они стали полноправными членами Комитета, а 10 июня представили результаты своей работы Конвенту. Определить точно роль Сен-Жюста в создании окончательного текста не представляется возможным. Конституцию 1793 г. роднит с проектом Сен-Жюста не только и на столько содержание отдельных статей, сколько единство духа и стиля.(20) В то же время следует сказать, что созданная после победы над жирондистами конституция отличалась несколько большей умеренностью, чем проекты, представленные монтаньярами ранее. Этого требовала необходимость сплотить силы перед лицом внутренней и внешней контрреволюции.(21)

Вероятно, этим же объясняется умеренность выводов, сделанных Сен-Жюстом в обвинительном докладе против жирондистов, произнесенный уже после того, как многие из них, бежав из Парижа, из-под нестроного домашнего ареста, в департаменты, подняли там восстание, сомкнувшись с роялистской контрреволюцией. Впрочем, доклад этот следует рассматривать как в полной мере плод коллективного творчества: 24 июня он был представлен на рассмотрение Комитета общественного спасения, 2 июля одобрен им, и лишь 8 июля представлен Конвенту.

Надеждам на умиротворение не суждено было осуществиться. Размах федералистского мятежа, рост внешней опасности сделали невозможным немедленное введение Конституции, получившей одобрение народа и торжественно провозглашенной на празднике Единства и Неделимости Республики 10 августа 1793 г. В ходе борьбы спонтанно складывались новые революционные формы управления страной. Однако, официально революционный порядок управления был провозглашен лишь 10 октября (19 вандемьера II года по революционному календарю). Докладчиком Комитета общественного спасения и, следовательно, автором первого наброска "революционной конституции" Франции стал Сен-Жюст.

В этом докладе сошлось, как в фокусе, основные направления его мысли, отразились основные направления деятельности. Подчеркнув, что "заговоры постоянно вносят смуту в государство", что "отечество тысячу раз становилось жертвою снисходительных законов" (с.94), Сен-Жюст значительную часть своего доклада посвятил обоснованию необходимости реорганизовать всю систему управления. Однако, если в ноябре 1792 или в апреле 1793 г. ему казалось, что для этого достаточно выработать и принять хорошую конституцию, то теперь во временном отказе от ее применения, в установлении строжайшего революционного контроля над деятельностью администрации, вплоть до применения чрезвычайных мер, он видит необходимое условие создания системы управления, соответствующей этой конституции. Считая максимум лишь временной, вынужденной обстоятельствами, но далеко не достаточной для подлинного выправления положения мерой, Сен-Жюст предусматривает, говоря современным языком, строгую централизацию учета и распределения продовольствия в пределах всей Республики, в которой видит надежный путь решения продовольственной проблемы. Но при этом в своей практической деятельности, прежде всего во время миссий на фронт, он всегда считался с законом о максимуме, следил за неукоснительным его соблюдением. Сен-Жюст ясно понимал, что, облегчив несколько положение бедноты, максимум осложнил положение страны в целом. Он неоднократно говорит о необходимости дополнительного обложения богатых и даже об уменьшении размеров богатств. Он говорит о том, что "в мудро управляемом государстве хлеб по праву принадлежит народу", так как "зависимость от богача унижительна", а "хлеб получаемый от богача — горек, он угрожает утратой свободы" (с.96).

Следует заметить, что начавшийся около года назад переход от теоретизирования к соединению теории и практики не обошелся без потерь: эгалитарный общественный идеал Сен-Жюста, складывавшийся под воздействием просветительной литературы, в результате наблюдения общественной жизни Пикардии, не только не стал в первые месяцы Конвента целью его практической деятельности, но, казалось, был предан забвению. Теперь же саму необходимость установить во Франции временный революционный порядок управления Сен-Жюст мотивирует не только борьбой с внешней и внутренней контрреволюцией, но и задачами установления социальной справедливости.

Это было программой деятельности не только для правительства, но и личной программой автора, что проявилось уже во время миссии в Рейнскую армию, куда Сен-Жюст был направлен вместе со своим другом, членом Комитета общей безопасности Филиппом Леба в качестве чрезвычайных правительственных комиссаров в тот момент, когда положение дел в Эльзасе стало особенно угрожающим. Именно миссии в Рейнскую и в Северную армии положили начало "легенде" о Сен-Жюсте(22). "Блеск его прокламаций, быстрота, с которой он принимал решения, непримиримость в принципиальных вопросах, быстро восстановленное положение — все это способствовало тому, что еще при жизни было окружено ореолом славы и легенды"(23). Провозгласив в докладе "О Революционном порядке управления" своего рода кодекс комиссара при армии, он сам неукоснительно следовал этому "кодексу". Придавая огромное значение силе примера, он настоятельно добивался того, чтобы наиболее важные и яркие из его постановлений были обязательно зачитаны с трибуны Конвента, и таким образом становились известными повсюду(24).

Для обеспечения эффективности миссии в дополнение к власти чрезвычайного представителя правительственного Комитета Сен-Жюст стремился завоевать личный авторитет у солдат и офицеров, у представителей местной администрации. Первое время он лично бросался в бой даже в тех случаях, когда в этом не было прямой необходимости. Солдаты оценили его храбрость, но с генералами было труднее. Пишегрю, принявший командование Рейнской армией, в него поверил, с Гошем, командующим Мозельской армией, отношения явно не складывались.

Довольно сложно складывались отношения и с коллегами, депутатами Конвента, находившимися с различными миссиями в Эльзасе. Постоянно подчеркивая чрезвычайных характер своей миссии, Сен-Жюст фактически противопоставил себя представителям при Мозельской армии Лакосту и Бодо. Конфронтация едва не стала причиной осложнений в военных делах. Когда совместные действия Рейнской и Мозельской армии поставили вопрос об их объединении, Сен-Жюст и Леба, по согласованию с Комитетом общественного спасения, назначили командующим соединенных армий генерала Пишегрю. Но когда они уехали на несколько дней в Париж, Лакост и Бодо сместили Пишегрю, назначив на его место Гоша. Назревавший конфликт едва удалось погасить благодаря вмешательству Комитета и проявленной Сен-Жюстом в этот момент терпимости. Полученный в Эльзасе урок не был для него напрасным, и в своих последующих миссиях в Северную армию он постоянно действует в тесном контакте, во взаимодействии с остальными комиссарами Конвента.

Из поездки в Париж Сен-Жюст и Леба возвращались в сопровождении Элизабет Дюпле, три месяца назад ставшей женою Филиппа, и составившей ей компанию его сестры Анриетты. Эту восемнадцатилетнюю девушку некоторые авторы со слов Элизабет Леба называют невестой Сен-Жюста. В переписке Филиппа с женою встречаются смутные намеки на начавшийся было роман и внезапный непонятный разрыв. Дружба Леба и Сен-Жюста от этого не пострадала, хотя в ней и появилась некоторая недосказанность. Леба не сопровождал Сен-Жюста во время последней миссии на Север, но в это время Элизабет ждала ребенка. 9 термидора Филипп Леба по собственной воле разделил судьбу своих друзей — Максимилиана Робеспьера и Антуана Сен-Жюста.

Миссии Сен-Жюста и Леба в Рейнскую и в Северную армии причисляют к наиболее успешным в истории революции. Самому Сен-Жюсту этот опыт показал не только возможность, но и способы достижения общественного идеала. Условием восстановления боеспособности Рейнской армии, терпевшей в начале октября одно поражение за другим, было не только усиление ее командного состава, не только укрепление воинской дисциплины. Последнее невозможно было без наведения порядка в снабжении армии и без создания надежного тыла. Всю тяжесть поставок для армии народные представители возложили на зажиточную часть местного населения — широкую известность получил, например, приказ разуть в двадцать четыре часа десять тысяч страсбургских "аристократов", чтобы обути босых солдат. Но и сами солдаты, среди которых было немало волонтеров, оставивших дома семью, не должны были испытывать беспокойства о том, что земля их останется необработанной, что дети или престарелые родители окажутся без помощи и поддержки в трудное время. И в разные концы страны отправлялись письма комиссаров Конвента с требованием оказать помощь семье защитника отечества. В прифронтовых районах, в тех департаментах, на которые распространялась власть народных представителей в миссии, Сен-Жюст и Леба изыскивали способы оказания помощи "неимущим патриотам". Средства для этого дали девятимиллионный принудительный заем, наложенный на страсбургских богачей и аналогичный заем в Нанси. Большая часть поступлений от этих займов предназначалась для нужд армии и для укрепления крепостей Страсбурга и Нанси, но, соответственно, два миллиона и один передавались в распоряжение муниципалитетов для помощи "неимущим патриотам".

Именно во время миссии в Эльзас Сен-Жюст увидел в системе революционного порядка управления ту силу, те органы, на которые можно опереться при осуществлении программы более широких социальных преобразований — народные общества и наблюдательные или революционные комитеты. Еще до декрета 14 фримера (4 декабря 1793 г.), возложившего на эти комитеты "проведение революционных законов и мер общественной безопасности и общественного спасения", Сен-Жюст поручает наблюдательным комитетам Страсбурга и Нанси выполнение постановлений о принудительном займе, привлекает народные общества к распределению и выполнению реквизиций; он советуется с ними при назначении или смещении должностных лиц; муниципалитетам, коммунаам поручалось оказание помощи семьям солдат и "неимущим патриотам". И именно на коммуны, народные общества и их наблюдательные комитеты декретом 13 вантоза (3 марта 1794 г.) возлагалась вся подготовительная работа на местах для определения "способов передачи обездоленным имущества врагов революции".

Идея использовать собственность врагов революции для удовлетворения нужд ее защитников, продиктованная самою логикой борьбы, стала популярной зимой 1793/94 гг. Попытки ее осуществления предпринимались в различных департаментах по инициативе и местных органов, и комиссаров Конвента начиная с осени 1793 г. Подобные требования звучали в Генеральном совете Парижской коммуны и Якобинском клубе. С предложением "просить Конвент принять декрет о передаче республиканцам земель, находящихся в руках врагов государства" выступил в конце октября Шометт. О необходимости "передать санкюлотам все, что теряют аристократы", говорил Анрио, командующий Национальной гвардией Парижа. 7 плювиоза (26 января 1794 г.) Кутон в Конвенте предложил "наложить секвестр на имущество лиц, арестованных как подозрительные", но предложение это не было принято(25).

Однако, провозгласив программу вантозских декретов, Сен-Жюст не только подхватил популярные лозунги. Им руководили не прагматические соображения, а намерение "произвести революцию в гражданском состоянии" (с.120), которое, напомним, Сен-Жюст рассматривал как "отношение потребностей" людей. Начиная с 8 вантоза он во всех своих программных выступлениях говорит о необходимости установлений, "которые составляют душу Республики" (с.110), без которых "нет прочной свободы", поскольку они "поддерживают любовь к отечеству и самый революционный дух, когда революция прошла" (с.167). "Только установления создают гарантии власти и заставляют человеческую гордость склониться перед общественной свободой" (с.171). Более того, в принятый по его докладу декрет 27 жерминаля (16 апреля 1794 г.) "Об общей полиции" была включена статья, предлагающая Конвенту выделить из своей среды комиссию для составления "собрания гражданских установлений, предназначенных охранять права и дух свободы" (с.170). Оставшиеся месяцы до 9 термидора Сен-Жюст, очевидно, был в основном занят разработкой системы республиканских установлений, которые, охватив все стороны жизни общества, все отношения его членов в единстве содержания и внешних его проявлений, должны были стать не просто дополнением к конституционным законам, но условием их действительности.

Оставшиеся разрозненные записи, изданные в 1800 году под названием "Фрагменты о Республиканских установлениях", с наибольшей полнотой отразили представление Сен-Жюста о том, каким должно стать французское общество в результате свершающейся революции. В этом обществе "не должно быть ни богатых, ни бедных", потому что "роскошь — это позор" (с.294); в этом обществе каждый обязан трудиться, поскольку "если все будут трудиться, установится изобилие, <...> не будет больше порока" (с.291). Огромное значение придает Сен-Жюст воспитанию достойных граждан Республики, подготовленных к труду и к защите отечества; он вдохновляется установлениями древней Спарты и Платоновой Республики, идеями Руссо.

В "Республиканских установлениях" Сен-Жюста особенно проявились характерная для Просвещения уверенность, что стоит дать народу разумные законы, соответствующие природе человека, и все станет на свое место, а также и присущее эгалитарной утопии стремление к жесткой, порою мелочной регламентации — от ежегодных отчетов граждан в употреблении своего состояния до предписания не употреблять мясо в определенные дни декады. Но в то же время интересны его соображения о глубочайшей связи между экономикой и "нравами": "Эти два предмета имеют столь много общего, что невозможно рассматривать их по отдельности. Немногие правительства могут устоять перед пороками своей экономической системы" (с.292). Рассматривая "нравы" т.е., традиции, обычаи в их положительном проявлении, как цель и в то же время условие существования Республики, Сен-Жюст замечает, что "если бы у нас были [добрые — Т.Ч.] нравы, все пошло бы хорошо; чтобы улучшить их, нужны установления" (с.285), а в другом месте утверждает: "чтобы реформировать нравы, нужно начать с удовлетворения потребностей и интересов; нужно всем дать немного земли" (с.294). Теми же мыслями пронизаны его доклады 8 и 23 вантоза (26 февраля и 13 марта 1794 г.).

В программе вантозских декретов были и конъюнктурные моменты. Революционное правительство несколько месяцев подвергалось непрерывным атакам и справа и слева, причем левые в значительной мере опирались на поддержку муниципальных органов Парижа, на секции, выражали настроения народных масс. Со всех сторон звучали требования положить конец злоупотреблениям властью и необоснованным репрессиям.

Программа вантозских декретов была выдвинута от имени правительственных комитетов. Но ближайшие единомышленники Сен-Жюста Робеспьер и Кутон ни разу в своих публичных выступлениях не коснулись этого вопроса; к тому же, оба в течение месяца отсутствовали из-за болезни.(26) Социальные идеалы Робеспьера и Сен-Жюста были сходным, но, возможно, пути достижения цели представлялись им по-разному. Высказывалось предположение, что союзниками Сен-Жюста здесь были скорее левые из Комитета общественного спасения, Бийо-Варен и Колло д'Эрбуа(27). Но Бийо-Варен, чьи социальные идеи, судя по опубликованным в начале 1793 г. "Основам республиканизма", были действительно очень близки Сен-Жюсту(28), находился в это время в Сен-Мало. Итак, не исключено, что большинство членов правительственных Комитетов дало себя уговорить лишь из страха перед народным движением, рассматривая вантозские декреты как своего рода политический маневр. Аналогичная ситуация сложилась в Конвенте, где большинство составляла "Равнина", депутаты, представлявшие интересы новой революционной буржуазии и поддерживавшие революционное правительство лишь постольку, поскольку оно было необходимо для защиты позиций, завоеванных ими в ходе революции. Голосуя за принятие вантозских декретов, они рассматривали их скорее как способ успокоения народных масс. Последующее развитие событий пошло именно в этом направлении, и Сен-Жюст вольно или невольно играл в этом центральную роль.

III

Та роль, которую сыграл Сен-Жюст в политической жизни Республики весной 1794 г. представляется порою даже историкам, симпатизирующим робеспьеристам, несколько зловещей: четыре обвинительных доклада в Конвенте в течение менее чем месяца. Три политических процесса над ведущими деятелями революции, ответственность за которые он во многом взял на себя, сделали Сен-Жюста едва ли не центральной фигурой политики Террора.

Через все программные доклады Сен-Жюста красной нитью проходит мысль о том, что построить, укрепить Республику можно лишь при условии единства всех патриотических, революционных сил. Фракции, "снисходительные" и "крайние", своей деятельностью разрушают это единство, раскалывают народ, — так считал Сен-Жюст. Ему, вероятно, казалось, что достаточно обезглавить фракции для того, чтобы, покончив с ними, расчистить путь Республике равенства и справедливости.

Резкая активизация деятельности фракций и борьба между ними в январе-феврале 1794 г., в условиях относительной стабилизации положения на фронтах, сделала само существование фракций вопросом жизни и смерти для Революционного правительства. Явился ли призыв к восстанию, прозвучавший 14 вантоза (4 марта 1794 г.) в клубе Кордельеров, лишь поводом для нанесения удара по его лидерам, сказалось ли это на мере пресечения их деятельности, но процесс и казнь эбертистов окончательно решили и судьбу их противников дантонистов.

В первоначальном варианте обвинительного доклада против дантонистов имелись неточности, и Робеспьер, по поручению ли Комитета, или по собственной инициативе взялся поправить его, а заодно дополнил сведениями, неизвестными Сен-Жюсту.(29) Окончательный текст был утвержден на соединенном заседании Комитетов общественного спасения и общей безопасности в ночь с 10 на 11 жерминаля. Год спустя Марк Вадье, член Комитета общей безопасности, рассказывал, что Сен-Жюст, настаивал, чтобы арест депутатов-дантонистов был произведен решением самого Конвента, чтобы обвинительный доклад был произнесен в присутствии самих обвиняемых, в гневе бросил в огонь свою шляпу, выскочил из зала заседаний комитетов, хлопнув дверью, и его едва удалось убедить в необходимости немедленно арестовать дантонистов, дабы не подвергать излишней опасности Революционное правительство(30).

Конечно, главное из обвинений, выдвинутых против Дантона — в стремлении восстановить во Франции монархию — было абсурдно; конечно, отрицание всех его заслуг перед революцией было по меньшей мере несправедливым. Но, хотел того Дантон или нет, к весне 1794 г. он стал центром притяжения всех, кто, получив свое, разбогатев за годы революции, теперь стремился остановить ее. Сен-Жюст считал, что именно они тормозят проведение в жизнь вантозских декретов.

Едва ли не самое примечательное в обвинительных докладах Сен-Жюста — оптимизм. Оптимизм победителя, непоколебимая уверенность в том, что стоит приложить еще одно усилие, устранить с пути еще одно препятствие, еще одну фракцию, и цель будет достигнута, Свобода наконец укрепится и Республика подойдет наконец к осуществлению своих идеалов, к установлению царства добродетели. И эта уверенность придавала особую убедительность его словам.

На мажорный лад настраивали и личные дела. Вероятно, в середине марта состоялась помолвка Луи Антуана Сен-Жюста и Анриетты Леба: 16 марта он перебрался из гостиницы на улице Гайон, где в течение полутора лет снимал две комнаты за 72 франка в месяц, в квартиру на улице Комартен 3, задолжав примерно за месяц и оставив в залог голубой сюртук и короб бумаг(31). Но мебелировка новой квартиры, потребовавшая денег, так и осталась незавершенной(32). Разрыв произошел еще до конца апреля, и похоже, личная драма была связана с определенным надломом в мировосприятии Сен-Жюста.

Разгром фракций не дал желаемого результата, не привел к консолидации сил, необходимой и для борьбы с контрреволюцией, и для осуществления социальной программы; эффект от принятия вантозских декретов оказался много меньшим, чем он рассчитывал(33). Они не решали проблем текущего момента; проведение же подготовительных работ наталкивалось на упорное, хотя и глухое сопротивление зажиточной верхушки города и деревни, в руках которой находились органы местного управления, и со стороны выражавшей ее интересы в Конвенте "Равнины".

Доклад Сен-Жюста "Об общей полиции" уже далеко не так оптимистичен, как предыдущие, хотя в нем еще звучит надежда. По тону и по содержанию он во многом напоминает доклад "О революционном порядке управления" и даже речь "О продовольствии". Он вновь обращается к анализу экономических трудностей, пытается найти средства их преодоления. Он говорит о необходимости "успокоить приобретателей" (с.156) национальных имуществ, сетует на крайнюю затрудненность торговли, предлагает меры поощрения промышленности. Как непохоже это на то, что он писал Робеспьеру из Страсбурга четыре месяца назад: "Фабриканты не патриоты, они не желают работать, их нужно принуждать к этому" (с.343). Может создаться впечатление, что Сен-Жюст забыл о провозглашенной им в вантозе программе. Но за несколько дней до этого доклада он составил циркуляр, подписанный затем всеми членами обоих Комитетов, в котором давались пространные указания относительно всех подготовительных работ(34). А в статье 3 предложенного декрета предусматривалось создание к 15 флореаля народных комиссий для рассмотрения дел заключенных.

С принятием вантозских декретов Сен-Жюст получил возможность на законных основаниях добиваться осуществления своей социальной программы, которой оставался верен до конца. И когда в отсутствие Сен-Жюста, находившегося в очередной миссии, Конвент принял по докладу Барера декрет о создании "Книги национальной благотворительности", который фактически подменял программу вантозских декретов мерами по оказанию помощи преимущественно нетрудоспособным, последовал циркуляр Комитета общественного спасения от 1 мессидора (19 июня 1794 г.), отправленный за подписью Сен-Жюста, где разъяснялось, что "декрет 22 флореаля и все последующие законы об общественной помощи и искоренении нищенства отнюдь не освобождают муниципалитеты от предоставления списков неимущих своих коммун в соответствии с декретом 13 вантоза"(35).

Но при этом меры, предложенные Сен-Жюстом после принятия вантозских декретов в интересах имущих слоев, были также закономерны. И те и другие были направлены на стабилизацию режима. Однако, эти два пути стабилизации были трудносовместимы. Разочарование в возможности быстрого осуществления социальной программы в масштабах всей страны, ожесточенное сопротивление со стороны имущих мерам, которые он с таким успехом применил в Эльзасе в экстремальных условиях прифронтовых районов, вызвали у него горькие слова: "Революция оледенела... Применение террора притупило преступление, подобно тому как крепкие напитки притупляют вкус. Несомненно, еще не настало время делать добро. Отдельные проявления добра — это паллиатив. Необходимо ждать всеобщего зла, достаточно великого, чтобы общественное мнение испытало потребность в мерах, способных творить добро. Тот, кто приносит общее благо, всегда страшен, или кажется странным, если начинает слишком рано" (с.290).

Подчеркнув еще в докладе 8 вантоза отличие террора от непреклонного революционного правосудия (справедливости), Сен-Жюст несколько разошелся с Робеспьером, отождествлявшим эти два понятия: "Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость"(36). В докладе 26 жерминаля Сен-Жюст требовал не усиления террора, а его централизации и упорядочения. Печально знаменитый закон 22 прериала (10 июня 1794 г.) был принят на следующий день после отъезда Сен-Жюста из Парижа с новой (последней) миссией по докладу Кутона и при непосредственном участии Робеспьера. За две недели до этого Сен-Жюст был вызван в Париж в самый разгар боевых действий, возможно, именно для обсуждения этого закона — во всяком случае, ничего, что бы требовало его присутствия в Комитете, не обнаружено(37). По логике вещей именно Сен-Жюст должен был внести в Конвент подобный законопроект — не случайно Жорж Лефевр усмотрел определенную связь между вантозскими декретами и законом 22 прериала(38). Заметим, что еще ранее, также в отсутствие Сен-Жюста, Комитет общественного спасения постановил создать в г. Оранж народную комиссию из пяти членов для суда над мятежниками Юга, процессуальные нормы для которой определяли инструкции Комитета, ставшие прообразом закона 22 прериала. Закон этот, чрезвычайно расширивший толкование понятия "враг революции" и до предела упростивший судебную процедуру, закон, на который Робеспьер возлагал большие надежды, лишь еще более осложнил его положение, сделавшись орудием в руках его врагов.

Близкий друг Сен-Жюста Пьер Гато писал впоследствии, находясь в термидорианской тюрьме: "Я был свидетелем его негодования при чтении закона 22 прериала <...> Но, — добавлял Гато, — в то же время я должен сказать, что он неизменно с восхищением говорил о талантах и суровой добродетели Робеспьера, перед которым он всегда преклонялся" (Oeuvres complètes. Ed. Ch.Velay. P., 1908. Т.1. P.XII-XIII). В своих целях и стремлениях Робеспьер и Сен-Жюст оставались едины.

Из своей последней миссии Сен-Жюст возвратился в Париж 10 мессидора (28 июня 1794 г.), возвратился победителем: 7 мессидора был наконец взят Шарлеруа, а на следующий день армия Журдана нанесла поражение войскам герцога Кобургского при Флёрюсе. Столько сил и энергии вложил он в организацию этой победы, но победа его не радовала. Он даже отказался доложить о ней Конвенту(39). С каждой новой победой французских армий уменьшалась угроза реставрации монархии, а вместе с нею уменьшалась и та сила, которая принуждала буржуазию мириться с ограничениями экономической свободы и с вмешательством государства в ее дела, а санкюлотов — с экономическими трудностями. Социальная база якобинской диктатуры все более размывалась. Новый заговор объединил остатки эбертистов и дантониюв и всех, кто по тем или иным причинам опасался революционного правительства. Противопоставить этому заговору можно было лишь единство правительства, но положение давно осложнялось соперничеством между Комитетами общественного спасения и общей безопасности; теперь к нему добавились разногласия внутри Комитета общественного спасения, разногласия, вызванные не только различием политических устремлений, но и столкновением характеров.

Все же Сен-Жюст не отказывался от борьбы и за восстановление единства действий в правительстве, и за осуществление провозглашенной в вантозе программы. Ради этого он был готов пойти, и шел, на некоторые компромиссы. Так, на соединенном заседании Комитетов 4 и 5 термидора (22 и 23 июля 1794 г.) он согласился с отправкой на фронт канониров Национальной гвардии Парижа, являвшихся опорой робеспьеристской Коммуны, но добился принятия решения о создании четырех народных комиссий, предусмотренных декретом 23 вантоза — две первые комиссии были созданы в конце флореаля и рассматривали дела заключенных парижских тюрем(40). Тогда же Комитеты поручили Сен-Жюсту представить Конвенту доклад о политическом положении, тот самый доклад, который ему так и не удалось произнести на заседании 9 термидора.

События 9 и 10 термидора достаточно хорошо известны. Мы никогда не узнаем причин загадочного молчания Сен-Жюста во время бурного заседания Конвента, после того как Тальен прервал его речь. Мы никогда не узнаем, почему этот человек действия, единственный из робеспьеристов, кто действительно обладал военным опытом, ничего не сделал для организации вооруженных сил восставшей Коммуны.

Он не оказал никакого сопротивления при аресте и вечером 10 термидора молча и спокойно взшел на эшафот.

"Он остался воплощением Революции II года, во всем ее величии, как и во всех ее противоречиях" — заметил Альбер Собуль(41).

1. Среди вещей Сен-Жюста, проданных с торгов 12 фрюктидора III года, была "складная флейта слоновой кости (AR. 1923. P.513), а в музее Блеранкура экспонировался выполненный им рисунок головы Антиноя.
2. Barere B. Memoires. Paris, 1842. T.1. P.129.
3. Fleury Ed. Saint-Just et la terreur. T.1-2. P., 1852. T.1. P.18-19.
4. Историю отношений Сен-Жюста и Тереза рассказала, опираясь на семейные архивы и на устную традицию, М.А.Шармело: Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. Paris, 1957.
5. Совершеннолетним во Франции того времени считался человек, достигший возраста 25 лет.
6. Vellay Ch. Les poursuites contre "Organt" // Revue Bleu, 1907. T.VIII, N° 6. P.186-187.
7. Hamel E. Histoire de Saint-Just. P., 1859. P.64-65.
8. Триаж — право сеньора получить при разделе общинных земель третью часть, дарованное королевским эдиктом эдикту 1669 г.
9. Vellay Ch. Saint-Just. Premieres luttes politiques // Rev. de Paris. 1906. T.5. P.820.
10. Fleury Ed. Op. cit. T.1. P.113.
11. Fleury Ed. Op. cit. T.1. P.150-151.
12. См.: Робеспьер М. Т.2. С.133-141.
13. Hamel E. P.117-118.
14. Ibid. P.133.
15. См.: Матъез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.;Л., 1928. С.85.
16. Michalet Ch. Economie et politique chez Saint-Just. L'exemple de l'inflation // Actes du colloque Saint-Just. P.186.
17. См.: Марат Ж.П. Избранные произведения. М., 1956. Т. 3. с. 186; Hamel E. P.133.
18. См.: Матъез А. Борьба... С.85.
19. Cit.: Dautry J. Saint-Just et l'abbe Fauchet // AHRF. 1959. N° 122. P. 189-190.

20. Детальное сравнение Конституции 1793 г. с проектом Сен-Жюста провел Е.Н.Кэпис: Curtis E.N. Saint-Just, colleague of Robespierre. New York, 1935. P.352-355.
21. См.: Гордон А.В. Классовая борьба и конституция 1793 г. // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С.155-157.
22. Лучшая работа о миссиях Сен-Жюста — Gross J.P. Saint-Just: sa politique et ses mission. P., 1976. См. также: Чупрун Н.И. Сен-Жюст и организация обороны Франции в 1783 г. // Научные записки Днепропетровского гос. университета. Т.56, вып.IV, 1956. С.109-126; Собоуль А. О миссии Сен-Жюста в Рейнскую армию (брюмер II года Республики) // Собоуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794 гг. и революции 1848 г. во Франции. М., 1960. С.155-172, 287-371.
23. Собоуль А. Указ соч. С.155.
24. Gross J.P. Saint-Just en mission: la naissance d'un mith // Actes du Colloque Saint-Just. P., 1968. P. P.37-69.
25. См.: Собоуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. С.337-340; Чупрун Н.И. Сен-Жюст и вантозские декреты // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С.441-442.
26. См.: Palmer R.R. Twelve who ruled. Princeton, 1941. P.284.
27. Ibid. P.285.
28. Abensour M. La philosophie politique de Saint-Just. Problematiques et cadres sociaux // AHRF, 1966. P.350-356. Ср. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т.VI. М., 1983. С.48-60.
29. Mathiez A. Les notes de Robespierre contre Dantonistes // Mathiez A. Etudes sur Robespierre. P., 1973. P.121-156. См. также: Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965. Т.3. С.142-153.
30. Vellay Ch. Saint-Just et le proces des Dantonistes // AR. 1908. An.1. P.101-102.
31. См.: Alger J.P. Paris in 1789-1794. L., 1903. P.455.
32. См.: VauthierG. La succession de Saint-Just // AR. 1923. An.15. P.513-514.
33. См.: Собоуль А. Парижские санкюлоты ... С.340.
34. См.: Schnerb R. Les lois de ventose et leur application dans le departement du Pui-de-Dome // AHRF. 1934. N°65. P.408; Чупрун Н.И. Сен-Жюст и вантозские декреты. С.462.
35. Schnerb R. Les lois... P. 405, 407-408; Чупрун Н.И. Указ. соч. С.461-465.
36. Робеспьер М. Т.3. С.112.
37. Едва ли не первым обратил внимание на странность этого вызова в Париж Э.Амель: Hamel E. Histoire de Saint-Just. P., 1859. P.512-514.
38. См.: Lefebvre G. Sur la loi du prarial an II. // AHRF. 1951. N°121. P.225-256.
39. См.: Barere B. Memoires. P., 1842. P.158.
40. Mathiez A. Les seances 4 et 5 Thermidor an II aux deux Comites de salut public et de surete generale. // Mathiez A. Girondins et Montagnards. P., 1930. P.149-150, 161-162.
41. Saint-Just L.A. Discours et rapports. Introd. et note d'A.Soboul. P., 1977. P.37.

ПРОБЛЕМА "РЕСПУБЛИКАНСКОЙ МОНАРХИИ" В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ФРАНЦИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В сб. «Монархия и ее роль в истории». Тезисы межвузовской научной конференции. Омск, 1995

РЕСПУБЛИКА. МОНАРХИЯ. Этими словами обозначаются обыкновенно определенные формы государственного устройства. Сегодня Европейские монархии столь мало отличаются от республик, в равной степени являясь воплощением современной демократии, что отношение политического деятеля к той или иной форме правления немного добавляет к общей характеристике его воззрений.

Другое дело, переход от феодализма ("Старого порядка") к капитализму (индустриальному обществу), от абсолютной монархии к современной парламентской демократии. Но именно в этот период, и в особенности в конце XVIII - начале XIX вв., смысловая нагруженность понятий "республика" и "монархия" заметно отличается от современной, нередко внося путаницу в понимание политических - и социальных - взглядов исторической личности, в осмысление некоторых явлений политико-правовой мысли.

Разъяснения требует, например, характеристика, данная французским дипломатом Л.Отто только что принятой республиканской конституции США как "приближающейся к выборной аристократии или даже смешанной монархии"(1). Или подготовка конституционно-монархического проекта конституции для России Павлом Пестелем после того как он только что, в январе 1820 г., публично заявил о приверженности республиканской форме правления, - и заявление автора другого конституционно-монархического проекта Никиты Муравьева в 1824 г., что он остается "приверженцем республиканского правления, каковым был и прежде"(2).

Но особенно много вопросов ставит в этом отношении история Великой французской революции. Это и монархизм демократов Марата и Робеспьера в первые годы революции, и республиканизм значительно более умеренного Лафайета в эти же годы. Это жирондисты, с искренним негодованием отвергающие обвинения в монархизме, выдвинутые против них монтаньярами в 1793 г. ("они были республиканцами при монархии и монархистами при республике", - гласит обвинительный акт против них, принятый в октябре 1793 г.(3))

Разобраться в этом, "понять историческую ситуацию так, как она выглядела в глазах деятелей того времени,"(4) можно, если обратиться к понятию "РЕСПУБЛИКАНСКАЯ МОНАРХИЯ". Введено оно было аббатом Мабли в изданной посмертно, в 1789 г., книге "О правах и обязанностях граждан", но сам принцип восходит к учению Руссо о народном суверенитете. "Республиканская монархия" - это не просто еще одна вариация на тему о преимуществах смешанного правления, когда "для укрепления монархии в нее вносится все доброе, что есть в республике" (д'Аржансон(5)). Здесь верховным повелителем, сувереном, является народ, по отношению к которому "короли суть только администраторы", своего рода гарантия против "тирании отдельного класса или партии" (Мабли(6)), а "правление, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его" согласно Монтескье является республиканским(7). Следовательно, "республиканская монархия" есть по сути республика с королем; сущностно важным является не форма правления (монархия), а принцип (республика).

Но именно как "республику с монархом" охарактеризовал 13 июля 1791 г. М.Робеспьер Конституцию Франции(8), провозгласившую суверенитет нации и объявившую короля (главу исполнительной власти) наряду с Законодательным корпусом, уполномоченными, представителями нации(9).

Это означает, что защищая конституционную монархию, Лафайет не входил в противоречие со своими республиканскими (в духе Конституции США) убеждениями. Становится и более понятным скептическое отношение Робеспьера к республиканской форме правления в первые годы революции, даже в период Вареннского кризиса, когда республиканские настроения получили весьма широкое распространение ("Мы не были настолько глупы, чтобы не понимать, что слова "республика" и "монархия" не более как неопределенные и ничего не значащие термины, способные быть кличками для сект и семенами раздора, но не характеризующие никакой специальной формы правительства", - писал он вскоре после 17 июля 1791 г.(10)): в сложившихся условиях республика как форма правления обрела бы не демократический, а аристократический характер. Это объясняет, наконец, быструю адаптацию к конституционной монархии жирондистов, слывших приверженцами республиканской формы правления - за период деятельности Законодательного собрания и своего непосредственного участия в управлении государством (жирондистские министерства весны - осени 1792 г.) они стали из противников монархии ее защитниками.

Ну а конституционно-монархические проекты П.Пестеля и Н.Муравьева по смыслу и по духу весьма напоминают Конституцию США.

Однако, если возможна "республиканская монархия" - республика с королем, - то возможна, с точки зрения формальной логики, и "монархическая республика", т.е., монархия без короля, когда исполнительная власть, пусть даже выборная и коллегиальная, ставится выше законодательной, представляющей суверенный народ. Именно в этом смысле Конституция США "приближается... к смешанной монархии". И именно в этом смысле, в частности, следует толковать обвинения в монархизме, выдвигавшиеся против жирондистов монтаньярами: конституционный проект жирондистов, представленный Конвенту его основным автором Ж.А. Кондорсэ, проект, согласно которому члены Исполнительного совета избирались суверенным народом в целом, а члены Законодательного корпуса - по округам, т.е., частями суверена(11), уже одним этим ставил исполнительную власть выше законодательной, что соответствует монархическому принципу правления.

Разумеется, этот подход не в состоянии полностью объяснить политические коллизии первых лет Великой французской революции, но он дает возможность взглянуть на них с еще одной стороны. Следует только иметь в виду, что встречаясь со словами "монархия" ("монархист") и "республика" ("республиканец"), необходимо прежде всего определить, о чем говорит произносящий (пишущий) эти слова - о форме ли правления, или о его принципе, или же употребляет в качестве синонимов "республиканец" - "революционер", "демократ", "патриот"; "монархист" - "контрреволюционер", "аристократ", и т.п. Только так можно приблизиться к адекватному пониманию содержания политической борьбы того времени.

1. Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. М., 1978. С.386.
2. Ланда С.С. "Дух революционных преобразований..." Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816-1825. М., 1975. С.131,139,336.
3. Французская буржуазная революция. 1789-1794. М., 1941. С.353.
4. Французское просвещение и революция. М., 1989. С.239.
5. Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938. С.23.
6. Там же. С. 22.
7. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 169.
8. Олар А. Указ. соч. С.187.
9. Документы истории Великой французской революции. Т. 1. М., 1990. С.116-117.
10. Олар А. Указ. соч. С.188.
11. Документы истории... С.171,172.

БУНТ, НЕ ИМЕЮЩИЙ ПЕРСПЕКТИВЫ:

Луи Антуан Сен-Жюст в годы работы над поэмой "ОРГАНТ" (1783? - 1789)

*Мне двадцать лет. Я сделал плохо.
Я мог бы сделать лучше.
Сен-Жюст, "Органт"*

Луи Антуан Сен-Жюст остался в памяти людей, знакомых с историей Великой французской революции прежде всего как пламенный революционер II года Республики, как "апостол террора", как рыцарь без страха и упрека, на которого даже враги взирали со смешанным чувством восхищения и ужаса.

Поэма "Органт", опубликованная им анонимно в самом начале революции, в 1789 году в значительной степени противоречит этому образу. Историки революции в прошлом веке писали о ней прежде всего как о сочинении непристойном, позже в сатирических выпадах поэмы стали отыскивать истоки, зародыши тех идей, которые Сен-Жюст пытался воплотить в жизнь в своей политической деятельности. Наконец, ряд авторов последних четырех десятилетий предпринимают попытки проанализировать сам текст поэмы как целое, рассматривая ее то как произведение прежде всего автобиографическое и автопророческое (М.А.Шармело), то как произведение собственно литературное, связанное с современной ему литературной традицией (С.Трюси-Торжюссен).

Признавая несомненную плодотворность этих подходов, хотелось бы обратить внимание и на некоторые другие аспекты.

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

Теплым июньским вечером 1789 года в дом парижского негодянта господина Дюпе постучал молодой человек лет двадцати - двадцати двух. Служанка, открывшая дверь, рассказывала потом подругам, что в лучах заходящего солнца он показался ей ангелом, сошедшим с небес - золотящиеся кудри до плеч, точеный профиль, серо-голубые глаза большие и строгие.

- Леонар Флорель де Сен-Жюст, - отрекомендовался он.

Господин Дюпе узнал сына своего старинного друга и земляка, унтер-офицера кавалерии роты герцога Беррийского (его звание соответствовало чину капитана в обычных войсках), Луи Жана де Сен-Жюст де Ришбур, - и усмехнулся: на самом деле юношу звали Луи Антуан, но он предпочитал почему-то имена, ему не принадлежащие. Три года назад, летом 1786 года, он уже гостил в этом доме. Господин Дюпе, так радушно принявший его, познакомивший с Парижем, с его садами и театрами, сам того не подозревая, сыграл тогда незавидную роль в судьбе молодого человека: удаленный из родного дома, он лишился в тот злосчастный год своей возлюбленной, которую спешно выдали замуж за другого.

Теперь анонимный автор героико-комической поэмы "Органт", уже разыскиваемой парижской полицией, Сен-Жюст решил укрыться в Париже, справедливо полагая, что в большом городе труднее отыскать человека, чем в провинциальном местечке. Господину Дюпе можно было довериться, да и взгляды его были известны(1).

Узнав о причине столь неожиданного визита, Дюпе пожелал, разумеется, прочитать поэму. - Да, пару экземпляров он при себе имеет. - Поэма оказалась весьма длинной - двадцать песен, два тома под двести страниц каждый. И полный набор поводов к тому, чтобы вызвать пристальный интерес властей.

В глаза бросалось откровенное, подчеркиваемое подражание "Орлеанской Девственнице" Вольтера. Разумеется, как литературному произведению "Органту" было далеко до блистательного образца. Но все обвинения, выдвигаемые против "Девственницы", были вполне приложимы и к этой поэме: и оскорбление нравственности, и оскорбление религии и церкви, и - кроме того - оскорбление властей.

Разговоры с господином Дюпе побудили Сен-Жюста, дабы яснее представить свою позицию, написать

ДИАЛОГ Г-НА Д... * С АВТОРОМ ПОЭМЫ "ОРГАНТ"(2)

Г-н Д. Это вы, сударь, автор поэмы "Органт"?

Автор. Да.

Г-н Д. Вы достаточно испорчены для своего возраста.

Автор. А может быть, достаточно мудр.

Г-н Д. Что такое сделали вам люди, чтобы разжечь в вас столь желчную сатиру?

Автор. Я хотел им понравиться.

Г-н Д. Откуда эти злые намеки?

Автор. Я писал с людей; тем лучше, если я добился сходства.

Г-н Д. Вы ведете подкоп против королей.

Автор. Я люблю королей, я ненавижу тиранов.

Г-н Д. Вы попираете ногами установления самые священные.

Автор. Эти установления пали, они более не священны, но презренны.

Г-н Д. Ваш Карл Великий - это же король; ваша Кунегонда - это же королева.

Автор. Это вы сказали.

Г-н Д. Ваша обезьяна Этьен Перонн - это же шевалье Дюбуа.

Автор. Уважайте мою обезьяну.

Г-н Д. Ваш Пепин - это же граф д'А..., он купил несколько лет назад лошадь за 1700 луи, эту лошадь звали Пепин, и ...

Автор. И Пепина звали лошадью.

Г-н Д. Вы позорите Генеральные штаты. Вы не боитесь? ...

Автор. Не боюсь. Ни-че-го.

Г-н Д. Какое ужасное богохульство царит в вашей книге!

Автор. Молитесь за меня.

Г-н Д. Что за портрет королевы!

Автор. Что за оригинал!

Г-н Д. Что за памфлет против Парламента, театра и Академии!

Автор. Что за памфлет против здравого смысла эти три учреждения!

Г-н Д. Что за ужасная картина ...? и Троицы.

Автор. Вы смеетесь!

Г-н Д. Не боитесь ли вы, мэтр Антуан, что вас ославят свиньей, а, может быть, свинья и есть мэтр Антуан?

Автор. Вероятно.

Г-н Д. Но вас поджарят.

Автор. А мне наплевать.

Читатель, знакомый с обстоятельствами жизни автора, мог бы увидеть в поэме не только политическую сатиру, но и многое другое.

Луи Антуан Сен-Жюст родился 25 августа 1767 года в Десизе, провинция Нивернэ в центральной Франции. Его мать, Мари Анн Робино происходила из старой патрицианской семьи Десиза: ее отец и братья были нотариусами, а отец даже удостоился звания эшевена, дядья, братья отца и матери, - священниками. Сама Мари Анн с раннего отрочества и до позднего, в тридцать лет, замужества вела дом своего отца; это была женщина деловая, прижимистая, с твердым характером, и одновременно глубоко религиозная: она мечтала о религиозной карьере и для своего сына; позже, в 1807 г. в ее отпевании приняли участие четверо священников не только из Блеранкура, но и из окрестных местечек. Она, можно сказать, воплощала в себе представление о женщине-буржуазке; но именно эти ее качества стали впоследствии одним из источников конфликта с сыном.

* Г-н Д... – скорее всего парижский негодник Дюпе – Бертран Барер в своих мемуарах называет это имя, когда пишет, что Сен-Жюст укрылся от преследований полиции, вызванных публикацией поэмы "Органт", в Париже у "негодника из своих краев" (Barere В. Memoires. Bruxelles-Leipzig, 1844. P. 374.). Современная исследовательница М.А.Шармело утверждает, что Дюпе был другом его отца (Charmelot M.A. Autour de Saint-Just // АНRF, 1966, N° 185. P. 66).

Отец, Луи Жан де Сен-Жюст, был выходцем из крестьянской фермерской семьи, уже не в первом поколении занимавшейся наряду с земледелием сбором податей и повинностей для сеньоров. Луи Жан, будучи седьмым сыном в семье, не мог рассчитывать на сколько-нибудь значительную долю отцовского наследства, и потому избрал военную карьеру. Карьера эта для представителя третьего сословия, не имевшего средств для покупки офицерского чина, была трудной и мучительной; не помогло и присоединение к родовому имени названия имения, которым управлял его отец - де Ришбур, - за тридцать лет безупречной службы Луи Жан дослужился лишь до чина капитана и стал кавалером ордена Святого Людовика. Но кроме этого он, по-видимому, получил и дворянство - по-видимому, так как полностью условия приобретения дворянского достоинства за военную службу соблюдены не были, но Луи Жан де Сен-Жюст служил в так называемой ордонансной роте, в одном из тех гвардейских подразделений, где аноблирование осуществлялось волею его шефа (в данном случае - герцога Беррийского)(3). Известно, во всяком случае, что Луи Жан и его семья пользовались налоговыми привилегиями; существуют также сведения о гербе - серебряный сноп на лазурном поле(4). Судя по всему этот традиционный путь аноблирования, связанный с происхождением дворянства как военного сословия, путь, ставший к середине XVIII века крайне редким, тот факт, что дворянство получено по праву, а не куплено за деньги, для Луи Жана де Сен-Жюст имело немаловажное значение, как и, до определенного времени, для его сына.

В конце 1767 года Луи Жан де Сен-Жюст, ставший после смерти отца и брата практически единственным наследником, вышел в отставку и вместе с женой перебрался к себе на родину в Пикардию (северная Франция), заняв на несколько лет место отца в качестве управляющего имениями графа Брюне д'Эври. А Луи Антуан был оставлен у кормилицы в Верней близ Десиза под присмотром местного священника Антуана Робино, своего двоюродного деда и одновременно крестного. С родителями и с двумя младшими сестрами-погодками, Луиз Мари Анн и Мари Франсуаз Виктуар, Луи Антуан познакомился, когда ему было уже почти пять лет - в начале 1772 года, вскоре после смерти юре Антуана Робино, они приехали в Десиз и четыре года прожили в доме мэтра Леонара, который помирился наконец со своей непокорной дочерью (Мари Анн вышла замуж вопреки воле отца, и год спустя ни он сам, ни ее братья не присутствовали при крещении Луи Антуана), и проникся неожиданно горячей любовью к своему очаровательному, богато одаренному и весьма своенравному внуку.

В Пикардию семья возвратилась летом 1776 г., когда наследство, полученное от Антуана и Леонара Робино, а также от старшей сестры Мари Маргерит де Сен-Жюст, добавленное к прежним сбережениям, позволило Луи Жану де Сен-Жюст де Ришбур приобрести в местечке Блеранкур близ Нойона небольшой каменный дом из пяти комнат, с черепичной крышей и возвышающейся над нею голубятней (одна из привилегий дворянского сословия), с небольшим садом и грабовой аллеей вдоль ручья. Здесь он и поселился со своей семьей, живя на доходы с принадлежавшей ему земли и пенсию(5).

Именно здесь, в Пикардии, в Блеранкуре, прошли значительная часть детства и юность Луи Антуана Сен-Жюста. Именно здесь сформировался он как политический мыслитель и революционер. Именно социальные условия Пикардии и определили в значительной мере выбор учителей и учений, которым он отдавал предпочтение. Именно здесь Сен-Жюст увидел, что "там, где есть очень крупные собственники, мы видим одних лишь бедняков: в областях крупной культуры ничего не потребляют"(6). Ведь в Пикардии, с ее бескрайними равнинами и плодородной почвой, ранее, чем в других областях Франции, сложилось крупное зерновое фермерское хозяйство капиталистического типа: ферма Петрон, которую его дед Шарль де Сен-Жюст арендовал у графа Брюне д'Эври, с ее 95 га земли, не только не была чем-то исключительным, но и значительно уступала расположенным по соседству фермам Каррьер (150 га), Лож (около 200 га) или Луар (более 288 га). Последняя находилась в руках Роже Лемуана, кузена Луи Жана де Сен-Жюст по матери и впоследствии опекуна его детей. Мелкие крестьянские хозяйства занимали здесь сравнительно незначительное место. Совершенно иную картину представляли низменные речные долины в бассейне Уазы, в частности, в районе Блеранкура, где более трети земель составляли болота, лесистые склоны и прочие неудобья. Крупные фермы здесь были сравнительно редки и не превышали 70-80 га, и от трети до половины обрабатываемой земли занимали мелкие крестьянские хозяйства, в которых скотоводство, в первую очередь овцеводство, оставалось существенным подспорьем для земледельца. И в Блеранкуре, который был одной из самых бедных коммун байяжа Куси, социальные контрасты были значительно сглажены, крестьянская нужда несколько смягчена сохранявшими свое значение общинными распорядками. В целом социальная среда Пикардии могла стать одновременно и "негативным", и "позитивным" источником формирования эгалитарного общественного идеала(7).

Семья Луи Жана де Сен-Жюст заняла достаточно высокое положение в этом полусельском обществе, но сам он прожил в Блеранкуре лишь около года, скончавшись в сентябре 1777 г.

В том же году Луи Антуана определили в коллеж Сен-Никола в Суассоне, где обучались мальчики как из дворянских семей, так и из семей местного городского и сельского патрициата, где в свое время учился и его отец. В отличие от парижского Луи-ле-Гран, где учился Робеспьер, этот коллеж не принадлежал к числу привилегированных и изначально находился в руках монахов-ораторианцев, а не иезуитов. Как и в любом коллеже Франции того времени, в Сен-Никола основное внимание уделялось изучению риторики, древних языков и античной истории. Однако, преподавание здесь велось не на латыни, а на французском языке, довольно основательно изучались математика, география, естественная история (в коллеже имелся неплохо оборудованный кабинет для физических и химических опытов), отечественная история, а также изящные искусства (среди вещей Сен-Жюста, проданных с торгов 12 фрюктидора III года была "складная флейта слоновой кости", а в музее Блеранкура экспонировался в начале века выполненный им рисунок головы Антиноя(8)). В те годы, когда там обучался Сен-Жюст, риторику в Сен-Никола преподавал будущий бабувист Сильви, логику - будущий член Конвента Дону, известный своими педагогическими идеями, а также активным участием в разработке Конституции III года Республики; учителем Сен-Жюста называют также одного из лидеров республиканской оппозиции Наполеону Эва Демайю. Добавим неплохую библиотеку коллежа, где были собраны не только разрешенные цензурой книги(9).

Обладая блестящей памятью, Луи Антуан по-видимому не слишком тяготился основанной на заучивании различных текстов системой обучения: среди бумаг Бертрана Барера, его коллеги по Комитету общественного спасения, хранился листок, исписанный им и Сен-Жюстом, вероятно, во время одного из заседаний Комитета, когда они были заняты несколько менее, чем обыкновенно; Барер и Сен-Жюст спорят о том, как следует работать с книгами, и Сен-Жюст категорически возражает против выписок, утверждая, что "если вас поразило изречение, мысль или еще что-то в книге, прочитайте раза два: вы это запомните".(10) Воспоминания современников, записанные более чем через полвека после гибели Сен-Жюста консервативным историком Э.Флэри, рисуют его сорванцом, с трудом подчиняющимся суровой дисциплине коллежа, и в то же время учеником одаренным и трудолюбивым. Флэри рассказывает, в частности, что Луи Антуан стал одним из вожаков бунта, который попытались поднять ученики коллежа, был схвачен при попытке поджечь здание, взял вину на себя, был посажен в карцер на хлеб и воду и в знак протеста объявил голодовку(11); но никаких документальных подтверждений этому историки, работающие в местных архивах, не обнаружили. Зато сохранилась книга, полученная им в качестве премии за переводы с латыни и на латынь в августе 1781 года(12). Со слов того же Флэри известно так же, что товарищи в насмешку называли Сен-Жюста "императором бурлеска", сравнивая с д'Ассуси, второстепенным поэтом конца XVII в., "обезьяной Скаррона", который был одним из основателей жанра во Франции - по-видимому, именно в годы обучения в коллеже Сен-Жюст, пробуя себя в разных жанрах, написал, подражая Мариво, одноактную комедию в стихах "Арлекин Диоген", подражая "Орлеанской Девственнице" Вольтера - первые, бурлескные, песни поэмы "Органт", - и в то же время, стремясь доказать своим товарищам, что он способен не только на сочинение легкомысленных стихов, написал Историю замка Куси. С наградой ли, или со скандалом, Луи Антуан де Сен-Жюст оставил стены коллежа, по-видимому, весной 1786 года.

А летом произошли события, круто изменившие течение его жизни. Впрочем, началось все значительно раньше.

Когда семья поселилась в Блеранкуре, у детей, в особенности у Луи (так его звали домашние), должны были возникнуть некоторые проблемы в общении со сверстниками, связанные в частности с тем, что их нивернезский выговор сильно отличался от местного пикардийского. Подобное отчуждение от сверстников, но уже по иной причине, испытывала внебрачная дочь одного из местных нотариусов Антуана Желе Тереза (ей было почти тринадцать лет, когда родители ее обвенчались и она была официально признана собственным отцом(13). Могло ли это способствовать сближению между ними? Или дело ограничилось тем, что он дергал ее за косички, как своих маленьких кузин в Десизе? Терезе было пятнадцать лет, Антуану (она предпочитала это имя) - почти на год меньше, когда он, приехав домой на праздники, вдруг обнаружил, что она превратилась в хорошенькую девушку - пухленькая блондинка с рыжеватыми волосами, молочно-белой кожей, золотистыми веснушками на носу, непосредственная и живая. Первое юношеское чувство оказалось неожиданно сильным и глубоким. И оно не было безответным. Он часто приезжал домой из Суассона. Любимым местом прогулок двух влюбленных стали руины некогда знаменитого замка Куси. Вероятно, в конце 1785 или начале 1786 года, незадолго до окончания коллежа, Антуан сделал предложение - и неожиданно для себя получил отказ от ее отца. Более того, удалив Антуана из Блеранкура, Терезу в июле 1786 года спешно выдали замуж за сына второго блеранкурского нотариуса Франсуа Эмманюэля Торена(14).

Что должен он был пережить, когда возвратился домой...

Остаться здесь было невозможно.

Да и пора было выбирать какое-то дело: ему исполнилось девятнадцать, коллеж окончен. Однако, ни духовная карьера крестного, чего хотела его мать, ни юридическая карьера деда, сулившие благополучие и спокойную жизнь, его не привлекали. Только военная служба достойна дворянина, только в Париже, и только в королевской гвардии - это вытекает из того, что он заявил позднее на допросе(15). Военная реформа Сегюра 1781 года, резко ограничившая доступ к офицерским званиям не только для представителей третьего сословия, но и для выходцев из семей, недавно аноблированных, имеющих менее четырех поколений дворянских предков, Сен-Жюста как сына кавалера ордена Святого Людовика не затрагивала(16). Но Мари Анн Робино, достойная дочь своего отца, не желала тратить деньги на то, что считала пустой затеей.

В отчаянии, Антуан, собрав подвернувшиеся под руку серебряные вещи, бежал в Париж, где примерно три недели спустя был арестован по просьбе матери и заключен на основании "lettre de cachet"(17) в исправительный пансион Мари де Сен-Колон. Разыскать его оказалось несложно - в конце сентября мадам де Сен-Жюст получила довольно странное письмо, то ли написанное, то ли инспирированное ее сыном, и подписанное неким Ришарде, врачом из Со, в котором был назван и адрес, по которому молодой человек проживал в Париже: отель Сен-Луи на улице Фроманто(18). Говорят, эта улица расположена в районе, имеющем скверную репутацию, и те страницы поэмы "Органт", которым она обязана репутацией "непристойной", не позволяют категорически отрицать непосредственного знакомства юного Сен-Жюста и с этой стороной столичной жизни. В пансионе мадам де Сен-Колон он провел шесть месяцев в обществе игроков, развратников, воров и сумасшедших, помещенных туда же по требованию своих семей(19).

Продолжительный вынужденный досуг заставил Антуана о многом задуматься. Прежде всего, почему Желе отказал ему? Он слишком молод? Но его счастливый соперник лишь на полтора года старше. Он недостаточно состоятелен для Терезы? Но даже если и так, что само по себе не факт, то уж его принадлежность, пусть и новоприобретенная, ко второму сословию, казалось бы, должна это скомпенсировать. У него неподходящая репутация? Ну, знаете... То, что год назад они вместе были восприемниками на крестинах маленького Луи Лели, сына местного кожевенника (какой чудесный был праздник!)(20)? Но это не более чем предлог для набожной матери. Или причина в чем-то ином? Недавно он услышал, что вскоре после свадьбы сына Франсуа Торен-отец передал свое дело зятю, Франсуа Эммануэлю Декэну(21), а это значит, что Торен-сын, в свою очередь, рассчитывает получить контору тестя Желе, вероятно, в качестве приданного Терезы; но у мэтра Желе две есть старшие дочери, сводные сестры Терезы(22)! Ну, положим, Желе и Торена связывают какие-то деловые отношения, какие-то взаимные услуги, - но почему в жертву им должно быть принесено счастье двух молодых людей, любящих друг друга?! Какова цена этих отношений! А он сам - он ощутил себя практически в полной изоляции: новый статус его семьи, оказывается, мало что значил для его земляков, а верхушка третьего сословия Блеранкура его отторгала. Попытка же упрочить свое положение во втором сословии, вступив в королевскую гвардию, не состоялась(23). И вот теперь он арестован, заключен под стражу без суда и предъявления обвинения. А за что? Преступления он не совершал: являясь законным наследником своего отца, он по достижении совершеннолетия становился владельцем всего движимого имущества(24).

Так в одно и то же время ему суждено было пережить глубочайшую личную драму и впервые в жизни ощутить себя самого жертвою социальной несправедливости.

Полгода, проведенные в пансионе мадам де Сен-Колон, стали переломными для Сен-Жюста. Запертый в четырех стенах, он вернулся к своей героико-комической поэме, начатой еще в коллеже, но продолжать ее в том же тоне, в каком начал, уже не мог. Невинный бурлеск ироико-комической рыцарской поэмы сменяется сатирой, объектом которой становится и мир Интереса, и церковь, и королевский двор, и самая королевская власть(25).

По-видимому, тогда же он принял решение заняться юриспруденцией, полагая, что эта сфера деятельности оставит достаточно досуга и для литературных занятий. По выходе на свободу он поступил в качестве второго клерка к Суассонскому прокурору Дюбуа-Дешарму. В октябре 1787 года его имя впервые фигурирует в экзаменационных листах юридического факультета Реймского университета. А уже в апреле 1788 года Луи Антуан де Сен-Жюст сдает экзамен на звание лиценциата прав(26), - не воспользовался ли он сословной привилегией, позволявшей дворянам сокращать срок обучения в университете? Обращает на себя внимание одворянивание имени теми, кто столь же стремительно получал диплом в Реймсе - Ролан де ла Платьер, Бриссо де Варвиль, д'Антон. Впрочем, со слов Бриссо известно, что здесь диплом можно было и просто купить(27).

Нам ничего достоверно не известно о том, чем занимался Сен-Жюст в течение следующего года, но вероятно, именно в это время он начинает особенно внимательно наблюдать за жизнью окружающих людей. А увидеть в тот год можно было многое. Не случайно уже в "Органте", в песне XVI, появляются такие строки:

Рукою немощной, иссушенной нуждой,
Напрасно пахарь разрывает землю;
Вернется вечером, и страшное отчаяние
Сойдет в его печальное жилище:
Он встретит безутешную жену.
Нашу хижину, скажет она, ограбили.
Кто ж сделал это? спросит в ужасе супруг;
Кто ж сделал это? кто же допустил? - Король(28)!

13 июля 1788 года над рядом районов Пикардии, в том числе и над Блеранкуром, пронеслась буря с градом, уничтожившая до двух третей урожая. Зима выдалась на редкость суровая. Смертность возросла почти вдвое(29). Память об этом тяжелом годе, когда он, по словам его друга Пьера Гато, отправлялся "пешком, в непогоду", чтобы отдать "делу защиты обездоленных и угнетенных свои заботы, свое красноречие, свое состояние и самую жизнь"(30), сохранились не только в "Органте", но и в более поздних сочинениях Сен-Жюста. В эту страшную зиму он увидел не только бедствия. "Бедствия и взаимная помощь соединила сердца", - писал он два года спустя в "Духе Революции и Конституции во Франции"(31).

Объявленный в августе 1788 года созыв Генеральных штатов всколыхнул общественную жизнь провинции. Вероятно, именно это побудило Сен-Жюста завершить, наконец, поэму, придав ей большую политическую остроту - благо, сам жанр героико-комической поэмы допускает авторские отступления, мало связанные или вовсе не связанные с сюжетной линией, в особенности в начале и в конце песней. Поэма была опубликована в конце мая 1789 г. без имени автора и с ложным указанием на Ватикан как место издания, и предложена книготорговцам по цене 7 ливров 10 су, что показалось им слишком дорого, даже учитывая привлекательность для читающей публики неподцензурного запретного издания.

И здесь мы сталкиваемся с некоторым противоречием в наших представлениях о степени свободы печати в первой половине 1789 года, когда и в Париже, и в провинции было выпущено огромное количество брошюр, газет, афиш и прочей печатной продукции, содержащей достаточно острую критику существующего режима, когда при обсуждении наказов Генеральным штатам открыто выдвигались весьма радикальные проекты преобразования общества и государства. Оказывается, цензурные ограничения, существовавшие при Старом порядке отнюдь не исчезли и не приобрели формального характера. 10 июня 1789 г., т.е., за неделю до провозглашения Национального собрания, генерал-лейтенант полиции Парижа де Кронь отдал приказ о разыскании и изъятии у книготорговцев поэмы "Органт", как сочинения, оскорбляющего религию и церковь, оскорбляющего нравственность, оскорбляющего власти, а также "других подозрительных сочинений и публикаций". И хотя "Органта" в книжных лавках не обнаружили, полиция конфисковала издания с такими, например, названиями: "Оратор Генеральных штатов", "Раскрытый секрет или третья поправка к докладу Неккера", "Диоген в Генеральных штатах" и т.п. Сочинение и издание таких произведений все еще требовало определенного мужества(32). Автору "Органта" реально могло грозить заключение в Бастилию. Да и сама по себе новая встреча с де Кроном ничего приятного не сулила. Потому-то Сен-Жюст и счел за благо укрыться в Париже.

РЫЦАРСКАЯ ПОЭМА: "ОРГАНТ", ПЕСНИ I-VI; ИСТОРИЯ ЗАМКА КУСИ

Поэма "Органт" весьма сложна для анализа и интерпретации, и с большим трудом воспринимается как целое. И дело не только в композиционной сложности, присущей жанру героико-комической поэмы; главная причина, думается, в том, что писалась она в течение длительного времени и не по предварительно составленному плану, но сам план этот складывался в ходе работы над поэмой и, по меткому выражению Серены Торжюссен, приспособлялся к развитию мысли, которая сама себя ищет(33).

Действие поэмы разворачивается в эпоху Карла Великого, основу сюжета составляет эпизод времен войны Карла с саксами из хроники XIII века бенедиктинца Матье Пари (или, как принято у медиевистов, Матвея Парижского), к которому юный автор постоянно апеллирует. Из этой же хроники почерпнуты имена многих действующих лиц, прежде всего - заглавный герой поэмы шевалье Антуан Органт, бастард архиепископа Санского Тюрпена, соратник Карла Великого, погибший в стране пруссов в возрасте 22 лет, которого автор наделил собственными чертами(34). Но автобиографический элемент поэмы этим не исчерпывается.

Уже после выхода книги в свет, а возможно даже после взятия Бастилии в части продаваемых экземпляров поэмы появилось небольшое, на двух листках, приложение, озаглавленное "Примечания издателя", где автор, вероятно стремясь привлечь внимание читателей, дает своего рода ключ, раскрывающий некоторые имена действующих лиц и намеки на события недавнего прошлого(35). По мнению М.А.Шармело "ключ" является не только неполным, но и неточным, и даже намеренно ложным. Причем касается это не только политических намеков, но, пожалуй, главным образом, личных обстоятельств автора(36).

Многие и многие строки поэмы посвящены истории любви Антуана Органта - Сен-Жюста и Нисетты - Терезы, любви Аршамбо - Сен-Жюста и Маргерит д'Эврё - Терезы; любви земной, телесной, которая благодаря подлинной страсти, звучащей в стихах пусть несовершенных, не выглядит сниженной, несмотря на использование автором сниженной лексики, ибо

Бог этот, столь великий и несомненно справедливый,

Который нас обрек печальной участи

(неизбежность смерти - Т.Ч.),

Разве может он считать человека виновным

В том, что тот любит творение рук его, -

как говорит Органт своему Ангелу-хранителю(37); любви более возвышенной, духовной, более "невинной" в стиле XVIII века:

Ах! я не знала, что любить друг друга преступленье!

Он, как и я, не знал, то несомненно;

Он дал мне слово, слово я дала ему...-

жалуется Маргерит д'Эврё(38). Недолгое счастье влюбленных, их разлучение, отчаяние - как бы все это ни было значимо в жизни автора, в поэме по отношению к центральной сюжетной линии это либо побочные ответвления, либо вставные эпизоды.

Одержав победу над саксами, Карл Великий и его соратники предались лени, любви и наслаждениям. Это позволило саксам во главе с королем Витикином (так у Сен-Жюста) поднять восстание. Новый поход против саксов начался для Карла неудачно. Было предсказано, что только участие в походе против язычников архиепископа Тюрпена сможет принести франкам победу. Но Тюрпен куда-то исчез, погрязнув в плотских грехах. И вот на поиски его отправляется Антуан Органт вместе с верным оруженосцем Жаном Шампанем (М.А.Шармело отождествляет его с Пьером Жерменом Гато), войсковым священником Жоржем (Торен младший) и Ангелом-хранителем (Пьер Виктор Тюйе)(39). Такова в самых общих чертах завязка сюжета, таково содержание первых шести песней поэмы.

Военные подвиги и галантные похождения; превращение человека (Сорни) в осла, заставляющее вспомнить Апулея; битва между силами Неба и Ада, в описании которой слышится переключка с Мильтоновым "Потерянным Раем"(40); насмешка над священником (Жоржем), терпящим неудачу в любовных делах и мягкая ирония по отношению к Богу, который

...спит без скипетра и без короны

На последней ступени собственного трона,

Склонивши голову к чаше с нектаром(41), -

не отрицающие ни религии, ни церкви; наконец, самый выбор действующих лиц - Карл Великий и его ближайшее окружение, Витикин со своею свитой - все это полностью соответствует "благородному" жанру рыцарской поэмы - пусть в ее пародийной, бурлескной форме(42). И ничего, что напоминало бы недовольство простолюдина неполноправным положением в разделенном на сословия обществе. Именно к этой части поэмы и относится в первую очередь наблюдение Жюль Мишле о стремлении автора сблизиться с дворянской молодежью, добиваясь присущих ей легкости и изящества стиля(43). Логично предположить, что эта часть была в основном написана еще во время пребывания в коллеже. Д'Ассуси, с которым однокашники по коллежу сравнивали Сен-Жюста(44), был одним из основателей жанра во Франции. С другой стороны, само отношение к реалиям окружающего мира во многом сближает эту часть поэмы с Историей замка Куси(45), написанной также еще в коллеже (вероятно, около 1785 г.) не в последнюю очередь для того, чтобы доказать своим товарищам, что он способен не только на сочинение легкомысленных стихов. Впрочем, вполне возможно, что мы имеем дело просто со школьным сочинением, написанным по заданию отцов-ораторианцев(46).

История замка Кузи действительно является сочинением в полном смысле слова ученическим. Это отнюдь не результат самостоятельного изучения материалов местных архивов; перед нами своего рода компиляция из нескольких опубликованных в XVII - XVIII вв. сочинений, посвященных городу Кузи и его сеньорам, главным образом из книги монаха Туссена Дюплесси(47): известно, что с XVII в. в монастырях Франции началась активная работа по сбору и публикации документов и написанию на их основе исторических сочинений. Небезынтересно проследить, каким образом использует юный Сен-Жюст эти сочинения: писал он свою историю замка Кузи скорее всего по памяти, но воспроизводя текст того же Дюплесси довольно близко к оригиналу, систематически удалял упоминания о Божьем промысле, святости, чудесах и т.п.(48) Причем подобная секуляризация истории не означала и в данном случае не только отрицания религии и церкви, но и малейшего к ним неуважения, ибо все деяния сеньоров Кузи во славу их автором безусловно приветствуются, как впрочем и деяния во славу короля и королевской власти, - участие в крестовых походах (Ангерана I - в Святую Землю, Ангерана III - против альбигойцев, Ангерана VII - против турок), многочисленные дарения в пользу церкви и церковное строительство; спасение Раулем II Людовика Святого во время похода против неверных, "достойно завершившее его жизнь"(49) и браки с членами королевского дома, и многое другое в том же роде. Если он и говорит о жестокости сеньоров, то скорее ужасаясь ей, чем осуждая, и объясняет ее духом времени. Беспощадность же при подавлении народных восстаний и вовсе не вызывает у него протеста и рассматривается как законное право сеньоров(50).

Словом, в то время, когда для просветителей история служила слегка завуалированной формой критики существующего порядка вещей, способом доказать несправедность его возникновения, Сен-Жюст целиком и полностью следует за официальной, в первую очередь церковной историографией, оправдывая, в частности, закономерность появления и необходимость существования дворянского сословия. Ничто в этом сочинении не предвещает будущего "цареубийцу", будущего революционера. Лишь экономность стиля, чуждого украшений, отдаленно напоминает стиль его более поздних политических сочинений. Даже описывая руины замка на основании собственных впечатлений (в начале и в конце своего труда), он остается весьма сдержан: "Этот прославленный замок, который еще сто лет назад был одним из чудес Франции и быть может самым неприступным местом в Королевстве, теперь являет собой лишь печальный памятник величию его прежних сеньоров"(51).

Несколько лет спустя, в "Органте", Сен-Жюст иначе писал о нем, вспоминая прогулки с Терезой:

Несколько старых кустов боярышника
Печально охраняют руины [замка];
Там искалеченные кровли башни
Унижены надменной ежевикой;
Здесь Время покрыло ковром из плюща
Висящие обломки стены;
Там виднеются готические статуи
Прежних героев, исчезнувших Красавиц.

Но руины замка не только будят в нем романтические воспоминания. Мы видим и совершенно иное отношение к его сеньорам:

В этом старом дворце обитали наверно
Произвол и Бесчеловечность,
Тиран, что опустошал землю,
Неблагодарный, предавший дружбу(52).

САТИРА, ЛИШЕННАЯ ОПТИМИЗМА: "ОРГАНТ", ПЕСНИ VII - XX

Это конец песни XIV. По сравнению с первыми шестью песнями в следующих девяти кардинальным образом меняется не только тон, но и жанр - бурлеск сменяется пафосом и сатирой(53). Здесь появляются и почти сразу исчезают по окончании вставных эпизодов все новые персонажи, а прежние оказываются почти совершенно забытыми, подобно тому как Органт, кажется, совершенно забывает о конечной цели своего путешествия. Наконец, в последних песнях автор "вспоминает" об основной сюжетной линии и поспешно связывает оборванные было нити. Характер этих песней, в особенности VII-XV, обилие вставных эпизодов и авторских отступлений, почти полное отсутствие связей между отдельными эпизодами и целыми песнями - все это делает практически невозможным определить не только время, но и последовательность их написания. Даже имеющиеся в тексте отклики на конкретные события позволяют датировать лишь те строки, в которых о них говорится: упоминание о созыве Генеральных штатов в конце песни VII(54) могло появиться не ранее августа 1788 г., а пространные рассуждения по поводу дела Корнманов в самом конце последней XX песни поэмы(55) вполне могли быть добавлены, когда поэма была уже почти целиком набрана, ибо судебный процесс завершился в начале апреля, а поэма увидела свет в мае 1789 г. В обоих случаях мы явно имеем дело с позднейшими вставками. С большей или

меньшей вероятностью можно лишь предположить, что эта часть поэмы была написана во время и после пребывания в исправительном пансионе мадам де Сен-Колон, здесь явственно ощущим порою налет озлобленности против всего света.

Ощутим он, в частности, и в тех эпизодах, благодаря которым поэма приобрела репутацию "непристойной". Это и появление банды солдат в женском монастыре, когда старые монашки убеждают юных послушниц, что солдаты эти посланцы Бога, которым следует принести в жертву невинность, дело святое(56); это и преследование Нисетты обращенным в осла священником Жоржем(57); это и сценка между исповедником Пласе и юной новообращенной Аннет, которая в объятиях пастыря искала иллюзии объятий Спасителя(58). Большая часть фривольных эпизодов - по крайней мере в этой части поэмы - представляет собою еще и сатиру на нравы духовенства в духе не только вольтеровской "Девственницы", но и вообще антиклерикальной литературы Века Разума. Святые, выставленные в смешном виде, "отощавшие от ложных добродетелей"(59), поставленные в профанирующие ситуации; нарочитое смешение христианской и языческой (античной) мифологии, доходящее до откровенного богохульства - все это тоже вполне укладывается в рамки существующей традиции, равно как гневные филиппики против монастырей, построенных из "золотых слез осужденных вдов", на "горьких слезах и крови сирот"(60), погрязших в алчности, пороке и пьянстве. И все это рассматривалось властями как оскорбление религии и церкви и каралось по закону.

Доходя до богохульства, Сен-Жюст тем не менее не отказывается от Бога вовсе. Однако, его Бог это не Бог Вольтера, которого "следовало бы выдумать, если бы его не было"; он скорее походит на Бога Савойского викария Руссо:

Я предоставил бы Турку и Гурону
Создать себе Бога по собственному усмотрению,
Поскольку я познал предначертанье свыше,
Что Бог есть не что иное как сама мудрость,
И что честность, добродетель, разум
Задолго до нас у Эмиля и Катона
Ценились высоко и без печати крещения,

- пишет он в начале песни III(61), рассуждая о том, что было бы, если бы он был королем всей земли. А в песне VI вкладывает в уста амазонки Елены, сражающейся на стороне Витикина, слова, обращенные к умирающему франку Ледигеру:

Мой Бог, несомненно более великий, чем твой,
Велит мне жалеть и любить христианина.
Никогда кровь не дымилась в его храмах;
Он внушает свои законы посредством Природы;
Она же говорит нам, что добро есть вера;
Что простосердечие и жалость мудрых
Есть фимиам более чистый, чем резня,
И этот Бог святой желает, чтобы ему поклонялись
Лишь в сердце своем, где этот культ священен(62).

Оба эти фрагмента взяты из, условно говоря, первой части поэмы, но если первый из них, составляя часть большого авторского отступления в начале песни III еще может с известной долей вероятности рассматриваться как позднейшая вставка, то для второго такая вероятность существенно ниже, хотя и не исключается. Означает ли это, что еще в коллеже у Сен-Жюста сформировались веротерпимость и религиозный индифферентизм? Во всяком случае это никак не противоречит той симпатии, с которой автор неизменно изображает язычника Витикина, в противоположность христианину Карлу Великому, зачастую просто "Шарло", который неоднократно становится объектом насмешек и подвергается осуждению.

Авторское отступление в начале песни III особенно часто цитируются историками, рассматривающими "Органт" прежде всего как отражение социально-политических воззрений Сен-Жюста накануне Революции. Оно действительно имеет в известной степени программный характер, хотя и вводится подчеркнуто небрежно:

Я хочу построить красивую химеру;
Это меня забавляет и заполняет досуг.
На мгновение я Король земли...

Впрочем, и сама "программа" - это скорее юношеские или даже отроческие мечтания:

Трепещи, негодяй, твоему счастью пришел конец.
Смиренные добродетели, приблизьтесь к моему трону;
Высоко подняв голову, идите рядом со мной;
Бедный сирота, раздели со мною мою корону ...
Но при этих словах я вдруг понял свою ошибку;
Сирота плачет : ах! я вовсе не Король!
Если б я был им, то все изменило б свой облик:
Моя тяжелая рука укротила бы дерзость
Надменного богача, который притесняет бедняка,
Поразила бы наглого преступника,
Взнесла бы скромную невинность
И взвесила бы на равных весах
Безвестность, величие, бедность, ранг.
Чтобы засвидетельствовать королевское величие
Мне не нужно ни гвардии, ни фасций.
Пусть Марий заявил о своем присутствии
Террором (страхом) и ключами от склепов;
Я пройду без секиры, без охраны,
Сопровождаемый сердцами, а не палачами.
Если соседи объявят мне войну,
Я скажу им : "Послушайте, добрые люди,
Разве нет у вас жен и детей?
Чем обагрять кровью землю,
Ступайте в их объятия;
Оставьте этот меч и страшное оружие
И живите мирно, как мы."
Мой счастливый народ,
счастливый в собственных гаванях,
Не осквернял бы чуждых берегов
Своим прахом, достойным праха его предков,
Обогащал бы себя собственными сокровищами
И процветал бы в благословенной сени
Священного древа старинных законов,
Наших мудрых предков, надежды обездоленных,
Без которых мой дерзновенный скипетр
Посмел бы однажды иссушить его почтенный мох(63).

При всей туманности и неопределенности этих мечтаний, в них ощущается оптимизм отношения автора к окружающему миру, которого нет в песнях более поздних, где нападкам и осмеянию подвергаются все и вся.

В песнях VII и VIII Антуан Органт встречает святого осла, явившегося с Небес, садится на него верхом и попадает в страну, где

... ослы по отношению к людям
Суть то же самое, что мы для ослов.
У них есть свой кодекс, свое правительство,
Свои Магистраты, свои Законы, свой Парламент,
Свои великие Доктора, наследники Апостолов,
И наши пришли именно оттуда.
У них есть также свой Университет(64).

Но ослы не лошади, они вовсе не похожи на благородных гуингмов Свифта, им свойственны те же самые пороки, что и людям, только в преувеличенном виде. Для Сен-Жюста это способ высмеять суд и судебную риторику, где "солнце и луна играют роль ни с чем не сравнимую"(65), Академию, где "Наука представляется в сотню раз более тупой, чем Невежество"(66), пройти на счет театра, где

Мельпомена, переодетая в осла,
Горланит холодные вирши с надутой моралью
И корчит рожи, чтобы позабавить дураков...
а Талия
...в бедной юбчонке,
Сменив на сабо бродекин*,
Холодно-веселая и гротескно-нежная,
Спесиво отвергает искусство и соль Менандра(67).

* Высокие башмаки актеров в античной комедии - Т.Ч.

При этом автор демонстрирует неплохое знание театра и знакомство с положением дел по крайней мере в Театр Франсэз (в "Примечаниях издателя" он расшифровывает имена актеров, данные в тексте поэмы лишь инициалами(68)). Впрочем, интерес к театру, пожалуй даже увлеченность театром, можно проследить в разнообразных проявлениях на протяжении практически всей его жизни. Так, в начальный период работы над поэмой им был создан изящный пустячок - одноактная комедия "Арлекин Диоген"(69), подражание пьесам Мариво для Итальянского театра в Париже, достаточно сценичная, хотя начальные монологи выглядят несколько тяжеловесно, свидетельствуя о скорее книжном, чем реальном знакомстве с театром в момент ее написания - именно эта жанровая разновидность комедии становится в поэме предметом насмешки. Известна также его эпиграмма "Комедиант Дюбуа" - непосредственный отклик на театральное представление(70). В своем первом философско-политическом трактате "Дух Революции и Конституции во Франции" он вновь говорит об утрате театром гражданских функций. В то же время сохранилось свидетельство Элизабет Леба о том, что по дороге в Северн в ноябре 1793 г. Сен-Жюст развлекал своих спутников тем, что читал наизусть комедии Мольера.

И здесь же нашумевшее дело об украденном недоуздке(71) - неприкрытый намек на историю с Бриллиантовым ожерельем (август 1785 - май 1786), нанесшую существенный урон и без того невысокому престижу Марии-Антуанетты.

Впрочем, королеве досталось уже в песне VI:

Бедняга Государь имел половину,
Что звалась мадам Кунегонда,
Королеву, отраду всего света;
Она стала ею без стыда и без жалости,
Жертвуя всем своей похотливой страсти...(72)

Но выпады против королевы пока еще не затрагивали королевскую власть, отражая лишь отношение общественного мнения к "австриячке". Иное дело песни XIII и в особенности XVI, тоже часто цитируемые:

... что же тогда есть трон?

Это всего лишь чурбан, на который каждый может воссесть;

Вам больше бы понравился диван в будуаре.

Трон под задом будет приличен любому.

Король это только святой в алтаре;

Деревянный святой, которого называют бессмертным.

Блаженный государь сам по себе был добр,

Дурным его сделали другие;

Он должен был привязывать корону

Двойным узлом ...(73)

"Дух революции"? Пожалуй, и в этих строках пока еще больше эпатажа. Но вот далее идет настоящая политическая сатира:

Францией управляют тираны;

Государство слабеет, и законы, лишённые силы,

Засчитывают золото виновных в их пользу,

При этих нарушениях неистовая Королева

Равнодушно попирает ногами

И Природу, и весь народ франков.

Ее алчность, и жестокая, и расточительная,

Чтобы накопить, повсюду строит козни,

Затем все проматывает и, не смущаясь,

Выплевывает кровь, которую только что высосала....

Обездоленный испускает на развалинах

Напрасные вздохи, заглушаемые ее смехом,

И пот и слезы провинций

Пенятся золотом на столе у принцев...

... [Король], его губительная слабость

Не ведает, увы! несчастий Франции.

Черные тираны разоряют его подданных,

А его слабость соединяется с их злодеяниями.

Двор есть не более чем лабиринт преступлений,

Следы золота в нем вместо путеводной нити;

Честь продается там самым искусным образом...(74)

Продается не только честь, продается любовь, продаются дипломы в университете, продается вообще все на свете - служа клерком у суассонского прокурора, он не мог не заметить, что большая часть судебных дел так или иначе связана с куплей-продажей. И строки, направленные против мира Интереса, появляются не только и не столько под воздействием Руссо или Мабли (о реальном влиянии этих мыслителей на мировоззрение Сен-Жюста можно будет говорить лишь значительно позже), сколько в результате собственного жизненного опыта:

Не желая видеть свое творение слишком совершенным,
Бог на землю послал Интерес;
Ад разверз свою страшную бездну
И изверг нам это безжалостное чудовище.
В те прекрасные дни, что навсегда миновали,
О которых наши сердца хранят несбыточные мечты,
Счастливые дни простосердечия и мира,
Когда Бог, несомненно, обитал на земле,
Независимость и равенство
Управляли человеком, который как дитя Природы,
Предназначен своею чистой сущностью
Добродетели, как и Свободе.
Власть преступных законов
Не заглушала голоса его наклонностей.
Равные сердца в едином аккорде
Сгорали без стыда и губили себя без преступления.
Но в мир вступает Интерес;
Равенство вдруг исчезло,
Честолюбие поднимает свою мерзкую голову,
Любовь в слезах покидает мир;
Тирания изобретает клятвы;
Отчаяние сбивает с пути влюбленных;
Золото создает законы, и Интерес становится причиной
Бесчестия, злодеяний и ненависти(75).

С определенным воздействием идей Руссо связано здесь, быть может, представление о природной сущности человека - и глубоко пессимистический взгляд на человека современного общества:

Человек есть слово, которое обозначает
Лишь животное, так же как медведь или лев;
Его природа есть ошибка и тупость,
Злобность спесь, честолюбие;
Он рождается и умирает; и мертвого его презирают.
Можно увидеть, как он, гордясь своею участью,
Вытаптывает землю в завоеванных странах,
Которые разум подчинил его закону;
Он есть не более чем первое из животных
В том месте, где он провозгласил себя царем.
Господин всего мира, раб самого себя,
Он изучает все и не знает, что же есть он сам;
Его сердце, исполненное гордыни и интереса
Боится того, что ненавидит, презирает то, что любит.
Тайное преступление, прикрытое софизмом,
Он бесстыдно называет добродетелью.
Его самолюбие изобретает видимость;
Презренный интерес придал ему осторожность,
И разум его есть лишь черное соединение
Гордыни искусной, гордыни корыстной.
Золото бьется в его венах,
Золото есть его сердце; это Бог, что его движет;
Голос золота влечет его через опасности,
Чтобы жиреть на чужих берегах.
Золото изобрело Искусства и Астрономию,
И Алчность есть мать Гения(76).

Этот пессимизм "Рассуждения о науках и искусстве" распространяется и на самое основу просветительного мировосприятия - Разум. В конце песни первой (возможно - позднейшая вставка) он вводит госпожу Глупость - прекрасную даму (царицу, богиню) - именно такую "должна являться [госпожа] Разум": "Глупость бестолкова; да, но она прелестна"(77), - и многие властители мира сего подпадали под ее власть. Пока все ограничивается не особенно злой насмешкой. Но в начале песни шестой (тоже вполне возможно - позднейшая вставка) облик госпожи Глупости приобретает воистину зловеющий характер:

К несчастью для французов
Госпожа Глупость привязала свою колесницу
В нашей стране, и дух помешательства
Овладел Министрами и Магистратами,
Священниками и клерками, Генералами и солдатами,
Они стали дураками, но в соответствии со
своим богатством,
Со своим рангом, своей властью, своим
дворянским достоинством;
Не все имели средства быть дураками.
Погонщик мулов в своем ревнивом сердце
Позавидовал ослиной глупости Финансиста
И стал оплакивать свою скудную глупость;
... Нелепость шла за нелепостью,
Никто не был достаточно туп на свой взгляд;
Все [желали] большего; и Принц крови
Завидовал тупости короля, своего господина.
Временами кто-нибудь из остготских умов
Отказывался от чести быть тупым,
Но их повсюду освистывали...(78)

Разум же появляется собственной персоной на совете у Сатаны в начале песни XIV:

Сорок Духов, но не злых духов,
А не знаю каких, ни Демоны, ни Домовые,
С треснувшими трубами в руках,
С рогами на голове, подпоясанные добрым чертополохом,
Направляются на это темное сборище, взобравшись
На огромное чудовище, именуемое Разум.
Животное с заостренной головой,
С тремя связанными ногами и волосами на глазах(79).

Впрочем, пессимизм этот связан не столько с просветительным Разумом как таковым, сколько с оценкой его возможностей в современном обществе. Подтверждение тому - недавно найденное Бернардом Вино короткое эссе или памфлет Сен-Жюста под названием "Разум в морге". Имеет смысл привести его целиком.

[ЗАВЕЩАНИЕ РАЗУМА - зачеркнуто] **РАЗУМ В МОРГЕ**

Назавтра после вынесения приговора по делу Корнмана в 7 часов утра была обнаружена неизвестная женщина, умершая на ступенях большой лестницы (Дворца правосудия? - Т.Ч.). Ее перенесли в большой зал и выставили для опознания, но ни один человек в этом вертепе крючкотворства не признал ее; никто не подумал обыскать ее, ибо она была в лохмотьях. Доде, который шатался поблизости, как бы по привычке запустил руку в карман бедной женщины и достал письмо, на котором значилось имя адресата: Разуму. Он открыл его и прочел:

"Я в отчаянии от того, до какого состояния Вас довели. Надо было, чтобы у Вас не осталось прибежища на земле, чтобы Вы оказались во Франции. Я предложил бы Вам прибежище у себя, но какое положение могли бы Вы занять при дворе; до сегодняшнего дня я остерегался дать кому-нибудь заметить, что знаком с Вами. Смотрите, хотите ли Вы принять вид глупости, чтобы понравиться королеве, вид шлюхи, чтобы понравиться г-ну Бретейлю, вид тупицы, чтобы понравиться г-ну де Барантену, вид ханжества срамных картинок и алчности, чтобы понравиться духовенству и вид свободы, чтобы понравиться третьему сословию. От всего сердца я сочувствую Вашим мукам, которые делятся вот уже столько веков. Я говорил о Вас с королем. Он мне ответил, что не желает открывать королевство для иностранцев. Королева была при этом и спросила меня по секрету, красивы ли Вы, и предложила сделать Вас преемницей г-жи де Полиньяк и г-жи де Лебрэн, но лишь в том случае, если Вы, как я уже сказал, крепкая, пухленькая и красивая. А поскольку Вы не любите лести, признаюсь Вам, что представил Вас такую, какая Вы есть, постаревшей от бед, исхудавшей от голода, меланхоликом и мизантропом из-за унижений со стороны

людей, с глазами, выколотыми принцем де Конде, плохо одетую и забрызганную грязью благодаря принцу де Конти. Королева ответила : Фи, тогда...

Я Вам советую сходить к герцогу Орлеанскому, он один способен узнать Вас и может дать Вам лавку для торговли новостями в своем Пале Ройале. Когда-нибудь тупость купит мудрости, и тогда мудрость сможет купить тупости.

Я очень несчастлив оттого что не могу осмелиться делать добро, и я не знаю, каким способом мне выбраться из моего запутанного положения. Тучи Генеральных штатов вот-вот прорвутся, они разразятся бурей, которая покроет нас прахом; мы войдем в нее кривыми и выйдем слепыми.

Не давайте мне более советов. Вы меня погубите. Необходимо золото, а поскольку сыскать его я могу только ценою чести, Вы отвернетесь от меня, и мы погибли.

Поклянитесь мне хранить молчание во время заседаний [Генеральных] штатов, как Вы делали это на протяжении 3 лет, которые вот-вот истекнут. Завтра будет вынесен приговор по делу Корнмана. Голоса королевы и шлюх - против него. Я поручаю Вам посетить суд и выслушать приговор, чтобы затем сообщить мне. Вы можете отправиться туда, не опасаясь г-на Ленуара - Вас никто не узнает.

Неккер".

Тут Доде принялся смеяться [...], сел в свою карету и отправился обдумывать обвинительную речь против Разума.

Тело перенесли в морг, где оно долго еще лежало(80).

Содержание памфлета дает возможность точно определить время его написания - между 2 апреля и 5 мая 1789 г. Тон его, его пафос очень напоминает начало песни VI " Органта", подтверждая предположение о позднейшем написании этих строк. В отличие от поэмы, здесь объект критики обозначен предельно четко. Но критика эта при всей своей остроте остается бесплодной, автор ясно видит неразумность существующего порядка вещей, ощущает необходимость перемен - но не находит ни путей к ним, ни силы, способной их совершить. Общественное мнение возлагало надежды на Неккера, на герцога Орлеанского, на Генеральные штаты. Для Сен-Жюста же созыв Генеральных штатов - это не только буря, которая вот-вот разразится, это еще и свидетельство того, что богиня Глупость поселилась во Франции:

Она [Глупость] поселилась во Франции,
и вот ее адрес:

Возле Парижа собираются Штаты(81).

Пале Ройаль, который герцог Орлеанский перестроил и сдал в аренду под лавки, кафе, увеселительные заведения, нетрудно узнать в том хрустальном дворце, который видит Органт, путешествуя на осле на Небо, даже без прямого указания на это в "Примечаниях издателя" :

И на фасаде золотые буквы:

Экстравагантность обитает в этом месте...

В портиках он встретил множество глупцов,

Унылых любовников нашей Волшебницы, ...

Что прибыли сюда со всех концов земли

В поисках Искусства, вкуса, остроумия,

И того счастья, что носит имя *vegie*...

... Играли в любовь, отдавали свою

благосклонность, свой пыл,

Ясный лоб, душевную страсть,

Отдавали сердце за кусочек хлеба...

Там можно встретить нового Танталя,

Что жаждет побрякушек, карет, нарядов...

Там заботы, от которых помрешь со смеху;

Там рифмоплеты, тощие, сухие, напуганные,

У которых лишь голод может вызвать вдохновение...(82)

Что же касается Неккера, занимающего в памфлете привилегированное положение избранника Разума и неспособного (да и не желающего) что-либо сделать, то отношение к нему Сен-Жюста, мне кажется, в чем-то сродни отношению Робеспьера к Мирабо примерно в это же время. Памфлет не дает возможности определить, в какой степени недоверие к генеральному директору финансов продиктовано пониманием неэффективности его политики, а "Дух Революции и Конституции во Франции", где Сен-Жюст вновь обрушивается на Неккера(83), был написан в то время, когда провал его экономической политики уже стал очевидным для всех.

Памфлет "Разум в морге" позволяет более адекватно представить особенности мироощущения автора поэмы "Органт" на завершающем этапе работы над нею. В том виде, в каком она была опубликована, поэма воспринимается как своего рода бунт против существующего порядка, бунт юноши, неожиданно испытавшего на себе несправедливость этого порядка. Но энергия этого бунта - энергия преимущественно разрушительная, и резкость сатиры здесь, и злость в нападках на власти предрержащие объясняется, думаю, не в последнюю очередь именно отсутствием у него перспективы. И в этом смысле начало деятельности Генеральных штатов, взятие Бастилии, принятие Декларации прав человека и гражданина, муниципальные революции - события, открывавшие новые перспективы для людей действия, для тех, чьи возможности реализовать себя при Старом порядке были весьма ограничены, события эти должны были стать и стали переломными для Сен-Жюста. Впрочем, сам факт публикации поэмы к открытию Генеральных штатов, придание ей политической заостренности, создание первых политических памфлетов ("Диалог..." и "Разум в морге"), все это свидетельствует, что несмотря на свой пессимизм, Сен-Жюст, быть может сам еще не сознавая того, уже в это время внутренне готовил себя к активному участию в политической борьбе. Но вступив на этот путь он настолько полно отказывается от прежних образцов, что даже имени Вольтера ни разу не упоминает в более поздних политических сочинениях, не говоря уже об Апулее, Мильтоне, Ариосто и прочих, но среди немногих книг, которые он привез с собою в Париж в сентябре 1792 г. и которые после термидора были проданы с торгов, имелись "Басни" Лафонтена и "Освобожденный Иерусалим" Тассо(84). По-видимому, потребность в таких книгах сохранилась у него до самого конца

Коммерческого же успех поэма, по-видимому, не имела. Во второй половине 1789 г. ситуация со свободой печати радикально изменилась. Свидетельство тому хотя бы публикация объявления о ней в № 6 "Революции Франции и Брабанта" Камилла Демулена: ""Органт", поэма в двадцати песнях с таким эпиграфом: Вам, молодой человек, прежде чем сказать прощай"(85), и более пространный и несколько ироничный отзыв в "Литературной корреспонденции" барона Гримма: ""Органт" ... представляет собой сочинение молодого человека, который читал "Девственницу" слишком много и недостаточно; слишком много, потому что на каждом шагу мы видим реминисценции или неудачные подражания некоторым местам французского Ариосто; недостаточно, потому что он лишь изредка достигает его остроумия, изящества и гения"(86). По-видимому, именно в это время к поэме были приложены "примечания издателя", о которых уже говорилось. Однако похоже, что французов уже не интересовали намеки на то, о чем можно было говорить открыто, уменьшилась и популярность фривольной литературы. И когда в конце 1792 г. в продажу были пущены книги под названием "Мое времяпрепровождение или Новый Органт, сочинение депутата Национального конвента", это скорее всего была одетая в новую обложку нераспроданная часть тиража(87). Имел ли отношение к этому выпуску сам автор? Биографы Сен-Жюста отвечают на этот вопрос как правило в зависимости от характера собственного отношения к нему. Мне представляется это вполне вероятным, в особенности если учесть нереализованное намерение опубликовать в слегка актуализированном виде одноактную комедию "Арлекин Диоген".

1. Barire B. Mémoires. Bruxelles-Leipzig, 1844. T. 4. P. 374; Dommanget M. De nom et de prénom de Saint-Just // Dommanget M. Saint-Just. P., 1971. P. 21-24; Charmelot M.A. Autour de Saint-Just // AHRF, 1966, N° 185. P. 61-66.
2. Введён в научный оборот Б.Вино: Vinot B. Saint-Just. P., 1985. P. 175-177.
3. См.: Tuetey L. Les officiers sous l'Ancien Régime. Nobles et roturiers. P., 1908.
4. Vinot B. Les origines familiales de Saint-Just et son environnement sociale // AHRF, 1982, N° 248. P. 166-167 сообщает, в частности, что семья платила только налог на прислугу; о гербе, выгравированном на рукоятках пистолетов Луи Жана де Сен-Жюста упоминает Ш.Веллэ: Vellay Ch. Premières luttes politiques (1790-1792) // Revue de Paris, 1906. T. 5. P. 822 (note).
5. Boutanqoui O. Le conventionnel Saint-Just et sa famille. Compiègne, 1927; Charmelot M.A. Autour de Saint-Just // AHRF, 1966, N° 183. P. 61- 64; Manceron Cl. Les hommes de la liberté. T. 4. La Révolution qui live. P., 1979. P. 327-333; Vinot B. Les origines... P. 15-29.
6. Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed Ch.Vellay. P., 1908. T. 2. P. 513.
7. (1) Vinot B. Les origines... P. 161-180; Abensour M. La philosophie politique de Saint-Just. Problématiques et cadres sociaux // AHRF, 1966, N° 186. P. 350-356.
8. Lenotre G. Vieilles maisons, vieux papiers. Première série. P., 1932. P. 338; La succession de Saint-Just // AR, 1923. P. 513.
9. Manceron Cl. Op. cit. P. 336-340; Vinot B. Saint-Just. P. 31-34. Бернар Вино высказывает предположение, что Сен-Жюст попал в коллеж не в 1777, а позже, в 1779 или 1780 году, а до этого обучался в Блеранкуре.
10. Barire B. Mémoires. T. 1. P., 1842. P. 129-130.
11. Fleury Ed. Saint-Just et la terreur. T. 1-2. P., 1852. T. 1. P. 16-22.
12. Vellay Ch. Premières luttes... P. 822.
13. Vinot B. Saint-Just.; Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. P., 1957. P. 25-26.

14. Историю отношений Антуана Сен-Жюста и Терезы Желе рассказала, опираясь на семейные архивы и устную традицию, М.А.Шармело: Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. См. также: Hamel E. Saint-Just et madame Thorin // RF, 1897. Т. XXXII. P. 348-363.
15. Vatel Ch. Charlotte Corday et les Girondins. Т. 1. P., 1864. P. CXLVII-CL (Interrogatoire).
16. Les officiers...
17. Lettre de cachet - открытый лист, содержащий приказ об аресте с подписью и печатью короля, позволявший заключить человека в тюрьму и содержать там без суда и предъявления обвинения. Отменены Революцией.
18. Hamel E. Un épisode de la jeunesse de Saint-Just: Six mois chez Mme de Sainte-Colombe // RF, 1897. Т. XXXII. P. 105-106. chevalier Organt. См. также: Hamel E. Saint-Just et madame Thorin // RF, 1897. Т. XXXII. P. 348-363.
19. Vatel Ch. Charlotte Corday et les Girondins. Т. 1. P., 1864. P. CXLVII-CL (Interrogatoire).
20. Hamel E. Saint-Just et madame Thorin. P. 352.
21. Dommanget M. Saint-Just. P. 83-84. Заметим попутно, что Торен-отец был нотариусом мадам де Сен-Жюст.
22. Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. P. 81-82.
23. На это обратил внимание еще Ш.Ватель: Vatel Ch. Op. cit. P. CLIII. Совершеннолетним считался человек, достигший возраста 25 лет.
24. Бернар Вино говорит о Сен-Жюсте как о "социальном мутанте" (Vinot B. Les origines... P. 179. В этом нетрудно усмотреть еще один элемент сходства между Сен-Жюстом и Наполеоном - тот и другой принадлежали к так называемым маргинальным группам: оба формально принадлежали к дворянскому сословию, но дворянство у обоих было неполноценное - у одного новоприобретенное, у другого корсиканское.
25. На эту перемену жанра обратила внимание С.Торжюссен: Torjussen S. Fonction de la création littéraire dans l'évolution de la pensée de Saint-Just (d'Organt à de la Nature) // Pensée, 1980, N 215. P. 152-156.
26. Laurent G. La faculté de droit de Reims et la Révolution // AHRF, 1929, N° 34. P. 350-351.
27. Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С. 29. М.А.Шармело и Б.Вино высказывают сомнение в том, что Сен-Жюст сдал экзамен на звание лиценциата прав - в экзаменационных листах, на которых ссылается Г.Лоран, имена указаны очень нечетко: Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. P. 38; Vinot B. Saint-Just. P. 57-59. В то же время Ш. Веллэ определенно говорит о нем как о человеке, обладающем этим званием: Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed Ch.Vellay. P., 1908. Т. 1. P. 225, note.
28. Organt, Chant XIV. - Oeuvres complètes. Т. 1. P. 170.
29. Dommanget M. La question agraire chez Saint-Just dans ses rapports avec ses origines paternelles et la terre Picard // Dommanget M. Saint-Just. P. 92; Vinot B. Les origines... P. 171.
30. Cit.: Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed Ch.Vellay. Т. 1 P. XI (Introduction).
31. Oeuvres complètes. Т. 1. P. 253.
32. Vellay Ch. Les poursuites contre "Organt" // Revue Bleu, 1907. Т. VIII, N° 6. P. 186-187.
33. Torjussen S. Fonction... P. 157.
34. Organt. Notes de l'éditeur // Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Т. 1. P. 215. (далее все ссылки на поэму даются по этому изданию).
35. Ibid. P. 215-216.
36. Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. P. 9-10.
37. Organt. P. 48-49.
38. Ibid. P. 95.
39. Такую расшифровку имен персонажей предлагает М.А.Шармело: Charmelot M.A. Op. cit. P. 9, 27; etc.
40. Truci-Torjussen S. L'oeuvre littéraire de Saint-Just. Thèse pour le doctorat en lettres Besançon, 1980. P. XI.
41. Organt. P. 9.
42. Torjussen S. Fonction... P. 152.
43. Michelet J. Histoire de la Révolution Française. P., 1952. Т. II. P. 76.
44. Fleury Ed. Saint-Just et la terreur. Т. 1. P. 19.
45. Saint-Just L.A. Histoire du château de Coucy // Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. M.Duval. P., 1984. P. 11-47.
46. Dommanget M. Un manuscrit de Saint-Just: sa monographie du château de Coucy // Dommanget M. Saint-Just. P. 37-38. Морис Доманже обратил внимание на то, что Сен-Жюст работал над историей замка Кузи в то же самое время, когда по соседству Бабёф в качестве февдиста занимался описью сеньорий - но сколько различны пока были результаты этой работы.
47. Dommanget M. Op. cit. P. 40-43; Vinot B. Saint-Just: son milieu, sa jeunesse et l'influence de sa formation sur sa pensée et son action politiques. Thèse pour le doctorat d'Etat. P., 1984. P. 117.
48. Vinot B. Thèse. P. 119.
49. Histoire du château de Coucy. P. 29.
50. Ibid. P. 39-40.
51. Ibid. P. 47.
52. Organt. P. 149-150.

53. Torjussen S. Fonction... P. 153-154.
54. Organt. P. 76.
55. Ibid. P. 214.
56. Ibid. P. 107-110.
57. Ibid. P. 185-186.
58. Ibid. P. 100-102.
59. Ibid. P. 146.
60. Ibid. P. 71.
61. Ibid. P. 26.
62. Ibid. P. 62.
63. Ibid. P. 25-26.
64. Ibid. P. 78.
65. Ibid. P. 79-89.
66. Ibid. P. 82-83.
67. Ibid. P. 81.
68. Ibid. P. 216 (Notes de l'éditeur).
69. Saint-Just L.A. Arlequin Diogène. Pref. et publ. Ch.Vellay // *Revue Bleue*. 1907. T. VIII, N° 4. P. 97-105; Item. Saint-Just L.A. *Oeuvres complètes*. Ed. M.Duval. P. 240-260. См. также: Черноверская Т.А. Самое раннее сочинение Сен-Жюста "Арлекин Диоген" (вступительная статья и перевод) // *Диалог со временем*. Вып. 7. М., 2002. С. 336-375)
70. Saint-Just L.A. Epigramme sur le comédien Dubois qui a joué dans Pierre le Cruel // *AHRF*, 1934. P. 260.
71. Organt. P. 80.
72. Ibid. P. 40.
73. Ibid. P. 131.
74. Ibid. P. 169-170.
75. Ibid. P. 97-98.
76. Ibid. P. 161-162.
77. Ibid. P. 11.
78. Ibid. P. 54.
79. Ibid. P. 139-140.
80. Vinot B. Un Inédit de Saint-Just: La Raison a la morne // *AHRF*, 1991, N° 284. P. 234-235.
81. Organt. P. 76.
82. Ibid. P. 75.
83. Сен-Жюст Л.А. Дух Революции и Конституции во Франции // Сен-Жюст Л.А. *Речи. Трактаты*. СПб., 1995. С. 185, 187-188 и др.
84. Bapst G. Inventaires des bibliothèques de quatre condamnés // *RF*, 1891. T. XXI. P. 535.
85. Цит. по: Hamel E. *Histoire de Saint-Just*. P., 1859. P. 24. Как хорошо было известно современникам, эпитафия этот - строчка из Жильбера, поэта, умершего странной смертью в 1780 году в возрасте 29 лет. Любопытно, как сходятся вновь два этих имени в творчестве писателей-романтиков в конце 20-х - начале 30-х гг. XIX века: у А. де Виньи в "Стелло" Жильбер становится героем первой новеллы, а Сен-Жюст появляется в третьей, причем в обоих случаях нельзя исключить влияния на выбор персонажей его друга Ш.Нодье, опубликовавшего со своими предисловиями в 1826 г. произведения Жильбера, а в 1831 - "Республиканские установления" Сен-Жюста. См.: Виньи А. де. *Избранное*. М., 1987. С. 558; *Fragments sur les institutions républicaines, ouvrage posthume de Saint-Just, précédé d'une notice, par Ch.Nodier*. P., 1831.
86. Vinot B. *Thèse*. P. 155.
87. Vellay Ch. *Essai d'une bibliographie de Saint-Just* // *RHRF*, 1910, N° 3. P. 419.

**К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СЕН-ЖЮСТА:
О месте сочинения "О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине,
или Правила независимости управления"
в процессе формирования общественного идеала Сен-Жюста**

В сб. «200 лет Великой французской революции. Французский ежегодник 1987». М., 1989. С.16-29
Данная публикация - в авторской редакции.

Имя Луи Антуана Сен-Жюста неотделимо в сознании людей от высшего этапа Великой французской революции - якобинской революционно-демократической диктатуры, и связывается в первую очередь с успешными, победоносными миссиями в Рейнскую и в Северную армию, а также с так называемыми вантозскими декретами. Являясь вершиной социального законодательства якобинцев, декреты эти так и не были проведены в жизнь, и в связи с этим возникает вопрос, с которым теснейшим образом связана проблема социальной природы якобинской диктатуры - вопрос о том, были ли вантозские декреты действительно программой дальнейшего развития революции, расширения ее социальной базы, или лишь тактическим маневром, призванным привлечь на сторону революционного правительства симпатии народных масс и нейтрализовать влияние крайне левых. Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, поскольку не было однородным само Революционное правительство, провозгласившее эти декреты. Но один из аспектов этого ответа непосредственно связан с изучением социально-экономических и политических взглядов их автора, с изучением формирования и развития общественного идеала Сен-Жюста. При этом важно понять, когда, в каких условиях начал формироваться этот идеал, кто и что оказало на него влияние - и здесь анализ сочинения "О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине или Правила независимости управления" имеет громадное значение.

Разумеется, "о человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по делам его(1), однако для политического деятеля слово зачастую является делом, а деяния приобретают знаковый смысл. Кроме того, следует иметь в виду, что действие его, в особенности если он стоит у руля управления государством, определяются далеко не только его личными теоретическими воззрениями, но что последние проходят таким образом проверку на прочность. Именно поэтому невозможно изучать эволюцию мировоззрения политического деятеля, опираясь на анализ принадлежащих его перу текстов или его действий в их линейной хронологической последовательности.

Источники(2), позволяющие изучать эволюцию мировоззрения Сен-Жюста, можно условно разделить на три группы. Во-первых, это сочинения теоретического характера - Дух Революции и Конституции во Франции написанный в конце 1790 г., Республиканские установления, создававшиеся в последние месяцы якобинской диктатуры и впервые опубликованные в 1800 г., и, наконец, О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине или Правила независимости управления, сочинение, введенное в научный оборот лишь в 1951 г. Два последние произведения ставят перед исследователем, во первых, деликатную проблему датировки (3), а во-вторых, поскольку представляют собой одно - фрагментарную, другое - незавершенную работу, они неизбежно не лучшим образом отражают мысль автора(4). В то же время, требования текущей политики отразились в них в меньшей степени, чем в документах двух других групп.

Вторую группу источников составляют речи и доклады Сен-Жюста, произнесенные преимущественно с трибуны Конвента. В них общественный идеал автора приходит во взаимодействие, а возможно и в противоречие с политическими требованиями текущего момента(5). Более того, если в речах ноября 1792 - мая 1793 гг. Сен-Жюст выступает лишь от своего имени, высказывает лишь собственное мнение, то впоследствии, в докладах от имени Комитета общественного спасения он вынужден считаться еще и с коллективным мнением своих коллег по Комитету, хотя несомненно, что в принципиальных вопросах он никогда не поступился бы своими убеждениями. В этом отношении большие программные речи Сен-Жюста "О продовольствии" 29 ноября 1792 г., или "О Конституции" 24 апреля 1793 г. в известной мере близки теоретическим сочинениям первой группы, а доклады более позднего времени - источникам третьей группы, которую составляют постановления, приказы, служебная переписка. Документы этой последней группы можно также разделить на две подгруппы: деловые документы Комитета общественного спасения, подписанные Сен-Жюстом преимущественно совместно с кем-нибудь из коллег, и отражающие главным образом сферу его деятельности в Комитете; и деловые документы правительственных командировок - миссий в Рейнскую и в Северную армию, также как правило подписанные им совместно с кем-нибудь из коллег, но поскольку во время этих миссий роль Сен-Жюста как члена правительственного Комитета, а также в силу его личных качеств, была ведущей, применительно к этим документам можно говорить о попытке частичного осуществления общественного идеала в экстремальных условиях реальной политики.

Очевидно, что простое сопоставление текстов, принадлежащих к различным группам, не может быть плодотворным. Тем не менее, представляется возможным попытаться определить место сочинения "О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине или Правила независимости управления" в процессе формирования и эволюции мировоззрения Сен-Жюста.

Сочинение это, как уже было сказано, вошло в научный оборот сравнительно недавно(6), и потому не имеет пока устойчивой традиции интерпретации: можно назвать лишь статью М.Абансура, специально посвященную анализу этого произведения(7). Однако в ней, во-первых, рассматриваются преимущественно философско-политические аспекты этого сочинения, а во-вторых, не со всеми выводами Абансура можно полностью согласиться.

Среди историков наибольшие разногласия вызывает датировка этой рукописи, которая осложняется особенностями творческого процесса Сен-Жюста, тем, что мысль его постоянно возвращается к одним и тем же проблемам, выражаясь в формулировках текстуально очень близких друг другу. В связи с этим просто текстологический анализ этого сочинения дает довольно широкий спектр датировок. Так, А.Собуль при первой публикации отнес его к осени 1792 - весне 1793 г. на основании близости ряда положений с текстом речи "О Конституции 24 апреля 1793 г.(8) А.Оливье считает, что оно предшествует Духу Революции, опубликованному в начале 1791 г.(9) Тот же А.Оливье указал на отсутствие связи текста с конкретными историческими событиями революции(10). Однако, М.Абансуру удалось в ряде случаев установить такую связь, и, учитывая наряду с этим внешний вид рукописи, сделать вывод, что в том виде, в котором оно дошло до нас, это сочинение было отредактировано летом - в начале осени 1792 года, т.е., непосредственно накануне падения монархии и созыва Национального конвента, являясь в то же время как бы промежуточным между Духом Революции и "Республиканскими установлениями"(11). Последняя датировка представляется наиболее убедительной. Она признается и лучшим в настоящее время знатоком жизни и деятельности Сен-Жюста Ж.П.Гросом(12).

Сочинение "О Природе, гражданском состоянии..." представляет собою своего рода философско-политический трактат, оставшийся незавершенным. Трактат этот позволяет уточнить наше представление о системе социально-экономических и социально-политических взглядов Сен-Жюста, об их связи как с философией XVIII века, так и с окружавшей его реальной жизнью.

Как и большинство его современников, Сен-Жюст придерживается теории естественного права, согласно которой общество и государство должны соответствовать природе человека, то есть, тем его качествам, которые являются прирожденными ему и не зависят от социальных условий.

Однако, теория эта, зародившаяся еще в античную эпоху, никогда не была чем-то единым. В XVII-XVIII веках к ней обращались и защитники старого феодального порядка, отождествлявшие естественное право с правом божественным, и идеологи нового, буржуазного общества, опиравшиеся на нее для обоснования его естественности" и разумности, и противники любого социального неравенства, видевшие в естественном состоянии человека свой идеал. При этом нередко случалось, что из сходных представлений о характере естественного состояния, то есть, того изначального состояния человечества, которое определялось исключительно свойствами естественного человека(13), делались прямо противоположные выводы, и напротив, близкие по содержанию выводы делались из противоположных представлений о естественном состоянии.

Наиболее распространенным в XVIII веке был соответствующий буржуазному индивидуализму взгляд на естественное состояние как на состояние дообщественное, когда отсутствовали какие-либо связи между людьми. Общество же и государство являются результатом общественного договора. Однако, если Гоббс, например, представляет себе естественное состояние как войну всех против всех, преодолеть которую в состоянии лишь "современный Левиафан" государство, и следовательно, любая власть, обладающая реальной силой - законна, то Руссо (как и Монтескье) видел в естественном состоянии лишь совокупность изолированных друг от друга индивидов. Причем, у Монтескье и у Руссо не во всем совпадают представления о причинах и пути перехода от дообщественного состояния к гражданскому обществу, и если Монтескье делает из своей теории умеренно-либеральные выводы, то теория Общественного договора Руссо стала основой мелкобуржуазного радикализма.

Несколько меньшее распространение имели представления об изначальности, первичности общества, либо о естественном пути его возникновения. При этом значительные изменения претерпевают функции общественного договора - вплоть до признания его бесполезности. Такие представления как будто не противоречат и феодальному обществу с его сословиями, корпорациями и другими общественными группами, вне принадлежности к которым немислимо само существование человека в Средние века. И действительно, мы находим, например, у Пуффендорфа, оправдание на основе этой теории не только абсолютизма, но и худшей из форм феодальной зависимости - крепостного права. Но на это же представление о естественном состоянии опирается и учение стоявшей у истоков классической политической экономии школы физиократов. Причем изначальность общественного состояния не только не противоречит у них крайнему индивидуализму, но и служит, благодаря признанию частной собственности

определяющим естественным правом, обоснованием социального неравенства и капиталистической эксплуатации.

И это же признание естественности общественного состояния, не знавшего неравенства и частной собственности, лежит в основе коммунистического общественного идеала Мабли.

В годы Революции с этих позиций выступал один из руководителей "Социального кружка" Клод Фоше, а также близкий левым якобинцам будущий член Комитета общественного спасения Никола Бийо-Варен(14).

И если доктрина естественного общества действительно способна оправдать феодализм, если у аббата Фоше она действительно носит религиозный, примирительный отпечаток, это еще не дает основания говорить, подобно Роже Барни, о реакционном характере самой этой доктрины(15).

Сен-Жюст в сочинении "О Природе, Гражданском состоянии..." рассматривает естественное состояние как состояние общественное, считая, что в основе человеческой природы лежат качества социальные(16). Он замечает, что еще животные, в зависимости от их разумности и чувствительности, объединяются на более или менее длительное время, и следовательно, человек, как существо наиболее разумное и чувствительное из всех, рожден для непрерывной общественной жизни, поскольку он рожден для владения" (17). Именно общественное состояние обеспечивает независимость каждого внутри общества(18). Сен-Жюст сам указывает на свое принципиальное несогласие с теорией Гоббса в главе О естественном человеке, или о первых людях"(19). В другом месте(20) он подчеркивает, что состояние дикости, при котором идет борьба между изолированными друг от друга индивидами, является вторичным по отношению к естественному состоянию, в то время как Гоббс "берет человека там, где он кончается; он думает, что рисует естественного человека, а нарисовал человека, уже ставшего дикарем"(21). Там же Сен-Жюст пишет, что Руссо видит человека, как Гоббс... Этот великий философ считал, что человек начинается с состояния дикости, а он там кончается"(22). Однако, думается, М.Абансур несколько преувеличивает антируссоистскую направленность мысли Сен-Жюста(23), поскольку и Руссо огромное внимание уделил именно социальным качествам человека, хотя и считал их не столько прирожденными ему, сколько результатом общественного развития(24). Здесь следует отметить, что в отличие от его старшего друга и во многом учителя Максимилиана Робеспьера, для которого Руссо был если и не единственным, то безусловно преобладающим авторитетом в вопросах политической философии, в формировании мировоззрения Сен-Жюста не меньшую роль играли и другие политические писатели XVIII века, и если в Духе Революции явственно ощущается влияние Монтескье, то в сочинении О Природе, Гражданском состоянии... он как будто пытается найти свой путь, выработать собственную систему взглядов, основываясь на близких ему в некоторых отношениях теориях Руссо и Монтескье, Мабли и школы физиократов. И в понимании естественного состояния Сен-Жюст более близок в это время не к Руссо, а к двум достаточно противоположным в иных отношениях учениям - школы физиократов(25) и Мабли(26), также считавших естественным общественное состояние. Невозможно, пожалуй, достоверно определить, кто из них побудил Сен-Жюста пересмотреть свое представление о естественном состоянии - ведь в Духе Революции он, вслед за Монтескье (и Руссо) противопоставлял его общественной системе: "В естественном состоянии мораль ограничивается двумя вопросами, питанием и отдыхом. В общественной системе к ним нужно присоединить сохранение"(27). "Общество есть договор"(28). Теперь же Сен-Жюст как будто пытается осуществить синтез этих учений. О близости к физиократам, на что обратил внимание Абансур(29), говорит, в частности, цитирувавшемуся уже утверждение, что человек рожден для владения"(30) что в контексте последующих глав означает, для владения землей. Однако, еще одно утверждение, мне кажется, говорит и о близости к Мабли: "Если люди объединены в общественной жизни, они не стремятся отделиться для защиты своего владения, если люди объединены владением, они не стремятся отделиться от общественного организма"(31).

Сен-Жюст различает общественное состояние как отношение людей между собою; гражданское состояние как отношение их потребностей; и политическое состояние как отношение между государствами(32). Лишь в политическом состоянии возможны войны и завоевания, вызываемые, по мнению Сен-Жюста, не столько необходимостью прокормить увеличивающееся население, сколько нравами и обычаями, препятствующими обработке земли: "Дух завоевания порождается не нищетой, но леностью и жадностью"(33). Внесение политических отношений в отношения между людьми приводит их в состояние дикости, войны всех против всех, которое, как считает Сен-Жюст, сохраняется и в современном ему цивилизованном обществе(34). Произошло это не сразу: "Вначале народы жили без магистратов, они имели лишь вождей... народ был государь и суверен(35). Но когда люди потеряли вкус к собраниям, занявшись торговлей или завоеваниями, власть отделилась от суверена. Так закончилась общественная жизнь и началась жизнь политическая, или соглашение"(36). При переходе от общественного состояния к политическому "было заключено двойное соглашение - граждан между собою и между гражданами и государем, кем бы он ни был, сенатом или королем"(37). Но договор граждан между собою не

только не нужен, но и вреден, ибо "его целью не является ни создание, ни сохранение общества (существование которого естественно - Т.Ч.), но его подчинение"(38). Договор же граждан и государя Сен-Жюст рассматривает как узурпацию.

В отличие от политического состояния, гражданское состояние Сен-Жюст не противопоставляет столь резко естественному, то есть, общественному, хотя развитие гражданских отношений также приводит к утрате естественного закона, основанием которого было равенство между людьми: "Отношения между людьми, возникающие как результат занятий торговлей, земледелием и промышленностью, делают невозможным управление посредством естественных законов... В результате вовлечения людей в торговлю ценность их начинает определяться ценностью вещей. А поскольку известно, что все вещи не равны по своей цене, люди и вещи начинают смешиваться в общественном мнении, и люди становятся неравными, как не равны вещи"(39). То есть, вслед за Руссо Сен-Жюст связывает появление неравенства между людьми с собственностью.

Представления Сен-Жюста о собственности также носит синтетический характер. Подобно физиократам, он выделяет личную собственность, означающую личную свободу, и земельную собственность, точнее - земельное владение: "В общественном состоянии человек является собственником самого себя(40) и владельцем своего поля"(41). Подобно же физиократам, рассматривает право человека на владение землей, как право первого, кто эту землю обработал, и его потомков: "Правом первого владельца поля был его плуг, правом его детей - его владение"(42). Подобно Руссо он различает неограниченную собственность и владение, подчиненное определенной регламентации, хотя и понимает их несколько иначе(43). Однако, в целом его система достаточно своеобразна. Если у Руссо владение соответствует естественному состоянию, собственность - гражданскому, то у Сен-Жюста собственность лежит в основе общественного (т.е., естественного) закона, владение - в основе гражданского закона(44). Это может вызвать удивление, если вспомнить, что еще в Духе Революции он отказывался рассматривать собственность как естественное право: "Можно ли поверить, что человек настолько удалился от того чудесного бескорыстия, которое, как кажется, является общественным законом природы, - настолько, чтобы возвеличить эту жалкую собственность, дав ей имя естественного закона? Нам дано лишь временное существование под этим небом; разве не научила нас смерть, что земля не только не принадлежит нам, но, напротив, наш жалкий прах принадлежит ей"(45). Но в сочинении О Природе, Гражданском состоянии... Сен-Жюст лишь в двух случаях употребляет понятие собственность, различая два ее вида: собственность на самого себя, т.е., личную свободу, и территориальную собственность (*empire, domaine reel*) гражданской общины (*Cite*)(46). Та и другая неделима и не подлежит отчуждению, поскольку "суверен никогда не умирает и не может передать империю (*empire*) ни королю, ни кому-либо другому"(47). Отчуждаться может только владение.

Если согласно общественному закону человек является собственником самого себя и владельцем своего поля, то гражданский закон регулирует пользование этой собственностью и этим владением(48). Но поскольку гражданское состояние, являющееся отношением потребностей людей, основывается на пользовании владением, думается, не будет ошибкой связать владение с необходимостью удовлетворять эти потребности. И хотя Сен-Жюст говорит, что "гражданский закон определяет правила этого владения, но он не может ни нарушать его, ни отчуждать"(49) более того, считает, что богатство не порождает неравенства, равенство не в качестве собственности и владения, а в их безопасности"(50) он, целиком в духе времени(51), допускает, что общественная необходимость может заставить пожертвовать ненарушаемостью владения, правда, при условии компенсации владельцу(52). Но Сен-Жюст идет еще дальше: поскольку гражданский закон может регулировать пользование владением, он может и должен установить максимум земельных владений, и никто не имеет права отказать возможному покупателю в продаже имеющегося излишка сверх максимума, чтобы каждый мог стать владельцем и обрести родину"(53). Поскольку же владение связывает человека с обществом и гражданской общиной, необходимо также установить минимум владения, не подлежащий отчуждению ни при каких обстоятельствах, которым должен обладать каждый(54). "В мудро управляемом государстве слово нищета должно быть неизвестно, - говорит он в другом месте(55).

Таким образом, уже накануне созыва Конвента общественным идеалом было общество равных мелких собственников. "Когда общественное состояние основано на независимости, представляется разумным, чтобы гражданское состояние было основано на принципе равенства, дабы общество не выродилось в тиранию"(56). Для этого он предлагает путь, традиционный для эгалитарной и коммунистической утопии XVIII века - ограничение права наследования, которое должно осуществляться только по прямой линии при полном исключении наследования по боковой и переходе в руки государства имущества тех, кто не имеет прямых наследников(57). В этой связи хочется отметить одну особенность, которая, по-моему, отличает Сен-Жюста от большинства его современников - в сфере семейных отношений и прав наследования он признает равные права женщин(58).

Однако, эгалитарный общественный идеал Сен-Жюста был в это время еще очень противоречив и непоследователен как по содержанию, так и по способам его достижения, которые ограничивались регулированием права наследования, направленным на дробление собственности и предотвращение ее новой концентрации в одних руках, возможностью приобрести землю из числа излишков сверх максимума владения, и охраной его минимума, обеспечивающего удовлетворение потребностей. Но он решительно выступает против каких бы то ни было насильственных мер по отношению к собственности. "Тот, кто имел меньше, не мог бы потребовать у того, кто имел больше, потому что владение неприкосновенно, потому что иначе пришлось бы каждый год проводить разделы земли, и это погубило бы плодородие земель"(59).

В ходе развития революции этот общественный идеал углублялся, становился более последовательным и цельным, и в этом огромную роль играл, безусловно, новый социальный опыт, прежде всего, движения и требования городских низов, и в первую очередь санкюлотов Парижа. Однако, истоки формирования этого идеала, причины, определившие выбор "учителей", выбор тех философско-политических систем, на основании которых Сен-Жюст строил собственное представление об обществе и государстве, свой общественный идеал, следует в значительной мере искать в той социальной среде сельских районов Пикардии, где прошли его детство и юность, где он сложился как политический мыслитель и революционер. Именно здесь Сен-Жюст увидел, что "там, где есть очень крупные собственники, мы видим одних лишь бедняков: в областях крупной культуры ничего не потребляют"(60). Ведь в Пикардии с ее плодородными бескрайними равнинами ранее, чем в других областях Франции сложилось крупное фермерское зерновое хозяйство капиталистического типа: в дистрикте Шони ферма Петрон с ее 95 га, которую арендовал ее дед, не только не была чем-то исключительным, но и значительно уступала расположенным по соседству фермам Каррьер (150 га), Лож (около 200 га) или Луар (более 288 га)(61). Мелкие крестьянские хозяйства занимали здесь сравнительно незначительное место. Совершенно иную картину представляли низменные речные долины в бассейне Уазы, в частности, в районе Блеранкура, где более трети земель составляли болота, лесистые склоны и прочие неудобья. Крупные фермы здесь были сравнительно редки и не превышали 70-80 га, и от трети до половины обрабатываемой земли занимали мелкие крестьянские хозяйства. И в Блеранкуре, который был одной из самых бедных коммун дистрикта(62), социальные контрасты были значительно сглажены, крестьянская нужда несколько смягчена сохранявшими свое значение общинными распоряжениями(63). В целом социальная среда Пикардии могла стать одновременно и "негативным, и позитивным источником формирования эгалитарного общественного идеала Сен-Жюста.

Анализ сочинения "О природе, Гражданском состоянии..." позволяет несколько по-новому взглянуть на процесс формирования этого общественного идеала. До публикации этого сочинения мы, по существу, ничего не знали о развитии социально-экономических и политических взглядов Сен-Жюста в период 1791-1792 гг., отделяющий "Дух Революции от первых речей, произнесенных им в качестве депутата Конвента. Могло сложиться впечатление, что переход к эгалитаризму начался у него лишь с весны 1793 г. - ведь в "Духе Революции (конец 1790 - начало 1791 гг.) Сен-Жюст не только не выступал против имущественного неравенства, но и оправдывал цензовую систему избирательного права(64), а в речи О продовольствии 29 ноября 1792 г. историки до сих пор обращают внимание в первую очередь на защиту им принципа свободы торговли (правда, еще в начале века Ж.Жорес обратил внимание на глубину анализа экономического положения Франции в этой речи, а также на неоднозначность выдвинутых Сен-Жюстом предложений(65)). И лишь в речи О Конституции 24 апреля 1793 г., где он впервые говорит о труде как об основе крепости государства, можно было увидеть поворот внимания Сен-Жюста к интересам народных масс. Не многое меняла в этом представлении и первоначальная датировка сочинения О Природе, Гражданском состоянии..." (сентябрь 1792 - май 1793 гг.), данная А.Собулем(66). После уточнения датировки этого сочинения М.Абансуром(67) можно говорить о том, что эгалитарный общественный идеал сложился у Сен-Жюста в общих чертах уже в предконвентский период, хотя едва ли в это время он был чем-то большим, нежели не вполне определенная мечта об очень отдаленном будущем. Тем не менее, в этом свете с особой отчетливостью проявилось в речи "О продовольствии внимание Сен-Жюста к интересам крестьян-хлебопроизводителей - ведь в первую очередь о них он заботился, отстаивая свободу хлебной торговли. И теперь можно со всей определенностью утверждать, что в процессе непосредственной общественной деятельности происходило не столько формирование, сколько постепенное уточнение его общественного идеала, его радикализация, частичное устранение противоречий, хотя процесс этот не был доведен до конца, оборванный ранней гибелью. С другой стороны, сама его деятельность представляет собой как бы еще одну линию этого развития.

Хотя кто-то из историков назвал Сен-Жюста, и совершенно справедливо, одним из самых философских ораторов Конвента, а сочинение "О Природе, Гражданском состоянии..." с наибольшей, пожалуй, полнотой показывает богатство и разнообразие идеологических источников его мировоззрения, можно без преувеличения сказать, что он был и одним из наиболее реалистических политиков. Даже если рассматривать только его выступления в Конвенте, нельзя не заметить, что он крайне редко поднимается на трибуну Конвента, но почти каждое его выступление становится событием, настолько своевременными оказываются поставленные им проблемы(68). Он чутко улавливает расстановку сил в стране и в Конвенте, и по мере развития революции идет постепенное сближение выдвигаемых им предложений с его развивающимся общественным идеалом. Кульминацией этого сближения можно считать вантозские декреты, предполагавшие наделить неимущих патриотов за счет имущества врагов революции(69). Однако, последовавшие затем события - "путч" кордельеров вместо ожидаемой поддержки со стороны левых, с одной стороны, и саботаж проведения в жизнь декрета как в Конвенте, так и в самом правительстве, и на местах, с другой, не могли не вызвать известного разочарования в возможности скорейшего достижения общественного идеала. И вот, в докладе "Об общей полиции" 26 жерминаля он вновь обращает более пристальное внимание на непосредственные нужды текущего момента, на требования государственной необходимости, не теряя в то же время из виду конечной цели, до последних дней ведя борьбу за осуществление провозглашенной в вантозе программы. Очень хорошо сказал об этом А.Собуль: "Сен-Жюст оставался в плену своих противоречий: он слишком хорошо сознавал интересы буржуазии, чтобы неразрывно связать себя с санкюлотами, но слишком внимательно относился к нуждам санкюлотов, чтобы завоевать расположение буржуазии"(70). Трагедия Сен-Жюста в том, что представавший перед ним идеал общества будущего, за который он боролся, все более входил в противоречие не только с существующим положением, но и с теми реальными перспективами развития общества, которые он уже начинал ощущать. И не кроется ли одна из основных причин его загадочного молчания и пассивности 9 термидора в интуитивно осознанной им невозможности изменить направление этого развития. "Робеспьеристы жизнью заплатили за неизбежные противоречия своей политики, - заметил А.Собуль(71).

Противоречия были действительно неизбежны, как неизбежно противоречив был и их общественный идеал - общество мелких производителей. В.И.Ленин неоднократно указывал на двойственный характер эгалитарной, т.е., уравнилельной утопии - реакционной, как попытка искать позади, а не впереди решения задач социалистической революции", но в то же время и революционной, поскольку она есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач (подчеркнуто мною - Т.Ч.)(72).

Сила и заслуга Сен-Жюста были именно в том, что в его теоретических построениях, равно как и в его практической деятельности отразились социальные устремления основной части населения Франции - крестьянства. Но то, что составляло его силу, ввиду противоречивого характера этой социальной базы - крестьян как класса трудящихся и собственников, и вытекающей отсюда противоречивости их устремлений, оборачивалось и слабостью. И в этом была сила и слабость не только самого Сен-Жюста, но и якобинской революционно-демократической диктатуры в целом.

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.18. С.228.
2. Подробную библиографию сочинений Сен-Жюста см.: Gross J.P. L'oeuvre de Saint-Just. Essai de bibliographie critique // Actes du colloque Saint-Just. P., 1968. P.345-363.
3. Abensour M. La philosophie politique de Saint-Just. Problématiques et cadres sociaux // AHRF, 1966. N° 183. P. 2.
4. Salmonowicz St. Saint-Just - rewolucjonista romantyczny // Kwartalnik Historyczny, 1968, R. LXXV, N° 2. Z. 326.
5. Требуют, например, специального анализа причины поворота к либерализации экономики, к поддержке промышленников и торговцев в докладе 26 жерминаля.
6. Soboul A. Un manuscrit inédit de Saint-Just. De la Nature, de l'Etat civil, de la Cité ou les Règles de l'indépendance du Gouvernement // AHRF, 1951, N° 124. P. 321-359. (далее - De la Nature...). Тогда же текст этого сочинения вошел в состав франко-итальянского издания Saint-Just L. Frammenti sulle Istituzioni repubblicane. Torino, Einaudi, 1952. При этом А.Собуль воспроизвел лишь немногие фрагменты текста, зачеркнутые Сен-Жюстом. Значительно больше таких фрагментов, но все же лишь "наиболее важные", "за неимением места" (Р. 138) привел в своем издании А.Лиенар: Saint-Just L.A. Théorie politique. Ed. A.Lienard. P., 1976. P. 139-180. Наконец, практически все варианты редакции воспроизвел М.Дюваль: Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. M.Duval. P., 1984. P. 921-957. Последняя публикация не только позволяет проникнуть в творческую лабораторию Сен-Жюста, но и в ряде случаев более точно проследить связь его мысли с современной ему политической философией.
7. Abensour M. La philosophie politique... // AHRF, 1966, N° 183. P. 1-32; N° 186. P. 341-358.
8. Soboul A. Un manuscrit inédit... P. 324.
9. Ollivier A. Saint-Just ou la force des choses. P., 1968. P. 672.

10. Ibid. P. 673.
11. Abensour M. Op. cit. P. 2.
12. Gross J.P. Op. cit. P. 347.
13. Это представление могло быть как реально-историческим, так и абстрактно-теоретическим.
14. Все эти имена и варианты теории естественного права не являются ни случайными, ни произвольно выбранными. Сен-Жюст неоднократно упоминает в рассматриваемом сочинении имена Монтескье, Руссо, Гоббса (*De la Nature...* P. 331, 333, etc.), и именно он, вопреки самому Руссо, поставил его в один ряд с Гоббсом в соответствии с их представлениями о естественном состоянии (*Ibid.* P. 359; см. ниже); в его личной библиотеке в Париже (весьма небольшой) имелись "Принципы нравственности" Мабли и "Жизнь Конфуция" принадлежавшего школе физиократов Клерка (*Barst G. Inventaires des bibliothèques de quatre condamnés // RF, 1891. T. XXI. P. 535; Abensour M. Op. cit. P. 343-344*). О теории Пуффендорфа, как об одном из возможных источников формирования мировоззрения Сен-Жюста пишет М.Абансур (*Op. cit. P. 342-343*); он же отмечает сходство естественно-правовых представлений Сен-Жюста и Бийо-Варена (P. 27). А.Оливье сближает Сен-Жюста с Фоше, точнее с "Социальным кружком" (масонские связи) (*Ollivier A. Saint-Just et la Force des choses. P., 1966. P. 116*. См также: *Dautry J. Saint-Just et l'abbé Fauchet // AHRF, 1951. P. 189-190* - любопытнейший положительный отзыв антиробеспьериста Фоше о Сен-Жюсте).
15. См.: Барни Р. Фоше и "Социальный кружок" // Французский ежегодник. 1982. М., 1984. С. 83-86.
16. *De la Nature...* P. 325, 326, etc.
17. *De la Nature...* P. 327. Ср. у Мабли: "Соблаговолим рассматривать себя... существами разумными и чувствительными, которых объединяет разум и чувствительность..." (Мабли Г.Б. Избранные произведения М., 1960. С. 189.) Но едва ли Мабли согласился бы с последним утверждением.
18. *De la Nature...* P. 327.
19. Ibid.
20. В той части, которая, на мой взгляд, была написана несколько ранее: эти четыре исписанных листа с обратной стороны тетради отделяет пять чистых листов от оглавления, или, скорее, плана основной работы (*De la Nature...* P. 355-357), и представляется наиболее естественным, что Сен-Жюст использовал начатую тетрадь, перевернул ее, и записал оглавление чуть отступив от старых записей.
21. *De la Nature...* P. 359.
22. Ibid.
23. Abensour M. Op. cit. P. 22-32.
24. См. об этом подробнее, напр.: Занадворова Т.Л. Теория Руссо о возвращении к природе // Французский ежегодник. 1979. М., 1981. С. 230-244.
25. Относительно доктрины физиократов см.: Деборин А.М. Социально-политическая доктрина физиократов // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 283-296; Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции. М., 1977. С. 61.
26. Относительно Мабли см.: Сафронов С.С. Политические и социальные идеи Мабли // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 238-264; Волгин В.П. Указ соч. С. 293.
27. Saint-Just L.A. *L'Esprit de la Révolution et de la Constitution de France. Pt. 4. Ch. 1.*
28. Ibid. Pt. 4. Ch. 7.
29. Abensour M. Op. cit. P. 333-334.
30. *De la Nature...* P. 327.
31. Ibid. P. 337.
32. Ibid. P. 327, 340.
33. *De la Nature...* P. 328-329.
34. Ibid. P. 326, 328.
35. К восприятию руссоистской идеи народного суверенитета Сен-Жюст как будто подошел уже в "Духе Революции": "Член суверена, я хотел бы понять, свободен ли я, и заслуживает ли законодательство моего повиновения", - писал он в предисловии к этой книге. В рассматриваемом же сочинении он, подчеркнув, что "суверенитет народа неделим, непередаваем и неотчуждаем", отмечает, что народ является сувереном как совокупное политическое существо, то есть, лишь во внешних отношениях (P. 338), но внутри общества каждый сам себе суверен. Вероятно отсюда - неприятие Сен-Жюстом в данный момент руссоистского представления об общественном договоре, как о "взаимных обязательствах всего народа и частных лиц", где "каждый индивидуум, вступая, так сказать, в договор с самим собой, оказывается принявшим двойное обязательство, именно: как член суверена в отношении частных лиц и как член Государства в отношении к суверену" (Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969. С. 162). См. ниже.
36. *De la Nature...* P. 332.
37. *De la Nature...* P. 332. М.Абансур усматривает в этом понятии о двойном соглашении связь, возможно не прямую, а опосредованную, с идеями Пуффендорфа: Abensour M. Op. cit. P. 342-343

38. De la Nature... P. 332.
39. Ibid. P. 334.
40. Сен-Жюст вычеркнул здесь слова "и своего промысла": Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. M.Duval. P., 1984. P. 940.
41. De la Nature... P. 344. Физиократы выделяли право личной собственности как право на удовлетворение естественных потребностей; право движимой собственности как право на вещи, созданные трудом человека; право земельной собственности как право на землю, приведенную в пригодное для земледелия состояние. См. Волгин В.П. Развитие... С. 61. Мабли признает лишь первые два вида собственности: Там же. С. 300.
42. De la Nature... P. 352.
43. Руссо различает "владение, представляющее собой результат применения силы или право того, кто пришел первым, и собственность, которая может основываться лишь на документе": Руссо Ж.Ж. Трактаты. С. 165.
44. De la Nature... P. 344.
45. Saint-Just L.A. L'Esprit de la Révolution... Pt. 3. Ch.3.
46. De la Nature... P. 344. Ср.: Руссо в "Общественном договоре" говорит о верховной собственности Гражданской общины над владениями граждан. - Трактаты. С. 165-167.
47. De la Nature... P. 344. Следует отметить, что, отстаивая в процессе против съера Грене права Блеранкурской коммуны на возвращение общинных земель, Сен-Жюст в "Мемуаре для жителей Блеранкура" 21 октября 1791 г. почти в тех же словах обосновывает эти права, говоря, что "ее (общины, commune) права ненарушаемы и всегда представлены", что "она не может ни отчуждать, ни терять, она не может ничем распорядиться... Если, таким образом, она не имеет прав на самое себя, у узурпатора еще менее оснований приобрести права на нее": Saint-Just L.A. Oeuvres compl. Ed. Ch.Vellay. P., 1908. T. 1. P. 243-244.
48. De la Nature... P. 344.
49. Ibid. P. 339.
50. Ibid. P. 341.
51. См.: Чупрун Н.И. Сен-Жюст и вантозские декреты // Из истории Якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С. 422.
52. De la Nature... P. 353.
53. Ibid.
54. Ibid.
55. Ibid. P. 349.
56. Ibid. P. 340.
57. Ibid. P. 352.
58. Ibid. P. 346-352, главы "О законах о браке", "О наследовании" и др.
59. Ibid. P. 353.
60. Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed Ch.Vellay. P., 1908. T. 2. P. 513. (Les Institutions Républicaines).
61. Vinot B. Les origines familiales de Saint-Just et son environnement sociale // AHRF, 1982, N° 248. P. 163. Ферма Луар находилась в руках Роже Лемуана, кузена Луи Жана де Сен-Жюст и впоследствии опекуна его детей, в том числе и Луи Антуана.
62. Ibid. P. 168-173.
63. Abensour M. Op. cit. P. 350-356.
64. Saint-Just L.A. L'Esprit de la Révolution... Pt. 2. Ch. 3.
65. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. III. М., 1979. С. 429-436.
66. См.: Чупрун Н.И. Сен-Жюст и вантозские декреты. С. 406-472. Привлечение нового текста не внесло ничего нового в концепцию автора.
67. Abensour M. Op. cit. P. 2.
68. С 13 ноября 1792 по 9 термидора II года (27 июля 1794) Сен-Жюст лишь около двадцати раз появляется на трибуне Конвента, но редко кто из историков, пишущих о Революции, не упомянет о его роли в процессе Людовика XVI (речи 13 ноября и 27 декабря 1792 г.) и об обвинительных докладах против жирондистов, эбертистов, дантонистов (8 июля 1793, 23 вантоза и 11 жерминаля II года); с его именем неразрывно связаны важнейшие мероприятия якобинской диктатуры - установление революционного порядка управления, вантозские декреты, создание Бюро общей полиции (19 вандемьера, 8 и 13 вантоза, 26 жерминаля, и т.д.).

69. Заслуживает внимания то, что выдвигая эти декреты, Сен-Жюст очень точно оценил обстановку момента: с одной стороны, расстановка сил в Комитетах складывалась в пользу левых, и кроме того, в отсутствие заболевших Робеспьера и Кутона, он остался самым влиятельным членом Комитета общественного спасения. С другой стороны, большинство Конвента, "Равнина", было напугано активизацией деятельности крайне левых в Париже и готово было вотировать что угодно, лишь бы их успокоить. Но и Сен-Жюст не потребовал слишком многого: текст декретов гораздо более умерен и неопределен, чем предварявшие их доклады. И если неопределенность адресата декретов определяется запутанностью социальной структуры населения Франции, то причиной неопределенности мер удовлетворения нужд "неимущих патриотов", вероятно, следует искать также и в стремлении не спугнуть "Равнину". Вероятно, впрочем, и то, что он сознавал невозможность одним и тем же путем удовлетворить интересы неимущих города и деревни, но отчетливо представляя себе требования крестьянства, нуждался в уточнении и конкретизации способов удовлетворить нужды городской бедноты сообразуясь с реальными возможностями.

70. Soboul A. *Introd. a: Saint-Just L.A. Discours et rapports*. Ed. A.Soboul. P., 1977. P. 37, 38. (характеристика эта, данная первоначально Сен-Жюсту, была впоследствии распространена автором на робеспьеристскую группу в целом: Собуль А. Первая Республика. М., 1974. С. 155-156.

71. Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794 гг. и революции 1848 г. во Франции. М., 1960. С.112.

72. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 225-226.

САМОЕ РАННЕЕ СОЧИНЕНИЕ СЕН-ЖЮСТА: "АРЛЕКИН ДИОГЕН", КОМЕДИЯ В ОДНОМ АКТЕ

Перевод и комментарий Т.А.Черноверской

Прислана для публикации на сайте 16.09.2001, готовится к публикации в сборнике «Диалог со временем», вып.7

Одноактная комедия "Арлекин Диоген" является самым крупным литературным произведением Луи Антуана Сен-Жюста, после поэмы "Органт", опубликованной им самим в двух томах в мае 1789 г. В отличие от поэмы, пьеса при жизни автора не печаталась, и впервые увидела свет лишь в июле 1907 г. в парижском журнале "Revue Bleue", расшифрованная по рукописи и подготовленная к печати Шарлем Веллэ(1). После этого комедия публиковалась во Франции лишь дважды(2) и практически не привлекала внимания исследователей - видимо, дело в том, что этот изящный пустячок не вписывается в сложившиеся со времени Революции представления о Сен-Жюсте хотя бы в такой мере как "Органт". Лишь в конце 70-х - начале 80-х годов к ней обратилась Серена Торжюссен (Трюси-Торжюссен), предметом исследования которой стали литературные произведения Сен-Жюста(3). Рассматривая их внутреннюю структуру, включая их в контекст развития современной литературы, она сделала целый ряд интереснейших наблюдений, позволяющих, в частности, по новому увидеть процесс работы Сен-Жюста над поэмой "Органт". Однако, к сожалению, она не занималась специальными биографическими студиями, выбирая в качестве опоры "мнение большинства историков"(4), и потому ее попытки датировать работу над отдельными частями поэмы представляются не всегда достаточно обоснованными. Примерно то же можно сказать и о попытке датировать "Арлекин Диоген". Она не соглашается с мнением Ш.Веллэ, который отнес комедию к 1789-1790 гг., вскоре после публикации "Органта", прежде всего потому, что в ней Сен-Жюст демонстрирует лучшее владение стихом, чем в поэме(5). По мнению С. Торжюссен комедия была написана позднее - в 1791-1792 гг., являясь как бы связующим звеном между двумя политическими трактатами "Дух Революции и Конституции во Франции" и "О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления"(6).

Конечно, очень соблазнительно представить Сен-Жюста находящим время для изящной литературы в разгар политической борьбы, пусть в масштабах не департамента даже, а лишь кантона, в лучшем случае дистрикта - а в этом нет ничего невозможного, если вспомнить лирический отрывок, вписанный непосредственно вслед за серьезным социально-политическим текстом в записную книжку, изъятую у него во время термидорианского переворота(7). Однако, аргументация С.Торжюссен выглядит, на мой взгляд, малоубедительной. Едва ли ироничное упоминание о дуэли [монолог Петиметра (Щеголя) в сцене IV] связано с рассуждениями об этом явлении в "Духе Революции"(8), введение Посла в число действующих лиц [там же] - с соответствующей главой в том же трактате(9), или развитие мотива стыдливости - с размышлениями на эту тему в главе "О кровосмешении" трактата "О Природе..."(10); едва ли реплика Арлекина о "мудрости [которая] стянула его с трона" императора Луны [там же] может рассматриваться как намек на бегство короля в Варенн; едва ли, наконец, взятие и разграбление Венсенского замка 28 февраля 1791 г. выглядит как достаточный повод вспомнить, что до начала 1784 г. этот замок, наряду с Бастилией, служил тюрьмой для особо опасных государственных преступников и для безумцев. Однако, именно 1784 г., мне кажется, может послужить отправной

для датировки "Арлекина". Дело в том, что при чтении комедии трудно отделаться от впечатления, что она написана очень молодым, даже юным автором, который знаком с театром скорее по литературе, чем непосредственно (начальные монологи тяжеловесны и затянуты при том, что в целом пьеса достаточно сценична), и пробует свои силы в новом для него жанре, беря на сей раз за образец комедии Мариво, написанные для Итальянского театра в Париже. Если согласиться с теми биографами Сен-Жюста, которые считают, что работа над "Органтом" была начата им еще в период обучения в Суассонском коллеже Сен-Никола, в 1783(11) или даже в 1780 г.(12), то становится вполне объяснимой та переключка между поэмой и пьесой, которая постоянно бросается в глаза. Именно переключка, ибо с одной стороны, в VIII песне поэмы Антуан Органт, путешествующий на осле на Небо и попадающий в царство Азиномаи, страну ослов, видит там, как

Талия
... в бедной юбочке,
Сменив на сабо бродекин*,
Холодно-веселая и гротескно-нежная,
Спесиво отвергает искусство и соль Менандра(13).

Предметом насмешки здесь становится именно та жанровая разновидность комедии, к которой относится "Арлекин Диоген". С другой стороны, сетования Посла на судьбу, сначала избравшую Арлекина императором Луны, породившую надежды на "царствование мудрости и истины", а затем "похитившую" эти надежды [сцена IV], воспринимаются как пародия на "красивую химеру" в начале песни III "Органта":

На мгновение я Король земли...
Трепещи, негодяй, твоему счастью пришел конец.
Смиранные добродетели, приблизьтесь к моему трону;
...Если б я был им, то все изменило б свой облик:
Моя тяжелая рука укротила бы дерзость
Надменного богача, который притесняет бедняка,
Поразила бы наглого преступника.
...Вознесла бы скромную невинность
Я пройду без секиры, без охраны,
Сопровождаемый сердцами, а не палачами(14)...
и так далее...

Реплика Арлекина:

Мне больше по нраву непричесанные медведи,
Чем то животное, что ходит на двух ногах [сцена VI], -
заставляет вспомнить характеристику человека из XVI песни "Органта":
Человек есть слово, которое обозначает
Лишь животное, так же как медведь или лев;
Его природа есть ошибка и тупость,
Злобность спесь, честолюбие;
Он рождается и умирает; и мертвого его презирают(15).

Наконец, общей темой проходящей через оба поэтических сочинения Сен-Жюста, является тема мудрости (разума) - глупости (безумия), - хотя, пожалуй, наибольшую текстуальную близость можно обнаружить между "Арлекином", который "безумен от мудрости и мудр от безумия" [сцена I], и маленьким памфлетом "Разум в морге", написанном в апреле-мае 1789 г., т.е., примерно в то время, когда поэма "Органт" была опубликована: "Когда-нибудь тупость купит мудрости, и тогда мудрость сможет купить тупости"(16).

Все это вместе взятое позволяет предположить, что комедия "Арлекин Диоген" создавалась непосредственно в начальный период работы над поэмой "Органт".

Дать более точную хронологическую привязку пьесы практически невозможно. Можно лишь высказать некоторые соображения относительно обстоятельств и времени, когда она приобрела законченный вид. Описание и расшифровка рукописи, которые дает С.Торжюссен(17) позволяет говорить о том, что в отличие от "Органта", работа над которым, периодически прерываясь, продолжалась несколько лет, почти весь текст комедии был написан - или по крайней мере записан (Сен-Жюст обладал исключительной памятью, рассматривал как неэффективную систему выписок, считая, что "если вас поразило изречение, мысль или еще что-то в книге, прочитайте два раза: вы это запомните"(18) много позже, в конце 1793 г., воспроизвел по памяти текст более чем трехсот постановлений первых трех недель миссии в Рейнскую армию(19), и вполне вероятно, сочинил пьесу в голове, прежде чем записать на бумаге), в один присест, но первоначально она имела несколько иной финал: влюбленные обнимаются, и последние две реплики звучат после слов Арлекина "не буду больше притворяться" [сцена X]. Безусловно, изменение финала придало комедии литературную и драматургическую завершенность, однако нельзя исключить, что

* Высокие башмаки актеров в античной комедии - Т.Ч.

мотивом возвращения к пьесе стали для Сен-Жюста некоторые обстоятельства личной жизни, в частности, замужество Терезы Желе, в руке которой ему было отказано (25 июля 1786 г.).

Однако, и после завершения поэмы Сен-Жюст еще по крайней мере однажды вернулся к своему раннему юношескому сочинению: существует еще одна рукопись, неполные три страницы начала комедии, переписанные набело Сен-Жюстом и его другом Тюийе "в четыре руки" с изменением имени героини на Нинетта и, что более важно, заменой персонажа - Скупщик (Ажиотёр) вместо Финансиста. Последнее, согласимся с С.Торжюссен, скорее всего может быть отнесено к 1792 г., когда Ажиотёр становится нарицательным отрицательным персонажем(20). Кто знает, не возникла ли у двух друзей идея опубликовать "Арлекина", придав пьесе более актуальное звучание. Это, во всяком случае, коррелируется с тем, что в конце 1792 г. в продажу с новым титульным листом "Мое времяпрепровождение или новый Органт, сочинение депутата Конвента" были пущены нераспроданные остатки тиража поэмы.

Что касается комедии "Арлекин Диоген", то по-видимому перед нами наиболее раннее из завершённых литературных произведений Луи Антуана Сен-Жюста.

1. Saint-Just L.A. Arlequin Diogène. Pref. et publ. Ch.Vellay // Revue Bleue. 1907. T. VIII, N°4. P.97-105.
2. Morlon A. Notes sur Saint-Just // Mémoires de la Société Académique du Nivernais, XXII (1920). P.241-264; Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. M.Duval. P. 1984. P.240-260.
3. Torjussen S. "Arlequin Doigène" comédie en un acte de Saint-Just // AHRF, 1979, N°237. P.475-485; Idem. Fonction de la création littéraire dans l'évolution de la pensée de Saint-Just (d'Organt a de la Nature) // Pensee, 1980, N°215. P.151-160; Truci-Torjussen S. Les oeuvres littéraires de Saint-Just. Thèse pour le doctorat es Lettres. Besançon, 1980.
4. Idem. Fonction... P. 152.
5. Revue Bleue... P.97.
6. Torjussen S. Arlequin... P.477-478; Idem. Fonction... P. 159-160.
7. Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1985. С. 318-319.
8. Там же. С.212.
9. Там же. С.243.
10. Там же. С.273.
11. Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. P., 1957. P. 11.
12. Manceron Cl. Les hommes de la liberté. T. 4. La Révolution qui live. P., 1979. P.422-423 (note 517).
13. Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. Ch.Velay. P., 1908. T. I. P. 81.
14. Ibid. P.25-26.
15. Ibid. P. 161-162.
16. Vinot B. Un Inédit de Saint-Just: La Raison a la morne // AHRF, 1991, N°284. P.234.
17. Torjussen S. Arlequin... P. 476-481.
18. Barere B. Mémoires. T.1. P., 1842. P.129-130.
19. Собуль А. Переписка и деловые документы Сен-Жюста и Леба, посланных с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию // Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794 гг. и революции 1848 г. во Франции. М., 1960. С.287-371.
20. Torjussen S. Arlequin... P.483-485.

АРЛЕКИН ДИОГЕН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Арлекин
Перетта
Посол
Петиметр
Финансист
Комиссар
Солдаты

На сцене опушка леса. Арлекин в бочке.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

АРЛЕКИН,

один, голова над бочкой.

О! что за глупое животное — суровая женщина!
И что за адское наслаждение
Преодолевать склонность, которая нас услаждает,
С видом бесплодной холодности,
И краснеть от добродетели,
Тогда как сердце в сущности слабо.

Бедные глупцы и простаки, какие мы есть,
Мы позволяем водить себя за нос;
А между тем вы, кто нас мучит,
Ваша глупая власть, которой вы так гордитесь,
Есть не более, чем слабость мужчин.
Будем в свою очередь столь же суровы,
Разыграем скромность, разыграем холодность,
С легким сердцем устроим непостоянство
И с важным видом распугаем любовь.
И пусть одно лишь нежное слово
Вызывает у нас предательский румянец.
Разыграем робость, разыграем угрюмость,
Чувства, слезы, неистовство;
Ах! что за удовольствие смотреть, как бабенка
Склоняется с плачем перед нашей непреклонной гордостью,
Наслаждаться тем, как растет ее досада,
И как покидает ее помутившийся рассудок;
Через шесть месяцев Перетта пойдет со мной
В томлении неведомого пыла.
А я заставлю ее почувствовать
Все те муки, которые она заставляет меня перенести,
Всю презренность ее накладной добродетели
И скромности, которые она демонстрирует с большими издержками
Эти странности я могу исправить,
И чтобы достигнуть цели предприятия,
Расположусь-ка я в этой бочке.
Так, соединив цинизм с глупостью,
Я буду попирать ногами любовь и удовольствие.
Безумный от мудрости и мудрый от безумия,
Я буду наслаждаться ее поверженной гордостью.
Но вот она, выпускает вздохи.

СЦЕНА II

АРЛЕКИН,
спрятавшись в бочку

ПЕРЕТТА,
в сторону
Арлекин время от времени поднимает голову, и разглядывает
Перетту, делая арлекинады

ПЕРЕТТА
Бедняга Арлекин! Что за враждебную звезду
Породил его цветок, отравляющий ему жизнь?
От моей холодности у него помутился рассудок,
И его безумие есть следствие досады.
Могла ли я подумать, что нарождающееся пламя
Разожжет столь жаркую лихорадку,
Что он обезумеет от моих ничтожных прелестей!
Но, праведное Небо, что если он обезумел навсегда?
Бедняга Арлекин!.. Из-за моей суровости
Остались в прошлом твое прекрасное время и твое сердце;
И эта бочка, где, как новый Диоген,
Он проводит время, охваченный любовью,
Содержит в себе, увы! и мою жизнь, которая принадлежит ему,
И счастье, которого лишено мое сердце.

Она приближается к бочке и принимает насмешливый вид.

Продолжает:

Сир Арлекин, какая муха вас укусила,
Что вы взяли себе столь допотопный дом
И оставили свой веселый нрав
Для ремесла угрюмого мечтателя?
Что до меня, то я считаю, что такое безумие —
Это острая приправа к вашим проказам.

АРЛЕКИН,

в бочке, приняв нелюдимый вид

Ах! чтоб мое сердце больше не знало,
Как смешон и бесславен глупец.
Небо, я прожил тридцать лет для низости,
И ни одного дня не прожил для мудрости!

ПЕРЕТТА

Правда, Вы не шутите?

АРЛЕКИН

До сих пор я делал только ложные шаги;
Я двигался вперед, не видя ничего,
Но разум осветил мой путь.
Все это лишь вероломство,
Слепота, глупость, фальшь.
Чтоб быть счастливым, что нужно на земле?
Золото? Крез имел его в изобилии, и жаловался.
Власть? Цезарь боялся грома,
Он был могуществен, он был всем... Цезарь боялся.

ПЕРЕТТА

Любить.

АРЛЕКИН

Любовь порождает все преступления.
Жить при дворе? Эта участь не для меня.
Царствовать? Трон — это жертвенный алтарь.

ПЕРЕТТА

Чтоб быть счастливым, что же нужно?

АРЛЕКИН

Ничего!
Все есть безумие, заблуждение, химера,
И я благословляю луч, что просветит меня.

ПЕРЕТТА

Вы можете проклинать его и дальше,
Ибо настоящее, как Вы его видите — глупо.
Вы отказываетесь от сладости жизни
В согласии с обществом
Ради большой бочки, где находится безумие!
Разум действительно глуп.

АРЛЕКИН

Да, я отказываюсь, и оставляю себе
То, что есть удовольствие и свобода
Чтобы бесчестить глупости, которые я наблюдаю,
И излить желчь, которую я накопил,
На этот мир и его злобу.

ПЕРЕТТА,

смеясь

Он безумец.

громко

Я Вас жалею от всего сердца.

тихо, в сторону

Любовь, увы, замутила ему мозги.

громко

И разум есть дар обманчивый.

АРЛЕКИН,

мрачно

Я чувствую, что сердце мое обновляется.
Я поместил в моей бочке — доме
Страсти и ошибки чувств.
Мое сердце свободно, оно разбило цепи,
И, освобожденный от человеческой глупости,
Я попираю ногами удовольствия, любовь...
И намерен делать это всегда.

ПЕРЕТТА,

тихо

Увы!

громко

Я ваша служанка.
Именно это счастье не дает мне ничего, что меня прельщает.
Но Ваше сердце, в своем сокрушении
Разве не обольщает себя никакой страстью?

АРЛЕКИН

Нет, никакой! Человек - это флюгер,
Который вертится и меняется по воле ветра.
В одно и то же время он желает и не желает,
И дух его всегда высок и низок.
Я следую своей изменчивой судьбе,
Мещанин, сеньор, в городе, при дворе,
По морю, по земле, к дьяволу, на луну!
Изменчивый, меня поочередно видят
За конторским столом, поставленным на службу,
И ее оставляющим, по новому капризу
Покидающим Париж, чтобы мчаться в Конго,
И через моря тащить свои причуды.
По правде, все это безделица.
Мне помнится, однажды меня сделали королем.
Ей-богу, я не стал счастливее.
Следует ли толковать о метаморфозах,
Это значит принести мне слишком много печали и забот в этом мире.
Я больше не хочу ни служить, ни царствовать.
От плохого к худшему я прохожу по миру,
Чтобы устроить свою душу — бродягу.
Монарх или ничто — мне все равно,
И с этих пор я... оригинал.

Оригинал, да, черт возьми! это значит,
Что я с этих пор буду жить по-своему,
Презирать, льстить, молчать, смеяться,
Любить, ненавидеть! Не боюсь пересудов,
С сегодняшнего дня я ставлю опыт
Совершенно нового образа жизни,
И смеюсь над важными господами.
Да, в этом месте вдруг появится...
Кто-то идет. Его довольный вид
Возвещает, что это финансист.

СЦЕНА III

ПЕРЕТТА,
в отчаянии от его безумия
ФИНАНСИСТ, АРЛЕКИН

АРЛЕКИН
резко
Куда идет господин?

ФИНАНСИСТ
удивленно
Туда, куда мне нравится,
Не вижу, какое тебе дело.

АРЛЕКИН
глядя на Перетту сбоку
Мне есть дело, мошенник, так как твое лицо,
Мне кажется, оскорбляет добродетель.
Потому что твоя одежда, позолоченная злодеяниями,
Несет на себе печать всего зла, которое ты сотворил,
И потому, что ты пришел в эту сельскую местность,
Чтобы замыслить, быть может, новое преступление.
Вот, мошенник, что следует знать.
Теперь ступай куда хочешь. Доброй ночи!

ФИНАНСИСТ
Я очень удивлен, что никто не употребил твердой руки,
Чтобы укротить безумца такого рода.
Не один был помещен в Сумасшедший Дом
На основании меньших причин.

ПЕРЕТТА
Увы!

АРЛЕКИН
все время рассматривая Перетту
Я еще больше удивлен,
Хлыщ, что, несмотря на славу, которая тебя украшает,
Ордер на арест не отмстил доблесть
Той крови, в которую ты очевидно одет.

ФИНАНСИСТ
Этот человек безумен. Что за странная мания!

АРЛЕКИН

Хлыщ, я мудр, и в этом мое безумие.
Прими на прощание мой совет:
Не будь таким разбойником, и ступай своей дорогой.
Финансист уходит с угрожающим видом.

СЦЕНА III*

ПЕРЕТТА, АРЛЕКИН

ПЕРЕТТА

опечалено

Как дорого моя суровость стоит моей душе,
И мстит несчастьем его страсти!
Какое безумие! Он будет заточен,
И по моей вине, и чтоб иметь любовь!
Ревнивое Небо довершает мою ничтожность.

АРЛЕКИН

в бочке

Кто ты ни есть, направь свои шаги в другое место,
Оставь в покое одинокого мудреца,
Чей разум не верит в несчастья.

ПЕРЕТТА

Любовь в них верит.

АРЛЕКИН

Любовь причина твоей печали.
Когда она нас ранит, надо разбить ее цепи.
Не подражай тем слабоумным любовникам,
Чей разум поработен их чувствами,
Чья робкая любовь испытывает униженную слабость,
И цепенеет на груди у вялости.
Любовь не что иное как фривольная потребность
И от великого сердца она должна быть далека.
Окутайся моей безучастностью,
Я не боюсь непостоянства обманчивой судьбы.
Я ничего не люблю, но также ничего не ненавижу,
Я живу довольный, и ты можешь тоже.
Возьми бочку, сторонись изменчивой тени,
Избегать удовольствий, значит избегать печали.
Не жалуйся на судьбу и на Небо;
Все в этом мире в порядке вещей!

ПЕРЕТТА

Бедняга Арлекин!

АРЛЕКИН

Возьми бочку, говорю я.
К этому решению тебя обязывает мудрость.
Да, все хорошо, но все будет еще лучше,
Если ты согласишься удалиться из этих мест.

ПЕРЕТТА

Я — Перетта.

АРЛЕКИН

Ах! Перетта, Перетта...
Твоя глупая болтовня заставляет меня повернуть голову.
Ах! чего ты хочешь?

* Так у Сен-Жюста! — Т.Ч.

ПЕРЕТТА

Успокоить любовника,
У которого моя стыдливость вызвала мучения,
Напомнить ему о любви, о нем самом,
Сделать его счастливым, поклясться, что я люблю его,
И загладить своими слезами
То горе, которым я платила за его любовь.
Милый Арлекин, это о тебе я сожалею,
О тебе, кто меня любит, и кого мое сердце обожает.

АРЛЕКИН

резко

Мне вас любить! вы шутите, я полагаю.
Не загораживайте, однако, мне солнце.

ПЕРЕТТА

Милый Арлекин!

АРЛЕКИН

Арлекин в своей бочке
Спит и не желает быть милым ни для кого.
Уходите.

ПЕРЕТТА

Я не могу вас покинуть.

АРЛЕКИН

Я больше не хочу, черт возьми! вас слушать.
Уходите.

ПЕРЕТТА

Вы больше не любите Перетту.

АРЛЕКИН

Я никогда не любил ничего, кроме моей бочки,
А вас я ненавижу! вы удовлетворены?

ПЕРЕТТА

Неблагодарный, ты хочешь свести меня в могилу.
Ах! я умру!

АРЛЕКИН

показывая нос

Приключение приятное,
Как можете вы вопреки мне быть моей любовницей.
Нет, черт возьми, не злоупотребляйте.
Я не падок на ваши прелести.
Наступает время, когда мудрость
Смягчит опьянение пылких чувств,
Когда я смогу воспользоваться, к несчастью,
Безумием, в котором теряет себя ваше сердце.
Я полюблю тогда, и полюблю недотрогу,
Безобразную красотку, несчастную Гертруду,
Которой я должен мир и мою бочку.
Юная, чувствительная, неопытная,
Ее неприступность воспламенит мой мозг,
И воспользуется моим нетерпением.

В отчаянии от этой ложной суровости,
Моя безумная любовь будет питаться слезами;
Она знает, как ловко затронуть
Все пружины моей глупой слабости,
Как будто уступая иногда моей досаде,
Вознаграждая мое сердце со всем своим остроумием,
Без конца проходясь по моей чести.
Искусно нежная, ловко простосердечная,
Она в конце концов сделает так, что несчастье
Вернет меня к мудрости и отвратит мое сердце.
Безучастный, я оставлю эту жизнь,
Замкнусь в своей философии.
Разве не достаточно. Воспользуйся моим советом;
И больше не загораживай мне солнце.

ПЕРЕТТА

Увы!

СЦЕНА IV

ПЕРЕТТА

печальна;

ПОСОЛ; ПЕТИМЕТР;

АРЛЕКИН

голова над бочкой;

Петиметр в стороне разговаривает с Переттой

ПОСОЛ

Сеньор, счастливая судьба
Вас сделала императором Луны.
Выбором судьбы ваша власть обнадеживала,
Обещая достопамятное царствование,
Царствование мудрости и истины.
Но судьба, вначале столь благоприятная,
Похитила у ваших возлюбленных подданных
Тот золотой век, что был им обещан.
Глубокая скорбь покрыла всю Луну.
С этого времени всеобщие бедствия
Требуют вас обратно как милости Неба.
Наши представители облетели планеты,
И я благословляю мудрость Бога,
Который привел меня к берегам, где вы находитесь.
Я прибыл вручить вам, Ваше Величество,
Счастливым скипетр, который я привез.
Не удручайте более народ, который вас любит,
Примите вновь печальную корону.

АРЛЕКИН

Я навсегда отказываюсь от величия.
Самый лучший трон стоит на слезах;
И не столько Небо, сколько мудрость,
Стянула меня с трона... который я оставил.
Так уезжайте, господин Посол,
Ваш государь является вашим служителем.

ПЕТИМЕТР

в то время как Посол заговаривает с Переттой, удивленно

Мой милый друг, я едва разглядел тебя
В этой бочке, изображающего Диогена.
Эта роль — роль глупца,
А это не судьба для Арлекина.
Плут, знаток изысканных шалостей,
Магистр искусств по части бахвальства,
Шельма, затворник, ты лишаешь людей
Утраченных плодов твоих редких талантов.
Так, черт возьми, оставим эти шутки.
Я привез тебе две сотни экю аванса,
Поскольку мне необходим твой ум.
Чтобы увести десять тысяч экю у еврея,
Чтобы подделывать подпись, чтобы соблазнить аббатису,
Чтобы похитить ларец у графини,
Чтобы выкрасть богатую красавицу
Из ревнивых рук вспыльчивого опекуна,
Чтобы вырвать договор моего отца,
Который уже два месяца лежит у нотариуса,
И чтобы ты сразился за меня на дуэли
Против кое-кого, кто меня вызвал.
Оставь свою бочку и свою философию.
Таким путем не заработаешь на жизнь.

АРЛЕКИН

на мгновение забывшись

Но терять ее вашим способом, черт возьми!
Убивать, красть, что за добрая шутка,

Нахмурился

И по меньшей мере строить из себя насмешника,
Если это ненавидеть, не обретешь мудрости.

ПОСОЛ

в то время как петиметр возвращается к Перетте

О лучший и величайший из королей,
Весь народ говорит с вами моими устами.
Не разрушайте счастливого заговора,
Который предвещает судьбу вашим талантам,
И ответьте тревожным ожиданиям
Ваших ревностных и обездоленных подданных.

АРЛЕКИН,
мрачно

Я не хочу, и я вам повторяю,
Что бремя, которое вы возлагаете на мою голову,
Несомненно, худшая из профессий,
Профессия государя и дело управления.
Я оставался на вашей Луне,
Недолго, но докучливая пышность
Раболепия и суетности,
Ловкого преступления, которое окружает роскошь,
И змеи, которые ползают под тронем,
Внушили мне отвращение к этой профессии

ПЕТИМЕТР

Ну что, мошенник, оставляешь ли ты свою мудрость?

ПОСОЛ
на коленях

Сжальтесь, Сеньор, проявите участие!

ПЕРЕТТА

Милый Арлекин, ты меня уже не любишь?

ПОСОЛ

Сеньор, неужели наши мольбы напрасны?

ПЕТИМЕТР

Ну что, плут, которого по праву так восхваляют,
Неужели две сотни экю не тронут твоего сердца?

АРЛЕКИН

Перетта, и вы, господин Посол,
И вы, благородный дворянин,
Отвечаю вам в последний раз:
Что мир удивляется вам всем троим!

Послу

Я не желаю управлять вашей империей.

Петиметру

Я не желаю печься о вас.

Перетте

Я не желаю вашей глупой любви.
И все трое - убирайтесь...

С сосредоточенным видом, резко
Прощайте!

ПЕРЕТТА

О, праведное небо!

ПЕТИМЕТР

О, бездельник!

ПОСОЛ

О, великий человек!

ПЕТИМЕТР

Неужели он полагает, что моя нога не побьет его!

ПОСОЛ

Господин мог бы быть менее желчным
И признавать в королях богов.

ПЕТИМЕТР

На самом деле я считаю, что мозги
Окончательно свернулись у смертного отродья.
Я никогда не мог себе представить,
Что подобные дураки могут встречаться.
У этого имеется хорошая погрешка:
Он хочет найти короля в Арлекине,
Как некогда отважный Дон Кихот
Выбрал замок для благородного паладина.
Прощайте, господа. Современный Диоген,
Ты не увидишь моих двухсот экю.
Я оставляю тебя, и то соглашение, которым тебя дурачат.
Ступай царствовать. Я больше не вернусь.

СЦЕНА V

ПОСОЛ, ПЕРЕТТА

ПОСОЛ

Если повеление суровой мудрости
Величия вызывает отвращение у Вашей Светлости,
Позвольте, по крайней мере, чтобы я сложил к вашим ногам
Некоторые дары, которые вам доставлены:
Золотой шлем, мантию, меч,
Медаль, выбитую в вашу честь,
Три бриллианта по пятьдесят карат.

АРЛЕКИН

Сложите все... Но нет, я не хочу.

ПОСОЛ

Соблаговолите, Сеньор! ... Ах! это единственный знак уважения
Который судьба когда-нибудь могла бы принести мудрецу.

АРЛЕКИН

Вы кажетесь достаточно хорошим человеком...
Не заслоняйте мне солнце, прошу вас.

СЦЕНА VI

АРЛЕКИН,
который замечает Перетту;
ПЕРЕТТА

АРЛЕКИН

Эта когорта докучных меня утомила.
Однажды утром я отправлюсь в Аравию.
В Аравию... да... Там я буду жить
Независимый и оторванный от мира.
Несколько скал или несколько страшных пещер
Примут мою безмятежную мудрость,
Мне больше по нраву непричесанные медведи,
Чем то животное, что ходит на двух ногах.

ПЕРЕТТА

Не слишком ли этого мало, чтобы стать мудрецом?
Не захочется ли вам бежать и с этих берегов.
Неужели ваша печаль должна привести меня к смерти?
Я последую за вами; ваша судьба это моя судьба.
Мое сердце... ваше, и я не смогу жить,
И не любить вас, или не умереть или последовать за вами.

АРЛЕКИН

Вы не обладаете теми стыдливими прелестями,
Который всегда приукрашивает болтовня,
И вы будете ненавидеть глупость
Их трогательной и святой миловидности

ПЕРЕТТА

Ох! Я их ненавижу!

АРЛЕКИН

Ваше невинное сердце
Позволяет говорить о чистоте чувства?

ПЕРЕТТА

Да.

АРЛЕКИН

Вы любите меня так, как говорите?

ПЕРЕТТА

Да.

АРЛЕКИН

Я ненавижу вас, жемчужина смиренности.
Я отправлюсь так далеко, что вы не сможете
Прогулять туда свою нежную грудь;
И чтобы обмануть ваш смехотворный пыл,
Я пройду через Геркулесовы столбы,
Гренландию, Мономотапу,
Острова Минорка и Майорка, Кубу,
Таити, Зеленый мыс и Пески,
Хиркасси, наконец, я отправлюсь к черту.

ПЕРЕТТА

Я последую за вами.

АРЛЕКИН

Я отправлюсь в Тартар.

ПЕРЕТТА

Я последую за вами.

АРЛЕКИН

Я отправлюсь в Тенар.

ПЕРЕТТА

Я убью себя!

АРЛЕКИН

Я не убью себя.

ПЕРЕТТА

И в ад я буду сопровождать вас.
Но говорят, увы! что ваши уста
Не открываются иначе как в диком оскале,
И что мне никогда не узнать вашей улыбки
Которой ваше сердце, чувствительное к моей печали,
Пожалеет на мгновение страдание, которое меня угнетает
И из жалости разделит мою слабость.

АРЛЕКИН

с нежным выражением

Ах, вы могли бы уважать мою скромность
И пощадить стыдливость моего пола.
Мой дикий вид это единственное приличие,
И мои битвы - битвы моего простосердечия.
На самом деле... Мой Бог... Что за слабость...
На самом деле... Мадам... Я себя убиваю.

Перетта идет поддержать его и хочет обнять

АРЛЕКИН

Вы злоупотребляете... моей внезапной слабостью.
Довольно... Мадам... поберегите ваши усилия,
А что если кто-нибудь... придет... сюда.
Что скажут тогда... о моей добродетели... великие боги!

С запальчивым видом
Уходите, Мадам, прошу вас.
Я опасаюсь от вас нового плутовства,
Уходите; я опасаюсь ваших посягательств
Я закричу... Я вовсе не люблю вас...
Вон кто-то; черный человек выходит вперед;
А рядом с ним мой финансист.
Чего они хотят?
Выпрыгивает из бочки

СЦЕНА VII

ФИНАНСИСТ, КОМИССАР, ПЕРЕТТА,
АРЛЕКИН, ПОНЯТОЙ.

ФИНАНСИСТ,
Комиссару

Вот безумец,
Которого следует поместить вы знаете, куда.
Этот бешеный, которого Бог хочет поразить!
Исполненный тумана ипохондрической желчи
Из этой бочки распекает прохожих,
И этот болван, набивший голову здравым смыслом,
Удостоится в конце концов Венсенского замка,
Куда вы его препроводите строить там Диогена
И Катона.

АРЛЕКИН
Комиссару

Сударь, вот глупец,
Который с помощью своего золота придает мне вид плута.
Это мошенник, которого ранит истина,
Который боится дневного света, что осветит его низость.
Он кажется разжиревшим на человеческой крови;
И, сверх всего, это грубый безумец.
Вы должны препроводить его для нас
В Венсенский замок, строить там Демосфена
И честного человека.

ФИНАНСИСТ
Довольно, господин недостойный.

КОМИССАР
Арлекину

Что вы делаете, сударь, в этой бочке?
Это отнюдь не говорит о здоровой голове.

АРЛЕКИН
Это бочка, которую я взял у себя в погребе.

ФИНАНСИСТ
Но, отрицаешь ли ты, что оскорблял меня?

АРЛЕКИН
иронически
Ах! Монсеньор искажает истину.

ФИНАНСИСТ
показывая на Перетту
Мадам была свидетелем его безумия.

ПЕРЕТТА

Я свидетельствую, что вы лжете, сударь.

АРЛЕКИН

Довольно! вот господин Посол.

СЦЕНА VIII

ПОСОЛ, АРЛЕКИН, ФИНАНСИСТ
ПЕРЕТТА, ПОНЯТОЙ

ПОСОЛ

с подарками

Поскольку судьба отказала моей родине
В счастливом царствовании, которое было обещано,
Не добавляйте, великий государь, к ее скорби
Отказа от дара, который она вам приносит.

АРЛЕКИН

принимая все и помещая в своей бочке

Пожелайте всего наилучшего, прошу вас,
Обитателям вашей сильфирии,
И передайте всем мое почтение.

СЦЕНА IX

АРЛЕКИН, КОМИССАР, ФИНАНСИСТ,
ПЕРЕТТА, ПОНЯТОЙ

Арлекин тихо говорит с Комиссаром и вкладывает ему в руку бриллиант

КОМИССАР

Финансисту

Хм! Хм! Сударь, как, вы сказали, ваше имя?

ФИНАНСИСТ

Надменно

Жак-Реми-Люк де ла Диндоньер.

КОМИССАР

И кто вы такой?

ФИНАНСИСТ

надменно

Сеньор Вара, Сент-Альбана и других мест,
И моя жена из потомственных дворян.

КОМИССАР

сурово

Мы, Пьер-Андре Барбарон, комиссар
Шатле в Париже, приказываем,
На основании веских причин и достаточных доводов,
Жак-Реми-Люк де ла Диндоньер,
Сеньор Вара, Сент-Альбана и других мест,
Женатый на потомственной дворянке,
Потребовавший сто экю штрафа по отношению...

ФИНАНСИСТ

О, боги!

КОМИССАР

показывая на Арлекина

По отношению к этому господину за распрю и оскорбление
Нанесенное вышеназванным господином ниженазванному
господину, как я сказал,
Совершенное к чести, как я сказал, закона,
Совершенное, как я сказал, по отношению к комиссару короля.

ФИНАНСИСТ

Чер... !

КОМИССАР

Что его отведут через улицу,
В Шатле!

Арлекину

Сударь, я вас приветствую.

СЦЕНА X

ПЕРЕТТА, АРЛЕКИН

ПЕРЕТТА

Милый Арлекин!

АРЛЕКИН

Ах! Ах! милый Арлекин...
Теперь вы наконец не так жестоки.
Что случилось и с дикой гордостью,
И с этим презрением, и с этой суровой добродетелью,
И с этой скромностью, и со всеми этими холодными отказами,
Которые вы так гордо выставляли напоказ?
Теперь, наконец, вы знаете, чего это стоит,
И как тяжело томиться напрасно?
Я восторжествовал над недостойной слабостью,
И рассудок оледенил мою нежность.
Вот плоды ваших мудрых отказов.

ПЕРЕТТА

Я краснею; чего же вы еще хотите?

АРЛЕКИН

Вы краснеете, да; но, прекрасная дама,
Горький смех оскорбителен для моей страсти.
Вы призываете в свидетели этот лживый румянец,
Внезапный результат темного тумана.
Вы оказываете влияние на мой обманутый взор,
Сердце, отвлеченное другими мыслями.
В своем волнении вы имеете такой вид,
Будто рассматриваете мою глупую персону,
Чтобы послужить ей тенью и Музионом...
Ах! Ах! Ах! Ах! Это меня весьма беспокоит...
Обнимемся, и я не буду больше притворяться.

[зачеркнуто:

ПЕРЕТТА

обнимая его

Как! ты не был безумцем?

АРЛЕКИН

Я сражался
Против своего сердца.

ПЕРЕТТА

Ах! если бы я знала!]

ПЕРЕТТА

Ты дал мне вкус к рассудку,
И я собираюсь с выгодой использовать урок.
Ах! я возродилась. Приятная философия
Будет отныне светочем моей жизни.
Я видела сон, и вот пробуждение.
Отойдите, сударь, не загораживайте мне солнце.

АРЛЕКИН
в сторону

Вот так да! Я знал, что каждая красotka
Это демон под женской кожей...
Но только что ты меня любила.

ПЕРЕТТА

Право,
Я говорила это, чтобы посмеяться над тобой.
Что за прекрасная вещь мудрость!

АРЛЕКИН

Мне очень нравится эта метаморфоза.

ПЕРЕТТА

До сегодняшнего дня я следовала сердцу
От мечты к мечте, от заблуждения к заблуждению,
И, как и вы, я постигла глупость
Ничтожество нашей влюбленной души.
Не загораживайте мне солнце, прошу вас.

АРЛЕКИН

Я в самом деле одобряю этот совет.
Мадам, прощайте. Мудрость и стыдливость
Вместе — странная мания.
Я буду вновь думать о времени, которое потерял,
Чтобы заслужить сердце, которое меня достойно.
Прощайте, мадам, и сохраните для себя
Эту собаку в сердце, которая хочет лишь того, чтобы ее любили.
Я был глупец, черт возьми, чтобы томиться,
Проливать слезы, предаваться отчаянию.
Мадам, прощайте. По правде сказать, я был скотина,
Ломая остроумие и голову,
Чтобы излить мой сумасбродный пыл
В мадригалах нежных и вялых.
Я больше в жизни не хочу любить ничего
Кроме хорошего вина и философии.
Прощайте, мадам, и не думайте,
Что это всего лишь дурачество.
Я был дурак, чтобы иметь мужество
Любить вас и строить мудреца.

Собирается уходить

ПЕРЕТТА

Так не был ты безумцем?

АРЛЕКИН

Я им не был,
Разве что дорожил вашими коварными прелестями.

ПЕРЕТТА

Так ты меня любишь, Арлекин?

АРЛЕКИН

Зараза!

Да, я вас люблю... Наконец, я вас ненавижу.

ПЕРЕТТА

Как! ты не был безумцем?

АРЛЕКИН

Я сражался

Против своего сердца.

ПЕРЕТТА

Ах! если бы я знала!

Л.-А. СЕН-ЖЮСТ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЙДЕННОЙ 9 ТЕРМИДОРА

Публикуются по изданию: Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995. С.318-319 (пер. Т.А. Чернуверской)

Предшествующие несколько страниц посвящены размышлениям об экономических проблемах, "об извращении законов" и пр.

* Нация ремесленников - это не нация, а ярмарка бродячих торговцев.

* Чтобы быть счастливым с женщиной, нужно сделать ее счастливой, не давая ей этого почувствовать, сделать ее абсолютно свободной, не давая ей этого заметить и уступать по приязни.

* Искусство вести себя с людьми есть искусство уважать их свободу.

* Кто хочет властвовать над теми, с кем он живет, должен уступать им во всем.

* Люди находятся в состоянии войны лишь оттого, что являются врагами друг друга. Если вы хотите быть независимым ото всех, предоставьте всем независимость.

* Тот, кто хочет сделать женщину счастливой, должен предоставить ее самой себе.

* Опасно быть слишком обходительным с женщинами и полностью утолять их желания, нужна холодность, чтобы воспламенить их, они настолько привыкают к чрезмерным ласкам, что в конце концов пресыщаются ими. Пусть их желания всегда остаются неудовлетворенными; не проявляя к ним излишней заботливости, вы достигните того, что при малейшем охлаждении с их стороны будет достаточно искры, чтобы их воспламенить; если же вы будете исполнять все их желания, они будут требовать еще большего или вскоре пресытятся.

* Она подошла тихим шагом, вошла, обняла его, сжала ему руку; он нежно стал пенять ей за ее долгое отсутствие, за ее молчание, она ничего не отвечала. Он повел ее за руку, ввел в свою квартиру, он расточал ей самые нежные ласки, она улыбалась, но не проронила ни слова. Они легли вдвоем на кровать; она не жаждала наслаждения, но делала все, чтобы доставить его своему другу. Она гладила своими руками кожу его тела, она скрещивала свои ноги с его. Он спросил, неужели она его больше не любит, она обняла его, храня глубокое молчание. Как разомкнуть мне уста твои, добавил он, целуя ее; она улыбалась. Тогда он стал корить ее, что она ему не писала. - Я должна возвращаться, отвечала она. - Потом, когда ты вернешься, ты отправишь мне много писем; она ничего не отвечала. - Почему ты так печальна? - Потому что мне сказали, ты меня избегаешь. - Ты печалишься напрасно; она ничего не ответила. Но, добавил он, чем мы кончим, мы должны расстаться, ты совсем не думаешь о будущем. - Я не думаю об этом больше, не знаю почему. Мне кажется, я всегда буду видеть тебя здесь. - Ты стала безучастной, но почему такая печаль. - Ты хочешь, чтобы я следовала за тобой. Я никогда не смогу решиться на это. Я пообещаю тебе это, чтобы побудить тебя добиваться успеха, но не смогу решиться.

* Современные биографы Сен-Жюста - М.А.Шармело, А.Оливье, Б.Вино (Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt. P., 1957; Ollivier A. Saint-Just et la force des choses. P., 1966; Vinot B. Saint-Just. P., 1985) - связывают лирический отрывок с воспоминаниями о Терезе Желе. Еще одна исследовательница, С.Торжюссен рассматривает этот текст не как отрывок, усматривая в нем определенную завершенность (Truci-Torjussen S. L'oeuvre litteraire de Saint-Just. These pour le doctorat is lettres. Besancon, 1980. P. XLVII-LIV).

- В таком случае, забудем друг друга немедленно. Будем мужаться, ибо однажды мы должны расстаться. Избавим друг друга от долгих сетований. Прощай. У меня будет другая женщина. Я приведу к тебе своих маленьких детей, и ты будешь любить их как своих. - Нет, - вскрикнула она, - я не хочу, и она залилась слезами, прижавшись к нему несколько раз. - Преодолеем нашу слабость, - продолжал он, и повторил ей, что выберет женщину, которая будет напоминать ее, и что он приведет ей своих маленьких детей. - Ты видишь, на что я могу решиться. Я решусь на то же, если ты будешь неверна. Ты не ревнуешь? - Нет. - Ты любишь меня? - Да, я люблю тебя. - Ну что же, нужно забыть об этом, нам нужно расстаться и не видеться больше. Она плачет. Он не замедлил показать ей, что тоже всегда любил ее. Он взял с нее обещание, что она вновь придет послезавтра. Она унесла с собою секрет своей печали. Выходя, она была довольно спокойна. Куда она пойдет, обещает ли она многое рассказать своему другу, будет ли она также писать своему другу, сколько бы он ни спрашивал, она ничего не отвечала. Он сказал ей, когда она уходила: Многое огорчает тебя, но в другой раз ты доверишь мне это. Она хотела знать все <...>. Он проводил ее и нежно обнял. Сомневается ли она во мне, ревнует ли она, или у нее есть план, который она не осмеливается мне доверить, сказал он себе.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОК О ЛУИ АНТУАНЕ СЕН-ЖЮСТЕ

ЗАМЕТКИ ОТНОСИТЕЛЬНО СЕН-ЖЮСТА,

ИЗВЛеченные из БУМАГ ГРАЖДАНИНА*** (Пьер Жермен Гато*) 9 термидора III года

Cit.: Vellay Ch. Introduction // Saint-Just L.A. Oeuvres complètes. Ed. Ch.Velay. T.1-2. P., 1908. T.1. P.VII-XIV.

Я находился в мрачной темнице вместе с несчастным Т***, другом и товарищем Сен-Жюста, который после гибели того, с кем он связал свою судьбу, влачил свою жизнь в слезах и страданиях.

Т*** вызвали к себе два члена комитетов, чтобы допросить его, чтобы вырвать у него ужасные признания, подлую ложь, которая могла бы запятнать память его друга. Но он, мужественно обращаясь к тем, кто только что осудил своих коллег и принес в жертву отечество, сказал им: "Вы можете сколько угодно льстить или угрожать мне, но ни страх, ни надежда не изменит моего сердца, я не изменю ни дружбе, ни истине, но буду жить, чтобы мстить за них".

Его задержали в комитете под предлогом необходимости еще раз допросить.

* * *

Вернувшись в свою темницу, он умер в страшных мучениях.

Я был свидетелем его мучительной агонии, и некоторое время в молчании ожидал своей участи. Наконец, устав ждать, устав быть вынужденным свидетелем всех тех преступлений, что отягощают мою страну, я решил добиться прекращения моих страданий. Я написал правительству, что закон предписывает либо освобождать заключенных, либо предавать их суду; что другой закон дает им право потребовать объяснения причин ареста; я потребовал, чтобы со мной поступили согласно этим законам. Через несколько дней я получил письмо, в котором было лишь несколько слов: Друг заговорщика Сен-Жюста.

Так вот в чем мое преступление! воскликнул я. Ну что же, тираны! вы полагали, что заставите меня унизиться до оправданий, вы надеялись, что я окажусь способным отречься от человека, которого я любил. Но есть строки, которые обретут бессмертие; я передаю их в верные руки. Они отмстят за моего друга, они отмстят и за меня, они обвинят вас в грядущем, где вам предстоит бесчестие, а мне уважение.

Слишком безвестный, чтобы возгордиться собою, я появлюсь в лучах славы рядом с тем, чью невинность я буду защищать, кого я признаю своим другом, даже если все на свете оставят его. Эти строки я адресую вам, тираны. Я хочу, чтобы вы их знали, чтобы они стали вашим наказанием, ибо вы задрожите от бешенства, читая их, и мужество и добродетель свободного человека заставят побледнеть угнетателей моей страны.

* Эти "Заметки" впервые были опубликованы в качестве предисловия к первому изданию *Fragments sur les Institutions Republicaines* Сен-Жюста (1800 г.). Их автор, Пьер Жермен Гато, был его другом юности, при якобинцах служил в Администрации продовольствия и снабжения армии, неоднократно сопровождал Сен-Жюста во время миссий, возможно, выполнял функции секретаря; арестован сразу после переворота 9 термидора, в октябре следующего года вышел на свободу, впоследствии служил в министерстве финансов. Т***, упомянутый в начале текста – скорее всего Пьер Виктор Тюйе, еще один друг юности и постоянный спутник Сен-Жюста. – *примеч. Т.А.Черноверской.*

Революция настигнет вас всепожирающим пламенем, она поразит вас, как вы — тех, чьи тела вы предали поруганию. Но они будут оправданы трибуналом веков, они восторжествуют в потомстве, тогда как вас с позором потащат на свалку.

Да, я стыжусь быть членом гражданской общины, которая терпит правительство, подобное вашему, порвавшее со справедливостью, с добродетелью и с природой. Но я горжусь тем, что нахожусь в ваших бастилиях, пополняя собою число ваших жертв.

Кто вы такие, вы, кто объявляет войну дружбе, кто возводит в преступление привязанности самые законные и страсти самые благородные? Ах! все добрые люди, не имеющие кинжалов, чтобы противопоставить их вашим злодеяниям, должны скорее погибнуть, чем осквернить свой взор зрелищем вашего наглого триумфа, и сказать вам, как Фрасея Нерону: Поскольку смерть есть долг, лучше уплатить его свободным человеком, чем попусту сутяжничать о нем, сделавшись рабом.

Я был другом заговорщика Сен-Жюста. Вот мой обвинительный акт и мой смертный приговор, и славный титул, благодаря которому я заслужил почетное место на ваших эшафотах. Да, я был другом Сен-Жюста. Но Сен-Жюст не был заговорщиком; если бы он был им, власть была бы теперь в его руках, а вы сгнули бы с лица земли. Ах! его преступление, если только он совершил преступление, было в том, что он не составил священный заговор против тех, кто замыслил погубить свободу.

О мой друг! в тот миг, когда сокрушила тебя злосчастная судьба, я согласился жить лишь для того, чтобы иметь возможность защитить твою славу и поразить клевету, с остервенением ястреба терзающую твоё тело. Пусть будет мне примером Блоссий из Кум, гордо признавший перед лицом Римского сената свою дружбу с Тиберием Гракхом, которого сенат только что поразил. Так же и я, я достоин явить миру подобный пример.

Дорогой Сен-Жюст! если мне удастся избежать проскрипций, заливающих кровью отечество, если мне доведется пережить их, я разверну перед лицом Франции, перед лицом потомства всю твою жизнь, и они с новым волнением склонятся над могилою юного республиканца, павшего жертвою фракций. Я заставлю даже тех, кто не понимал тебя, преклониться перед тобою и с презрением отвернуться от твоих клеветников и убийц.

Я расскажу, с каким мужеством боролся ты против злоупотреблений еще в то время, когда трудно было поверить, что можно быть добродетельным безнаказанно. Я прослежу твой жизненный путь с того момента, когда, простившись с детством, ты посвятил себя изучению науки управления и размышлениям о правах человека, когда грандиозный взрыв ненависти к тирании потряс твою душу и зажег ее огнем сверхчеловеческого энтузиазма. Я расскажу, как ты, всею душою отдавшись делу защиты угнетенных и обездоленных, совершал пешком, в непогоду, долгие трудные переходы, чтобы отдать им свои заботы, свое красноречие, свое состояние и свою жизнь. Я расскажу, сколь целомудрен был ты в своей частной жизни, и пусть останется достоянием истории твоя общественная жизнь, твоя деятельность в правительстве, твои выступления в качестве законодателя и твои бессмертные миссии к нашим армиям.

О славный день Флерюса! Сплети свои неувядающие лавры с ветвями траурного кипариса, осеняющего могилу моего друга. Пишегрю, Журдан, сотоварищи его подвигов и славы, воздайте ему должное. Вы воины, вы должны быть искренни. Честность всегда была добродетелью героев. Вы расскажете, чем обязано отечество его добродетелям и его мужеству. Вы не предадите истины и не станете служить зависти, ибо иначе вы сами станете однажды жертвою тех злодеяний, соучастниками которых становитесь теперь. Вы расскажете, как поступал он с предателями, применяя со всею строгостью данные ему полномочия; как подавал он пример воздержанности и мужества войскам, пример благоразумия и активности — генералам, пример человеколюбия и равенства всем, кто к нему обращался.

Тиран собственных страстей, он подчинил их себе и повиновался лишь любви к отечеству. Он был мягким по натуре, великодушным, чувствительным, человеческим, благодарным. Женщины, дети и старики, беззащитные и солдаты, они неизменно встречали у него уважение и сочувствие, и сердце его начинало так сильно биться, что при встрече с ними он невольно смягчался.

Я часто видел, как он проливал слезы над насилиями революционного правительства, над продлением устрашающего режима, который он надеялся умирить мягкими и милосердными республиканскими установлениями! Но он сознавал, что нужно не разорвать, а лишь ослабить тетиву лука. И он стремился возродить общественные нравы и вернуть сердца добродетели и природе.

Его глубоко волновала испорченность людей, и он хотел уничтожить ее в зародыше посредством сурового воспитания и сильных установлений. — "Сегодня, — говорил он мне, — невозможно предложить суровый и благотворный закон без того, чтобы интриги, преступления и ярость не наложили на него свою руку, сделав его орудием смерти на службе страстей и капризов".

Я был свидетелем его негодования при чтении закона 22 прериаля в саду главной квартиры в Маршьен-о-Пон близ Шарлеруа. Но в то же время я должен сказать, что он неизменно с восхищением говорил о талантах и суровой добродетели Робеспьера, перед которым он всегда преклонялся.

В конце Революции он порою с грустью думал, что мог бы отдаться привычным размышлениям и созерцанию природы, наслаждаться покоем частной жизни в уединенном сельском доме с тою, кого Небу угодно было бы сделать его спутницей, дав ему счастливую возможность сформировать ее сердце и разум вдали от назойливого вмешательства городской толпы.

Что за страшная клевета представлять его злодеем. Ни месть, ни ненависть никогда не посещали его душу. Я обращаюсь к вам, граждане Блеранкура, перед чьими глазами расцветал его гений и его добродетели. Да, именно среди вас, чьи политические взгляды были испорчены связями, привычками и страстями, кто оскорблял, клеветал, преследовал Сен-Жюста за то лишь, что его путь резко разошелся с тем, на который вступили вы.

Тем не менее, когда он стал членом правительства, вы, оказавшись перед лицом революционного трибунала за непатриотические действия или речи, вы не колеблясь призывали его в свидетели, и благодаря его содействию вскоре возвращались к домашнему очагу, где родственники, не чаявшие вас увидеть, заключали вас в объятия. "Они были моими врагами, — говорил он о вас — и им я обязан тем, что должен был действовать со всем энтузиазмом, на который способен, и я помогу им, если только общественные интересы и непреклонная честность не потребуют принести в жертву их свободу или их жизнь". И он спасал вас.

Мягкий и дружелюбный в личных отношениях, он бывал резок, суров и непреклонен, когда затрагивались интересы отечества. Тогда он становился подобен льву; ничего более не слушая, он сокрушал все преграды, попирал ногами все основания, и суровость его пугала порою даже его друзей, придавая ему вид мрачный и нелюдимый, создавая образ деспотический и внушающий ужас, — и это заставило его впоследствии размышлять о той огромной опасности, которую несет в себе абсолютная власть, если она вручена людям, чей разум устроен не столь хорошо, как чистое сердце...

Таким был этот человек, сметенный, едва двадцати семи лет, тою революцией, которой он посвятил все свое существование, и оставивший долгие сожалений своей стране и дружбе.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РЕНЕ ЛЕВАССЁРА**

Levasseur R. Memoires. T.1,2. Paris, 1829.

Т.1. Р.203. Сен-Жюста связывала в Конvente с Робеспьером дружба, не угасшая до самой их смерти, дружба, которую полное единство убеждений и сходство характеров, отличавшихся способностью к холодной экзальтации и энергическому упорству, делали неизменной. В своем докладе о Конституции он как бы дополнил доклад своего друга. Один говорил о свободе, другой защищал силу; один развивал теорию, другой изыскивал способы ее приложения.

Т.2. Р.240-243. Ранним утром 22 мая меня разбудила канонада. Разыскав генерала Шарбонье, я поскакал вместе с ним к аванпостам. Остальные генералы и представители не появлялись; я отправился их разыскивать, и встретил Сен-Жюста, Леба и генералов Шерера, Клебера и Дежардена недалеко от главной квартиры. "Как! — крикнул я им издали, — вы еще здесь, когда там дерутся?" — "Не думаете же вы, что мы боимся?" — возразил Клебер... Оставив генералов совещаться в Тюэне, мы с Сен-Жюстом поднялись на холм, чтобы осмотреть вражеские позиции, и совершенно ясно увидел, что из пушек стреляет неприятель. Я сказал своему коллеге: "Представители народа не должны наблюдать за сражением с такого расстояния. Помчимся в гущу его!" — "Что ты собираешься там делать?" — Этот ответ заставил улыбнуться находившихся рядом офицеров. Меня это рассердило, и я иронически заметил: "Тебе по-видимому неприятен запах пороха," — и дав шпоры коню, покинул его.

На следующий день Сен-Жюст зашел ко мне. Я занимался корреспонденцией, и попросил его дать мне кончить письмо. Пока я писал, он заметил мой карабин, поднял его и стал рассматривать затвор; к несчастью карабин был заряжен и выстрелил, пуля пролетела около меня и пробила чемодан, стоявший шагах в пяти от моего стула; я вскочил, ружье выпало из рук Сен-Жюста, он побледнел и бросился в мои объятия.

** Рене Левассёр, хирург-акушер по профессии, избранный депутатом Конвента от департамента Сарт, монтаньяр, близкий к левым якобинцам, неоднократно направлялся в качестве комиссара в северо-восточные департаменты Франции, исполняя эти обязанности и во время пребывания там Сен-Жюста. Известен прежде всего благодаря оставленным им Воспоминаниям, посвященным Революции. — *примеч. Т.А. Черновой.*

"Ах, Левассёр, что если бы я убил тебя?" — "Ты сыграл бы со мной злую шутку; уж если мне суждено погибнуть от пули, пусть она будет по крайней мере пущена рукою врага." Офицеры, находившиеся поблизости от моей двери, услышали выстрел, вошли в комнату и нашли Сен-Жюста, мертвенно бледного, в моих объятиях. "Извини, представитель, — сказали они, — но звук выстрела встревожил нас, и мы зашли узнать, что случилось." Я рассказал им обо всем, что здесь произошло, и поблагодарил за их любезное внимание; они вышли. Подумать только, на какой тонкой нити держится подчас жизнь и честь человека! Я мог быть убит, и офицеры, слышавшие накануне мой иронический ответ Сен-Жюсту, несомненно обвинили бы его в убийстве. Опасаясь однако, что могут возникнуть несправедливые подозрения, я постарался в этот день прогуляться под руку со своим коллегой...

Т.2. Р.324. Робеспьера всегда считали главою революционного правительства. Что до меня, непосредственно наблюдавшего события эпохи, я почти осмелюсь утверждать, что Сен-Жюст играл в нем большую роль, чем сам Робеспьер. Хотя и один из самых молодых членов Конвента, он был, пожалуй, единственным, кто соединял с самым кипучим энтузиазмом, верным и быстрым взглядом на вещи, самую твердую волю и самые выдающиеся способности организатора. Доведя до фанатизма свою глубочайшую убежденность, он сохранял внешнюю холодность, потому что энтузиазм его был следствием математической уверенности. Ничто не могло заставить его изменить свое мнение, ничто не могло заставить его отступить от раз принятого решения; стремясь к цели он мало считался со средствами, необходимыми для ее достижения — самые верные всегда представлялись ему наилучшими. Чтобы основать Республику, о которой он мечтал, он готов был отдать свою голову, но и сто тысяч других голов вместе с нею. Тесно связанный с Робеспьером, он стал необходим ему, и возможно, заставил бы его бояться себя, если бы не желал, чтобы тот его любил. Никто никогда не видел, чтобы мнения их расходились; если же случалось, что одному из них необходимо было уступить, несомненно одно — Сен-Жюст уступок не делал. Робеспьеру присуще было до некоторой степени то честолюбие, которое порождается эгоизмом, гордость же Сен-Жюста была следствием глубокой убежденности; лишенный физического мужества и боявшийся свиста пуль, он обладал тем мужеством разума, которое скорее пожертвует несколькими жизнями, чем идеей.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РЕВОЛЮЦИИ И ИМПЕРИИ ШАРЛЯ НОДЬЕ^{***}

Nodier Ch. Souvenirs de la Revolution et de l'Empire. Paris, 1857. Т.1. Р. 35-40.

Я пришел к Сен-Жюсту, тому ужасному Сен-Жюсту имя которого мне доводилось слышать не иначе, как в сопровождении самых угрожающих эпитетов. Сердце мое сильно билось, и входя в помещение, я почувствовал, что ноги мои подгибаются. Я попытался побороть волнение, но нашел в себе лишь самую малость того жалкого искусственного мужества, которым приходится прикрываться за неимением лучшего, и которое означает на деле лишь плохо замаскированный страх. Сен-Жюст не обратил на меня внимания.

Он стоял ко мне спиной и перед каминным зеркалом, висевшим между двумя шандалами со свечами, заботливо поправлял складки того огромного широкого галстука, который поднимал его и без того неподвижную голову, словно дароносицу (согласно циничному выражению Камилла Демулена), и который начинал входить в моду благодаря подражательному инстинкту странных молодых щеголей того времени. Я воспользовался тем временем, которое наверное показалось бы мне бесконечным, если бы я измерял его своим нетерпением и беспокойством, и стал внимательно рассматривать в зеркале лицо этого верховного судьи, от которого зависела моя судьба; при этом я мог не опасаться встретить его взгляд, потому что стоял в тени, а он целиком был занят собой. Лицо Сен-Жюста отнюдь не представляло собой того изящного сочетания тонких черт, какое придал ему льстивый карандаш литографа. Тем не менее, он был красив, хотя его широкий подбородок казался несколько непропорциональным из-за наполовину окутывавших его складок легкой ткани. Брови его вместо правильной дуги представляли собой скорее прямую линию и почти сходились к переносице, разлетаясь при менее напряженной работе мысли; глаза были большие и обычно задумчивые; лицо — бледное, даже несколько сероватое, как у большинства активных деятелей революции — очевидно, из-за напряженной работы и постоянных ночных бдений. Однако (но это я отметил лишь позже, когда познакомился с трудами по

^{***} Шарль Нодье – известный писатель, один из основоположников романтизма во французской литературе. Поскольку современники характеризовали его как человека слишком увлекающегося, пылкого и вдохновенного, его свидетельства нередко вызывают скептическое отношение. В то же время трудно отказать ему в наблюдательности, а исследования нынешнего времени в общем подтверждают сообщаемые им сведения, порою самые невероятные (например – о республиканском тайном обществе филаделффов, действовавшем во времена Империи). Данный фрагмент является лишь частью воспоминаний Нодье, касающихся пребывания Сен-Жюста в Страсбурге. – *примеч. Т.А. Черновой.*

физиогномике) его мягкие чувственные губы свидетельствовали о почти непреодолимой склонности к лени и сластолюбию. Если он их испробовал — а все, что мы знаем о его ранней юности, равно как и то, что он написал в эти годы, заставляют нас в это поверить, — то к моменту, когда он начал выдвигаться на политической арене, он преодолел их с необычайной силой; и пожалуй ничто не может лучше объяснить бессвязность его филантропических теорий и его революционную непримиримость. Человек, почувствовавший себя способным сотворить себе новый характер благодаря чуждым его натуре обстоятельствам, не может избежать впадения в заблуждение; заблуждение же есть порождающая причина всех преступлений, равно как и всех ошибок.

В течение всего этого времени внимание Сен-Жюста поглощало нечто совсем иное чем его галстук. Молодой человек, сидевший возле него за столом, освещенным парой свечей, едва поспевал за его быстрой, почти грубой диктовкой, в которой самые разнообразные идеи обретали строгую форму. Новая фраза достигала его ушей прежде чем под рукой оказывался чистый лист бумаги; пока я ждал, это повторялось бесчисленное число раз, каждая из этих лаконических сентенций, в которых вы тщетно стали бы искать периоды или знаки препинания, требовала нового листа. Листы эти затем дюжинами направлялись в соседний кабинет к переводчику, который по возможности с тою же быстротой переводил их на немецкий; потом на неустанно работающем печатном станке их делили на две колонки, и еще не просохшими отдавали расклейщикам афиш. То, что Сен-Жюст импровизировал, искусно сплетая узлы из легкого мадраса, становились неизменным законом, решением, не подлежащих апелляции — ибо таково было настоящее значение декретов народного представителя в миссии во всех близлежащих городах: временный, но абсолютно суверенный, он взмахивал мечом над головами населения, как жнец над спелыми колосьями, и не был обязан отчитываться в пролитой крови ни перед кем, кроме бога, если он сохранял веру, или перед самим собой, если у него была совесть. Я далек от мысли оспаривать важность той службы, которую непреклонная суровость Сен-Жюста могла сослужить занятым провинциям и окруженным армиям; но ничто не казалось мне более ужасным, чем оскорбительная краткость этих проскрипций, поражавших порою целый класс граждан ударом внезапным, неожиданным и смертельным, как выстрел, сделанный рукою убийцы; мне кажется, я до сих пор слышу их в краткой звучной речи этого красивого молодого человека, созданного природою для любви и поэзии; не могу без трепета слышать это настойчивое повторение этого жестокого слова "смерть", вооружавшего его до конца, подобно жалю скорпиона, которое действовало на меня как какое-то жуткое буриме, монотонные и возмутительные созвучия которого были навязаны палачом.

Между тем Сен-Жюст кончил свой туалет и свою бойню. Он повернулся ко мне всем корпусом, словно туго накрахмаленный галстук не позволял его голове никаких наклонных движений. Он поинтересовался причиной моего ареста — о ней я знал не больше, чем он — моим именем, местожительством и возрастом. При последнем ответе он подскочил ко мне, схватил за руки и подвел к свету, к тому месту, где перед тем стоял сам. "В самом деле, — проговорил он, — одиннадцать-двенадцать лет, не более. Он похож на переодетую девочку. Твои родители — эмигранты?" — "Нет, гражданин, они далеки от этого. Отец — председатель суда, а дядя — командир батальона". Раздражение Сен-Жюста явно возрастало, однако я уже почувствовал, что исход дела не будет для меня неблагоприятным. Приказ о моем аресте не содержал ничего, во что я лично был бы вовлечен.

"Приказ об аресте ребенка, — воскликнул он, скомкав листок — приказ о моем аресте, — и лишь потому, что он родом из Франш-Конте, и случай заставил его жить в гостинице, где Пропаганда заметила нескольких подозрительных путешественников! И эти негодяи льстят себя надеждой заслужить уважение Горы! О, я воздам по справедливости за столь грубое нарушение прав, ежедневно угрожающее нашим самым дорогим свободам! Они смели угрожать мне, когда я не дал им пролить кровь! Что ж, Пропаганда получит кровь, обещаю это! И пусть они захлебнутся в крови тех новых тиранов, которых они напустила на несчастное отечество!"

В эту минуту экзальтации, для которой приказ о моем аресте был лишь отдаленным поводом, когда он, вопреки себе, выказал глубокое и мучительное отвращение к экстремистам, Сен-Жюст, дойдя до высшей точки, почти не потерял своего внешнего бесстрастия. Рука его стиснула безжизненный клочок бумаги, но лицо оставалось спокойным. То, что я написал сейчас дрожащею рукою, он произнес так же холодно, как если бы продолжал диктовать. Странное дело! Неутолимая жажда справедливости, страстная любовь к человечеству господствовали порою в этой суровой душе, не утратившей чувства справедливости и гуманности. В то же время он, увы, знал как можно убивать без жалости; но убивая, он, несчастный, был без сомнения во власти иллюзий: он считал себя гуманным и справедливым. Несчастлива власть, ибо любой ее недостаток есть преступление.

"Ступай!" — сказал Сен-Жюст, обращаясь ко мне и при этом стараясь смягчить тон. Ничего лучшего я не мог и желать.

"Что ты делаешь в Страсбурге?" — вернул он меня от порога, где я замешкался прежде чем пуститься наутек. — "Я учусь, гражданин. Я приехал в Страсбург несколько месяцев назад, чтобы изучать греческий." — "Греческий? По-моему, более естественным было бы изучать здесь немецкий. И почему греческий — ведь спартанцы не оставили документов. Да и кто тот ученый, что дает в Страсбурге уроки греческого?" — "Эйлож Шнейдер, гражданин, превосходный переводчик Анакреона, один из первых эллинистов Германии." — "Кельнский капуцин! — воскликнул Сен-Жюст. — Эйлож Шнейдер, анакреонтик! Иди, иди, — продолжал он с горькою иронической улыбкой, — иди, учись у Эйложа Шнейдера греческому. Если бы я предположил, что ты сможешь перенять у него кое-что еще, я бы задушил тебя!"[#]

ИЗ ТЕРМИДОРИАНСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ ЖОРЖА ДЮВАЛЯ^{****}

Duval G. Souvenirs Thermidoriennt. Paris, 1844. Т.1. Capitre VI. P.171-172, 173-177, 181-189.

С.171. В тот вечер около девяти часов я прогуливался в Пале-Ройале (правильнее сказать, в Пале-Эгалитэ), размышляя об отказе напечатать речь Робеспьера, отказе, который представлялся мне оскорблением величия диктатора, ...

Погруженный в эти размышления, я встретил некоего Дюнойе, которого знал как репетитора в пансионе на рю Ла-Гарп, готовившего своих учеников в коллеж д'Аркур, и которого я рекомендовал в качестве секретаря Сен-Жюсту когда тот отправлялся в Северную армию. Удивленный, что встретил его здесь, я поинтересовался, неужели его патрон, недовольный его службой, уволил его. — Напротив, он оказался настолько удовлетворен, что в знак благодарности отправил меня недели две назад с рекомендательным письмом к мэру Парижа Флерио-Леско, который позавчера назначил меня на вакантное место члена муниципалитета, что ставит меня в прекрасное положение. — Если бы он знал, несчастный, что три дня спустя... Но не будем забегать вперед. Я знаю, покажется удивительным, что Сен-Жюст принимал на службу секретарей по моей рекомендации; но это покажется менее удивительным, когда я расскажу как случилось, что я познакомился с суровым сеидом Робеспьера и как складывались своего рода отношения между властителем и подданным. Я расскажу об этом, и поскольку роль Сен-Жюста завтра должна окончиться, я не могу упустить случая, чтобы рассказать, как начинались и развивались эти отношения и наставить тех, кто представляет его себе красивым интересным юношей, которого не в чем было бы упрекнуть, кроме патриотизма несколько обжигающего. Красивый, это правда, даже очень красивый; молодой, он едва достиг двадцати пяти лет, когда вступил на эшафот; интересный, мы это увидим.

* * *

С.173. Назавтра, 5 сентября, когда на часах Тюильри пробил полдень, я вошел в помещение приставов. Руайе там не было: мне сказали, что я найду его в помещении зрителей зала, куда его только что вызвали. Я отправился в указанном направлении и действительно нашел там человека, которого искал. Он был не один: молодой человек лет двадцати четырех — двадцати

[#] Об **Эвлоджии Шнейдере** см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#schneider>, биографическая справка <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#schneider>. — *ред. Vive Liberta.*

Воспоминания Жоржа Дюваля значительно менее известны, чем воспоминания Шарля Нодье, Рене Левассера или Пьера Гато. В связи с Сен-Жюстом на них впервые обратил внимание Ж.Лефевр в рецензии на книгу Е.N.Curts'a. На первый взгляд они производят впечатление некоторой психологической недостоверности. Однако, словарь Мишо сообщает о Ж.Дювале как о довольно известном в тридцатые-сороковые годы прошлого века драматурге-водевилите, и такой автор был вполне в состоянии избежать подобной недостоверности. Его SOUVENIRS THERMIDORIENNE являются продолжением вышедших двумя годами ранее SOUVENIRS sur la TERREUR. Во введении к последним Дюваль называет имена выдающихся деятелей Революции, с которыми ему довелось познакомиться, в том числе имя Сен-Жюста, однако лишь однажды мимоходом упоминает о нем (знакомство Сен-Жюста с Руайе во время осмотра нового зала заседаний Конвента в мае 1793), в отличие от прочих, о встречах с которыми рассказывает. Можно предположить, причина в том, что свое повествование Дюваль построил в виде последовательного рассказа об истории Революции, совершенно определенно опираясь не только на собственные воспоминания, но и на свидетельства других людей (хотя он и не говорит об этом). И в это связное повествование рассказ о знакомстве с Сен-Жюстом никак не укладывается. Поэтому-то он и появляется только во второй части воспоминаний, непосредственно предввывая рассказ о событиях 9-10 термидора. Здесь переведена не вся глава, посвященная Сен-Жюсту, но далее, как и в эпизоде театра, воспроизводится нечто, очень напоминающее сначала робеспьеристскую легенду (освобождение по приказу Сен-Жюста безвинно арестованного отца автора воспоминаний), а затем легенду термидорианскую (прогулка Сен-Жюста с Робеспьером по парку принцессы Шиме в Бельвю и созерцание поверженной и обезглавленной статуи Генриха IV). И на этом фоне рассказ о знакомстве и деловых отношениях с Сен-Жюстом, совершенно не типичный для литературы, как раз и представляется достаточно достоверным. И, кстати, возможности существования такого рода деловых отношений соответствуют приводимые М.Доманже сведения об участии Сен-Жюста в приобретении национальных имуществ. — *примеч. Т.А.Черновой.*

пяти, с очень красивым нежным лицом, изящный, изысканно одетый, сидел за столом, заваленным папками, и листал какие-то бумаги, которые он держал в руках. Поглощенный этим занятием, он не обратил на меня внимания. Однако, Руайе приложил палец к губам, советуя мне молчание и скромность. Я прекрасно понял этот знак, но в нем не было необходимости: время и место властно призывали не дать слететь с моих уст ни одному лишнему слову. — Вот доверенность, о которой вы меня просили, — сказал я громко, и склонившись к его уху, потребовал свой билет. Красивый молодой человек спросил, не поднимая глаз от бумаг, поглощавших его внимание:

— Доверенность, Руайе! вы занимаетесь денежными делами, милейший?

— Да, гражданин, я только что получил небольшое наследство в Жуанвиле, и поскольку не могу отлучиться, чтобы получить его...

— Вы выбираете другого, чтобы он получил его для вас; очень хорошо.

Минутное молчание. Я собрался уйти, когда этот человек, оглядев меня с головы до ног, спросил:

— Вы служите у нотариуса?

— Да, гражданин.

— Не могу вас поздравить.

— Почему так?

— Потому что это школа, гнусная во всех отношениях. Нотариусы Парижа все заражены аристократизмом, у республики нет, быть может, больших врагов.

И с неожиданным переходом:

— Однако, поскольку им позволено вести дела, а мне самому нужно передать свое право одному из моих друзей в Нуайоне, чтобы восстановить кредит, которым я пользовался в этих местах, приготовьте для меня, когда вернетесь к своим занятиям, доверенность на этот предмет.

— Охотно, гражданин.

Склонившись, он принялся писать. Пока он писал, Руайе сказал мне тихонько: Будь осторожен, человек, которого ты видишь перед собой — Сен-Жюст.

— Держите, вот записка, которая вас осведомит, что вы должны сделать; но прошу вас, это нужно сделать быстро.

— Можете быть уверены, гражданин, что завтра...

— Почему не сегодня вечером?

— Через два часа, если хотите.

— Через два часа, хорошо; я бы не хотел, чтобы это дело затянулось. Мой должник — старый аристократ, которому не избежать гильотины, и я был бы очень рад, если бы он мне заплатил прежде, чем туда отправится. Ступайте, и возвращайтесь быстрее.

Не прошло и двух часов, как я возвратился с доверенностью. Сен-Жюст поблагодарил меня за усердие, которое я проявил, чтобы сделать ему приятное, сказал, что любит людей расторопных, вроде меня, и что каждый раз, когда ему нужно будет вести переговоры по личным денежным делам, он будет отдавать мне предпочтение. Он подписал доверенность, предложил мне оставить свой адрес Руайе, чтобы тот ему передал, поблагодарил за содействие и вышел.

Руайе поздравил меня со счастливым случаем, позволившим мне столь неожиданно войти в милость к такому человеку, как Сен-Жюст, настойчиво советовал мне поддерживать эти отношения, с пафосом говорил мне об огромном влиянии, которое он имеет в Конвенте, и уверял меня, что его покровительство, если я буду иметь счастье снискать его, может далеко меня завести.

Все это я знал не хуже, чем Руайе, и лучше него знал биографию Сен-Жюста. Я знал от одного из своих друзей, который вместе с ним учился в коллеже в Суассоне, что во время обучения там он всегда выделялся гордым нравом и независимостью суждений, и что, окончив коллеж за несколько лет перед революцией, он со всем жаром воспринял ее идеи. Я знаю, что снедаемый преждевременным честолюбием, он обманным путем, не достигнув еще надлежащего возраста, проник в избирательное собрание Шони, что обман был раскрыт и он испытал позор изгнания. Через некоторое время он выдвинулся, добившись звания *adjudant-major* в одном из батальонов Национальной гвардии Парижа, и отправил несколько статей Робеспьеру, чтобы поместить их в "Защитник Конституции", журнал, издававшийся последним в это время. Робеспьер их напечатал одну за другой, и таким образом между ними завязалась переписка, которой Сен-Жюст настолько был польщен, что сделался страстным поклонником Робеспьера и с этого времени полностью посвятил себя его судьбе. Робеспьер не был неблагодарным: он восхвалял на всех перекрестках юношеский патриотизм Сен-Жюста, принял его в Якобинский клуб и пошел до конца, добившись благодаря своему влиянию и секретной деятельности своих эмиссаров, избрания Сен-Жюста одним из депутатов Эны в Национальный Конвент, где он стал под знамена своего покровителя, которых не покинул никогда.

Впервые он высказал свое мнение, когда обсуждался вопрос, должна ли быть семья герцога Орлеанского изгнана с территории Франции. "Я требую, — сказал Сен-Жюст, — чтобы изгнаны были все Бурбоны, за исключением короля, который должен остаться здесь, вы знаете почему". Эта жестокая шутка тотчас выделила его; предвосхитив цареубийство, он не замедлил стать цареубийцей на деле; внешне менее популярный, чем Робеспьер, он почти также как тот господствовал в Комитете общественного спасения, где он был одним из самых активных и самых трудолюбивых членов, ...

С.181. ... и когда все формальности были исполнены, я, торжествующий и быстрый, как молния, направился на дом к Сен-Жюсту, на улицу Де-Мулен.

Он занимал прекрасную квартиру во втором этаже. Его officieux пригласил меня в столовую, посреди которой стоял круглый столик, уставленный тарелками с холодным мясом, фруктами по сезону, банками с вареньем, в общем, всем, что составляет прекрасный завтрак; ибо, должен сказать, что Сен-Жюст, этот суровый республиканец, провозгласивший с трибуны Конвента, что французы не должны и помышлять о наслаждениях Персеполиса и советовал им смириться с умеренностью Спарты, никогда сам не довольствовался черной похлебкой, а достаточно регулярно посвящал удовольствиям стола часть времени, не занятого заботами об общественном спасении; в этом он напоминал Шометта, Робеспьера, финансиста Камбона, и других республиканцев. [...] Узнав, зачем я пришел, слуга отправился доложить представителю, который заканчивал свой утренний туалет. Через несколько минут он вышел сам,

Как прославленный муж,
Который с утренней зари
Со свадебного ложа
Встает блестящий и сияющий

На нем был домашний халат из белоснежной бумазеи; на ногах — изящные турецкие туфли желтого сафьяна, как если бы он происходил по прямой линии от основателя ислама. Руками он взбивал и разглаживал струящиеся локоны своей надушенной шевелюры, располагая их вокруг шеи со столь же мелочной тщательностью, как оратор Гортензий складки своей тоги. Едва я его заметил, как сразу же представил ему доверенность, подписанную мэтром Гайаром и его собратьями, зарегистрированную и узаконенную. Восхищенный моим рвением и удовлетворенный моей расторопностью, Сен-Жюст предложил мне сесть и тут же пригласил позавтракать с ним. Я пробормотал несколько слов благодарности и ... принял приглашение.

Завтрак начался, и после минутного молчания Сен-Жюст заговорил.

— Я спрашивал вчера о вас у Руайе, и был рад узнать, что вы хороший патриот.

— Каким должен быть всякий француз.

— Несомненно, но каким не всякий француз является. Он, Руайе, рассказал мне также, что среди защитников отечества ваш брат, который записался в добровольцы в 92-м.

— Я бы тоже посвятил себя отечеству, но слабость телосложения, а также старый перелом ноги, из-за которого мне трудно ходить, не позволяют мне это сделать.

— Тем хуже. Ружье лучше подходит молодому человеку вашего возраста, чем перо, и вы стяжали бы больше славы в военном лагере, чем в конторе нотариуса.

— Согласен; но тогда я бы не имел чести завтракать сейчас с одним из самых прославленных представителей народа, являющим собой одну из самых прочных опор республики.

Он улыбнулся, не отвечая мне, но я увидел, что мое возражение не было ему неприятно. Беседа повернулась на предметы незначительные, на спектакли, например, на республиканские пьесы, которые тогда играли, о большем или меньшем патриотизме, которым они пропитаны, и т.д.; затем, поскольку доверенность оставалась лежать на столе, он взял ее машинально, и рассмотрел подпись:

— Имя вашего нотариуса Гайар?

— Да, гражданин.

— И его контора находится?

— На площади Дворца Правосудия.

— Я никогда не слышал о нем. Должно быть, это не очень большая контора.

— Нет.

— И думаю, она имеет немного дел с бывшими.

— Мы работаем исключительно с жителями квартала Ситэ, которые в целом прекрасные патриоты.

— Если эта клиентура и не очень прибыльна для мэтра Гайара, она по крайней мере не может его скомпрометировать, и в Париже не один нотариус, был бы счастлив не иметь другой.

С этими словами он поднялся, намереваясь переодеться для выхода, чтобы отправиться в собрание; ибо Сен-Жюст, по примеру Робеспьера, которого он боготворил, испытывал глубокое отвращение к грязному костюму санкюлотов, и появлялся на публике не иначе как изысканно одетым, что соединялось с его изящными манерами и естественной грацией. Не зная, кто он такой, никто бы и не подумал, что это один из самых непримиримых децемвиров Комитета общественного спасения. В тот момент, когда он возвращался в свою комнату, он повернулся ко мне, внимательно на меня посмотрел, и сказал без всякой подготовки:

— Что вы думаете о жирондистах?

— Я!

— Да, вы.

— Н-но...

— Ну как же, что думаете вы о жирондистах?

— Я думаю... что они напоминают Нерона, который говорил: Я обнимаю своего соперника, но для того, чтобы его удушить. Я думаю, что они именно так обнимали республику, чтобы удушить ее.

— Превосходно сказано. Я доволен вами; заходите навестить меня, и если я буду один и буду свободен, мы поговорим, и посмотрим, что можно для вас сделать.

Возвратившись в контору, я пересказал г.Гайару разговор, который был у меня с Сен-Жюстом; он очень благодарил меня, что я изобразил его перед столь грозным персонажем нотариусом санкюлотов, и просил меня утвердить его в этой спасительной мысли, когда мне случится вновь увидеть его.

Воспользовавшись данным мне разрешением, я появился у него дней через пять-шесть: он заперся с Робеспьером. Я вернулся в следующий дуоди: он работал с Кутоном. В один день он давал инструкции Лекарпантье, отправлявшемуся в миссию в департамент Ла Манш. В другой день он готовил вместе с Фукье-Тенвилем список заговорщиков, подлежащих отправке завтра в революционный трибунал. Таким образом, он был непрерывно занят делами и интересами общества.

Обескураженный всеми этими бесполезными попытками, я перестал, признаюсь, с сожалением, давать ему знать о себе, когда при выходе после вечернего заседания я заметил его в кулуарах Конвента. Я не решался заговорить с ним, опасаясь, что он меня не узнает или не захочет узнать; но я был приятно удивлен, когда он сам подошел ко мне и сказал с любезным видом: "Вот и вы. Я очень рад, что встретил вас. Вы несколько раз приходили ко мне, мне говорили; я был занят и не мог вас принять; но я собирался писать вам, чтобы просить вас оказать мне услугу. — Все, что от меня зависит, гражданин представитель. — Вот в чем дело: мне написали из Нуайона, что человек, которому я отправил свою доверенность, заболел, и стало быть не может хлопотать о моем поручении. Могли бы вы взять его на себя вместо него? — От всей души. — Тогда подготовьте другую доверенность на свое имя, которая отменяла бы прежнюю, и принесите мне завтра с утра пораньше".

Я доставил ее с той же пунктуальностью, что и в первый раз, и когда все было улажено, Сен-Жюст дал мне сумму, необходимую для путешествия и проживания, паспорт Комитета общественного спасения, и я отправился в Нуайон. Мне удалось покончить с его делом почти сразу; я тут же возвратился в Париж с 4.000 франков в ассигнатах, поднявшись в его доверии, и пошел отнести их ему. Он поблагодарил меня, повел обедать к Мео, где обед был самый роскошный, какой я когда-либо имел в моей жизни, а затем в Оперу, где давали *Nephte* и *Pretendus*. В антракте Лаис с красным колпаком на голове запел Марсельезу, сопровождаемый всеми хористами, мужчинами и женщинами, которые повторяли хором каждый припев. На последней строфе, Любовь к отечеству святая, Сен-Жюст возгласил громовым голосом: "На колени!" и присоединил пример к предписанию. Все вокруг стояли на коленях, как он и я до начала припева; тогда партер весь поднялся и присоединил четыре или пять сотен голосов к голосам артистов Национальной академии музыки, что произвело самый ужасный музыкальный шум, когда-либо слышанный на спектакле.

С этого времени я оказывал услуги Сен-Жюсту настолько усердно, насколько это было возможно, не становясь назойливым, и прием, который он мне оказывал, был обнадеживающим. Иногда он не гнушался обращаться ко мне за советом относительно дел, касающихся его частных интересов, и я не однажды завершал их к его удовлетворению. Однажды утром, когда я пришел к нему дать отчет об одном из этих дел, он оказался чрезвычайно занят. Комитет общественного спасения получил накануне известие, что Виссамбургские линии только что захвачены, что австрийцы продвигаются к Страсбургу, и что французская армия, павшая духом, так же как и ее генералы, начинает разлагаться. Это было примерно в конце октября. Сен-Жюст едва меня выслушал, расхаживая большими шагами по комнате. В конце концов он сообщил мне, что через два дня отправляется вместе с Леба восстанавливать порядок в военном лагере, и добавил: "Я ничего не пожалею, чтобы возвратить победу под знамена Республики; я не отступлю ни перед какими суровыми мерами; я не пощажу ни предателей, ни трусов, и гильотина поможет мне разделаться с генералами, которые не умеют побеждать, или не хотят... Прощайте; сегодня у меня нет времени с вами разговаривать; приходите ко мне после моего возвращения".